

МИССИОНЕР

роман

«Оставайся пока в миру, Андрюша, там твой путь». Тихие слова старца звучали в его голове снова и снова. Это был приговор. Все равно, что в день освобождения получить продление срока. Но слово сказано, теперь необходимо ему подчиниться.

Бессонная ночь, проведенная на верхней полке под перестук колес, совсем не сказалась на его утреннем самочувствии. На московскую платформу Андрей Ильин ступил бодрым и спокойным. Он все для себя решил.

Встречные потоки пассажиров смешались, и на платформе образовалась обычная сутолока. Попутчиков Андрея толкали плечами и пинали сумками, но самого Андрея толпа обтекала, ни разу не тронув.

Чем это вызвано? То ли его мощным пружинистым торсом, то ли уверенной неспешной походкой, то ли пронизывающим взглядом серо-голубых глаз... Вьющиеся спутанные светло-русые волосы его, трехдневная щетина и ироническая улыбка жесткого волевого рта вносили еще большую сумятицу в упражнения физиономистов, пытавшихся дать ему психологическую характеристику. Такой человек может быть очень опасным врагом, другом же... нет, скорее, такие друзей не ищут, такие орлы летают в одиночку. Хотя... и не нам с вами одним приходилось ошибаться, глядя на такие лица.

Дома он поставил чайник на плиту и прочел сообщения пейджера. Бригадир «гвардии» уже требовал его на объект. Он принял холодный душ, побрился и сел за стол выпить крепкого чая.

Постучала в дверь и вошла соседка Света, женщина неопределенного возраста и поведения. За пару минут она успела выложить, что прогнала мужа-пьяницу, уволилась с работы, осталась без денег и теперь намерена тосковать. Андрей сказал, что сейчас он уезжает на работу, и предложил ей зайти вечером для более обстоятельной беседы. На прощанье Света обнажила в улыбке редкие зубы и призналась, что рада его возвращению, на что она уже и не надеялась. «С чего это вдруг не надеялась?» — поднял он на нее глаза, но та уже упорхнула.

Пока электричка вяло тащилась до станции Кратово, Андрей задремал и снова вернулся в то переломное для себя время, когда все началось...

Бабуля, его любимая бабуленька, самый близкий ему человек, вдруг тяжело заболела. Когда он приехал к ней домой в старый арбатский дворик, она рассказала своему любимому внуку о тайне, которую хранила долгие годы.

Оказывается, Елизавета Андроновна, старая учительница, потомственная интеллигентка, тончайший человек с классическим образованием и энциклопедическими знаниями, почти всю жизнь скрывала, что она была верующая.

Андрей, пораженный, сгорбившись сидел у бабушкиной кровати и никак не мог понять, как же это все совместимо! С детства ему родители и учителя внушали, что религия — это удел людей темных и необразованных, это опиум для народа...

И вдруг оказалось, что эта женщина, знавшая буквально все, о чем ни спросишь, культурный и тонкий человек, втайне от всех постоянно ходила в церковь. Никогда она не говорила об этом никому, даже ему, своему любимцу, самому близкому человеку...

Бабушка долго говорила о Боге, о своей вине перед внуком и детьми. И все просила прощения. И умоляла привести священника — отца Владимира из храма Иерусалимского подворья, чтобы исповедаться и причаститься.

Андрей не посмел ослушаться бабушку, разыскал это подворье, расспросил, как найти отца Владимира. На следующий день привел седенького старичка в средневековой одежде к бабушке домой. Всю дорогу они молчали, Андрей не знал, о чем и как с ним

говорить. Идти рядом с попом в его странном облачении было стыдно, на них озирались, за спинами шушукались...

Дома у бабушки отец Владимир долго выслушивал исповедь, читал молитвы и еще что-то делал непонятное. Но вот когда он ушел, бабушка будто засияла от счастья несмотря на свои тающие силы.

Она попросила достать из резного дубового комода старенький молитвослов, пометила несколько молитв, канонов, показала псалмы и просила Андрея их читать. Вот тогда он и понял, что такое молитва. Всю ночь он сидел у изголовья умирающей бабушки и читал вполголоса молитвослов. Сначала все это его раздражало, но потом тоска и раздражение исчезли и на их место в душу пришли покой и редко его посещавшее чувство своей правоты. Бабушка то впадала в забытие, то снова открывала глаза, но на ее даже сейчас красивом лице теплилась благодарная улыбка.

На следующий день с утра наехали родители и брат, заходили бабушкины подруги, соседки. Андрей уехал домой, где его заждалась Лена.

Жена сначала набросилась на него с упреками, ее красивое лицо исказила злобная гримаса, но, услышав о тяжелой болезни бабушки, на время ревниво отступила.

Он при первом же удобном случае заперся в комнате, оборудованной под кабинет, снова достал молитвослов. И снова ощутил он, как молитвы очищают его от суетливой шелухи и настраивают на самое главное — подготовку к страшному, но неизбежному.

Вскоре бабушка умерла. Родное лицо ее в гробу поразило своей отстраненной просветленностью. На кладбище во время скромной церемонии похорон в просиневшем на время небе кружились белые голуби. Впервые в жизни во время похорон Андрей вместо обычной шемящей тоски чувствовал покой и тихую радость.

Следующим утром Андрей отправился в церковь к отцу Владимиру. Шла воскресная служба, и пришлось подождать. Он с трудом понимал происходившее, но служба ему, как ни странно, понравилась, и он снова испытал состояние душевного подъема. Отец Владимир после окончания службы сам подошел к Андрею и говорил с ним удивительно мягко. Андрей пришел посоветоваться со священником, как ему лучше себя вести после смерти бабушки и как за нее молиться.

Спустя несколько месяцев он потерял сначала жену, а потом и родителей. Они продолжали жить и здравствовать, но все отношения с Андреем прервали, объявив психом. После развода и размена ему досталась комната в коммуналке, свобода молиться и беспрепятственно посещать храм.

Следом за ним в храм пришли и все «гвардейцы», один за другим. Не сразу, конечно...

На объекте на Андрея набросился «менеджер» Пал Трепалыч:

— Где тебя носит? Сегодня приедет хозяин, вопросы, наверное, задавать будет.

— А ты на что? У тебя только и дел, что следить и докладывать.

— Да будто я чего понимаю в вашем строительстве. А твои «гвардейцы» даже головы от работы не поднимают.

«Гвардией» Андрей называл свою бригаду не зря. Как в гвардейских частях собираются отборные силы, так и в этой бригаде работали отобранные путем долгих испытаний инженеры и офицеры, вышедшие в отставку. Люди немногословные, работали они от зари до зари почти без перерывов. На качество и аккуратность обращали особое внимание. Андрей тоже некоторое время работал с ними на равных, но потом ушел на свое дело. Когда его неудачная попытка крупно заработать провалилась, едва не стоив ему жизни, бригада снова пригласила его, но уже в качестве прораба. Обязанности Андрея не тяготили его, потому что ни дефицита материалов, ни трудностей с поиском новых объектов не было. Но бригаде нужен был такой человек, чтобы не отвлекаться от работы.

На первую встречу три месяца назад хозяин заявился в окружении массивных телохранилителей, на трех черных джипах размером с самосвал. Подошел вразвалку к Андрею и гнусаво заявил:

— Значит так, мальчик, плачу вдвое от сметы, но если через два месяца дом не будет построен, ваши уши будут болтаться на вон той березе.

Андрей уже встречался с такими «деловыми» и знал, что говорить с ними надо так, чтобы с первого слова суметь заставить себя уважать, при этом держа на дистанции и контролируя каждую фразу, так как ловить на неосторожно оброненном слове — этому учат даже начинающих. Он почувствовал, что страх кольнул-таки его острой занозой, но весь собрался, самоотстранился, вспомнил слова апостола: «Если с нами Бог, то кто против нас?» Рука в кармане легла на теплые деревянные четки, и потекла Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного...».

— Значит так, — спокойно глядя хозяину в глаза, сказал Андрей, — наша бригада отвечает за качество работ. По технологии положено строить такой дом четыре месяца, вот за это время мы его и построим. Даже при всем уважении к вам бетон не наберет необходимую прочность раньше проектного времени. А что касается наших ушей, то мы уже и пуганые и стреляные, и правила игры знаем, так что если наши условия вам не нравятся, поищите других.

— Ну что за молодежь пошла! Никакого почтения ни к сединам, ни к моим двадцати четырем годам зоны. Ладно, Андрей, я про вас уже все знаю, поэтому работайте спокойно. Как и сказал, плачу две сметы. Для связи со мной поставлю вам своего друга Пал Палыча. Будет здесь у вас ...гм... менеджером.

С тех пор хозяин приезжал только пару раз, буквально на минуту, удовлетворенно хмыкал, спрашивал что нужно, давал денег и уезжал.

Отношения их перешли в русло взаимного уважения и невмешательства. Но Андрей все же держался с заказчиком подчеркнуто вежливо, холодно и даже сурово.

На этот раз визит оказался необычным. Громадное тело хозяина никто не охранял, он никуда не спешил. Выглядел усталым и больным. Перекинулся несколькими словами с Пал Трепалычем и отозвал в сторонку Андрея.

— Что, «наехали», Владимир Иванович? — скорей констатировал, чем спросил Андрей.

— Я еще в первый раз заметил, что у тебя глаз, как у следователя, — будто насквозь видит. Да, Андрюха, крепко обложили.

— За кордон махнете, или воевать будете?

— Нельзя мне за кордон.

— Кровь будете проливать?

— Не хочу я этого, — хозяин опустил на глаза набрякшие веки. — Они сами напрашиваются. Думал, на старости лет отмолю грехи, поживу в мире и покое. Деньги честно стал зарабатывать. Меня партнеры, даже английские, уважают за честный бизнес и надежность. Я ведь почему вашу «гвардию» выбрал? Мне сказали, что вы по вере живете. Так, может, что посоветуешь? Не идти же к попу? Он же меня не поймет.

— Это вы напрасно, Владимир Иванович. Вряд ли вы своими вопросами священника испугаете. К ним приходят и с более серьезным.

— А что может быть серьезней крови?

— Причина, которая до крови доводит. В данном случае, я думаю, сребролюбие?

— Дело не столько в деньгах. Ненавидят нас эти зверьки, Андрюха, и наши законы презирают. Может быть, законы у нас — и не римское право, конечно, но все же беспредел как-то сдерживают. Даже милиция их уважает.

— Значит, вы считаете, что правда на вашей стороне?

— Да. Иначе бы я к тебе не обратился. Какие тут шутки? Себе дороже.

— Тогда и я сейчас серьезно говорить буду. И сделать вам желательно все так, как я скажу. Вы готовы?

— Говори. Сделаю, как скажешь, — хозяин устало кивнул коротко стриженной сединой и вздохнул.

— Во-первых, приготовьтесь расстаться со всем, что у вас есть. С жизнью тоже. Если за правду... Побеждают только в таком состоянии. Во-вторых, полностью положитесь на волю Божью, а о своей забудьте. Затем надо, чтобы все ваши родственники и друзья пошли в храмы и поставили свечи за ваше здравие к иконам Иисуса Христа, Божьей Матери, Николая Чудотворца. Пусть закажут молебны Пресвятой Богородице и сорокоусты. Вам самому необходимо прийти в храм, принести жертву, исповедаться. Лучше для этого выбрать храм небогатый, даже бедный. Мы с ребятами тоже будем за вас молиться.

— Ты считаешь, что этого достаточно?

— Если все это будет сделано искренне, то — вполне.

— Ты сказал: принести жертву. Какую? Деньги, что ли?

— Деньги — всегда соблазн. Лучше закупите храму то, что им нужно из стройматериалов, инвентаря. Словом, что скажет батюшка. Денег немного тоже можно дать, батюшки ведь живут очень бедно, а семьи у них обычно многодетные.

— Хорошо, сделаю, как говоришь. Вижу, знаешь дело. Если ко мне вопросов нет, поеду. Смотрю, дела идут у вас хорошо.

— Нормально.

Когда хозяин уехал, Пал Трепалыч заискивающе обратился к Андрею:

— Ну, что, не ругался?

— Да нет, спрашивал: нужен ты мне или уже надоел?

— И что ты ответил? — склонил тот свою загоревшую лысину еще ниже.

— Сказал, что пока не пристаешь, терпеть можно.

Андрей подошел к бригаде. «Гвардейцы» продолжали монтаж стеновых панелей, только темп временно снизили.

— Молитесь, братья, за здравие раба Божия Владимира. Плохо ему...

Света

Вечером Андрей прошелся по магазинам, заполнил пустое нутро холодильника свертками и банками с разноцветными этикетками. На кухне поставил на огонь сковороду, высыпал туда из пакета резаную картошку и брикет рыбного филе, посолил и полил майонезом. Пока он производил эту процедуру, за ним саркастически наблюдала Света, зная, что учить его кулинарии бесполезно. Он умел готовить вкусно и даже изысканно, но только если приходили гости или случался праздник. В повседневной жизни Андрей тратил на еду минимум времени. Вот и сейчас, включил малый огонь и, присев на табуретку, открыл книгу.

— Так, мы с тобой поговорим? — робко подала голос из своего угла Света.

— За ужином, ладно? Если хочешь, можем столы объединить. Ты что там жаришь? — поводит он носом.

— Баклажаны с овощами. Знакомые с Украины привезли.

— Пойдет.

Через полчаса они сидели тут же на кухне за столом и не спеша ужинали.

— Так пошто суженого выгнала?

— Да ну его, пьет беспробудно, а денег не носит. Грубит, опять же.

Муж Светы Сергей, или как его все называли Серега, в трезвом виде представлял собой тихого, даже немного забитого мужичка, даром что стать и усы имел гусарские. Он безропотно выполнял энергичные команды своей жены по хозяйству, редко шумел. Работал весовщиком на складе металла. Умел так наладить весы и договориться с клиентом, чтобы иметь небольшой навар, но в валюте. Правда, заработки его не отличались стабильностью: то пусто, то густо. После работы или сидел у телевизора, или

собирал модели спортивных машин, которых по полкам в их комнате расставлено было в богатом ассортименте и количестве.

Это — когда трезвым... Но стоило этому тихоне выпить каплю спиртного, в нем просыпался зверь дикий. Он скандалил, рычал, грохотал падающей мебелью, Свету свою гонял, а иногда и побивал до синяков. Длилось это безумие дня три-четыре, потом он «ломался», в тоске ложился на диван и начинал себя укорять за буйство, заунывно выпрашивая у Светы прощения. В эти минуты он безропотно выслушивал от нее все подробности своих буйных приключений, которые выпали из его памяти, а также все соображения жены по поводу некоторых недостатков его личности.

Пытался Андрей как-то вступить за притесняемую разнужданным мужем соседку, но получал двойной отпор: и от него («Не мешай жену воспитывать») и от нее («Не лезь не в свои дела»). После неудачной попытки их примирения он обил свою дверь толстым войлоком, и только когда их дебаты перемещались на кухню, он молча выходил туда и, скрестив руки, своим присутствием сдерживал ярость сторон.

— Значит, решила на Сереге сэкономить? Ну, и как, прибыло в бюджете?

— Не-а, зато расходов поменьше. Да и с работы уволилась. Надоела торговля.

— А что будешь делать?

— Хочу с детьми работать. Я ведь в молодости педагогический закончила.

Андрей оторвал глаза от поедаемого куска рыбы и удивленно воззрился на собеседницу. Света всегда улыбалась (если не плакала): в радости и в горе, в волнении и в покое. Иногда Андрею казалось, что она глубоко психически больна, но порой она поражала его своей практичностью и стремлением к доброте.

Когда Света впервые пришла к Андрею, она то плакала, то смеялась, то шутила, то растерянно и умоляюще смотрела на него своими темными, широко расставленными, поэтому несколько шальными глазищами. Он тогда предложил вместе сходить в храм и там исповедаться. Она сказала, что раньше ходила в католический храм, но там ей было как-то холодно, поэтому посещения свои она прервала.

Им тогда очень повезло: исповедь принимал сам отец Владимир, сильно постаревший, почти глухой, но весь — доброта и праведность. Света почти постоянно вытирала глаза, а когда подошла к священнику, то вдруг разрыдалась и обхватила его колени руками. Отец Владимир погладил ее по голове прохладной сухонькой ладошкой и та, как ребенок, доверчиво подняла зареванные глаза и стала говорить.

— Он святой! — шептала Света, отойдя от священника. — Я именно таким представляю себе Господа Бога, вот таким добрым и мудрым старичком с белой бородой. Спасибо тебе, Андрюша, ты мне так помог, так помог!

После окончания литургии они вышли из храма, немного прогулялись по арбатским уютным переулкам, потом голод загнал их в кафе под бордовым навесом, где подавали приличный кофе со свежими пирожными. Там они просидели пару часов. Деньги у Андрея уже кончились, официант несколько раз подходил к ним, нетерпеливо требуя нового заказа, но они все сидели и говорили. Вернее, говорила в основном Света.

...И вот теперь она ему выдает новую задачу. Андрей никак не мог представить ее с детьми — она казалась слишком занятой своими проблемами. Слишком неустроенной и безалаберной. Впрочем, никогда ничего нельзя сказать точно и определенно о женщине, а особенно такой, как Света.

— А раньше тебе приходилось работать с детьми?

— Нет, но они меня всегда любили. Я умею находить с детьми общий язык и еще умею быть им другом.

— Ты сейчас в храм ходишь?

— Никак не получается, все какая-то суета-маета. Слушай! А может, все мои несчастья последнего времени поэтому? — наконец-то осенила ее ценная мысль. Она даже рот открыла и вытаращила глазищи.

— Думаю, да. Наши несчастья — это напоминания нам о том, что «ничего без Меня не можете», чтобы на себя слишком не надеялись.

— Так что ты мне посоветуешь?

— Что и всегда... Сходи на исповедь, очисти душу, потом помолись и попроси помощи в поиске работы.

— Да, я стыжусь обращаться к Богу с такими просьбами. Мне кажется, у Него и без этих мелочей дел много.

— А ты дерзни! В конце концов, тело есть храм души, и оно нуждается в питании и одежде. И еще сказано: «Не имеете, потому что не просите!» Так что проси — и воздастся. И твердо верь в это.

Юрий

С тех пор, как генерал Егоров пригласил его участвовать в своей предвыборной кампании, дел у Юрия Ильина заметно прибавилось. Ему поручили курировать несколько крупных регионов. Там надо было найти верных людей, организовать предвыборные штабы и координацию их деятельности.

Генерал получил серьезную поддержку политических единомышленников и деловых кругов. Ему обещали крупные деньги и хорошие шансы на выборах. Дела своей фирмы Юрий передал заместителю. Почти все свободные деньги вывел из оборота и направил на оргработу в штабе. Словом, он, как говорится, поставил все деньги на одну лошадку.

Генерал Егоров считался патриотом, человеком бесстрашным и честным. Развал империи он воспринимал как личное горе и решил посвятить жизнь борьбе с «мировой закулисой».

Разумеется, врагов у генерала после обнародования предвыборной программы появилось великое множество, ведь одним из первых пунктов ее значилась борьба с коррупцией и криминализацией общества.

Юрий часто бывал у генерала дома. Его удивляла непоказная аскетичность этого человека. В своей однокомнатной квартирке он работал за письменным столом из древесно-стружечной плиты. Питался кое-как, выпивая в день десяток кружек крепкого чая с любимыми ванильными сухарями. Конечно, для него уже строили громадный особняк за кольцевой автодорогой, приличествующий политику такого ранга, но ему лично это было совершенно неинтересно. Распоряжался его финансами однополчанин, имевший к этому призвание и соответствующий опыт. Генерал лишь иногда вникал в дела финансовые, но быстро к этому охладевал и снова возвращался к своей активной политической работе.

Главной его заботой стала консолидация единомышленников среди военных, силовых структур и предпринимателей-патриотов. Когда его люди в компетентных органах докладывали ему о сборе на него компромата, генерал лишь усмехался и бросал фразу вроде: пусть роют, за мной все чисто.

Знал о незапятнанной репутации Егорова и его знакомый генерал ФСК Тюрин. Его люди исследовали каждый шаг Егорова с самого детства, но почти безрезультатно. Тюрина вызывали на самый верх и строго приказали «найти для Егорова бомбу» и держать наготове. Ему прямо сказали, что «допустить этого армейского слона в посудную лавку большого политического бомонда никак нельзя». Тюрин приказал досконально изучить ближайшее окружение генерала и там искать компромат.

Генерал Егоров к своим основным помощникам приставил охрану из верных, проверенных в боях ребят. Все они прошли обучение в спецшколах под руководством опытных разведчиков. Вскоре Юрию доложили, что за его «Ауди» постоянно следует хвост, судя по почерку, из наружки ФСК. Генерал Егоров успокоил Юрия и его

охранников, что от этих ребят им ждать неприятностей не следует, мол, за нами правда, потому не дергайтесь.

Генерал Тюрин просмотрел бумаги аналитического отдела по генералу Егорову и сделал выбор. Если нет подхода к самому Егорову, надо атаковать его друга Ильина. После такого предупреждения Егоров надолго выйдет из строя. Куратор долго буравил Тюрина тяжелыми черными глазами, по-кошачьи мягко прошелся по громадному кабинету, что-то пробурчал под нос не по-русски и дал добро. В этот же день генерал Тюрин вызвал к себе Валерия.

Однажды вечером, возвращаясь домой после напряженного рабочего дня, Юрий устало выходил из машины и его взгляд скользнул по окнам дома напротив. В одном из окон будто бы блеснули круглые стекла полевого бинокля. Впрочем, может быть, это ему показалось...

Дома после ужина он сел за бумаги, но память снова выбросила на поверхность сознания этот короткий выблиск. Сердце сжало холодной скользкой рукой, и он впервые за долгие годы ощутил ненавистное с детства чувство животного страха. «Обложили меня, обложили...» — пронеслось в голове из песни Высоцкого.

Он вызвал охранника и со стыдом поделился с ним своим наблюдением. Тот отнесся к словам Юрия совсем без юмора и исчез озабоченным.

Неожиданно для себя Юрий потянулся к телефону и набрал номер пейджера брата, наговорил текст с просьбой позвонить ему, как только тот сможет.

С некоторых пор он с трудом понимал своего младшенького. Тот «ударился в религию», ни дела старшего брата, ни обычные для его круга развлечения не интересовали Андрея. Они, конечно, продолжали дежурное общение, но между ними пролегла какая-то пропасть. Юрию все время казалось, что младшенький потихоньку сходит с ума.

Юрий несколько раз даже, видя неважное финансовое состояние брата, предлагал поработать в своей фирме, но тот как-то странно грустно смотрел на него и отказывался: деньги Андрея не интересовали. Тогда он приглашал вместе провести выходные на даче. Андрей приезжал, буквально на руках носил свою племянницу, подолгу разговаривал с женой, но в беседах с родным братом замыкался и больше молчал.

Случилось это все после их разговора, во время которого Андрей признался, что верует в Бога. Он начал было увлеченно рассказывать о своих открытиях «якобы истины», на что получил от Юрия в ответ хлесткое определение «мракобес». С тех пор между ними и пролегла тень.

И вот ни с того ни с сего Юрия потянуло пообщаться с братом. Через несколько минут раздался звонок телефона, и он услышал родной голос.

— У тебя что-нибудь случилось? — первое, что сказал Андрей.

— С чего ты взял? Думаешь, я способен звонить только с большой нужды? — огрызнулся Юрий.

— Ну, мы с тобой все же братья, и я еще способен чувствовать твою боль. Говори, что случилось.

— Да, в общем, ничего серьезного... Так, некоторые подозрения.

— А конкретней?

— Слежка за мной. Похоже, ка-гэ-бэ. И еще... ты, наверное, будешь смеяться, но вот показалось, что блеснуло из дома напротив стеклами бинокля. Вроде пустяк, но что-то на душе стало паршивенько.

— Когда это все вместе, брат, то на пустяк совсем не похоже. Ладно, я кое-что придумал.

— Эй! Что ты еще придумал? Своих «гвардейцев», что ли, подключить? Так это ни к чему. У меня профессиональная охрана — твоей не чета.

— Нет, это будут не мои ребята. Это будет нечто более могущественное, чем человек.

— А-а-а! — протянул Юрий. — Опять ты со своей мистикой. Все-таки ты ненормальный...

Юрий швырнул трубку, долго ругался, но — странно — разговор с братом успокоил его и вселил необъяснимо крепкую уверенность.

Валера

Дома он стал под горячий душ и смыл-таки со своего лица маску подобострастия. Растираясь жестким полотенцем докрасна, он взглянул в зеркало и с удовлетворением констатировал, что его обычная жесткость снова проступила во взгляде серо-стальных глаз. Налил себе стакан коньяку и жадно выпил, в голове просвистел ураган, и установилось холодное спокойствие. «Сейчас я возьму трубку и наберу указанный номер».

Совсем недавно Валера состоял в организации, сила которой не вызывала ни у кого сомнений. Сначала его обкатали на границе, где ему пришлось «креститься кровью», потом он доказывал терпение и настойчивость в кабинетной работе. Здесь его приучили добывать нужные показания от подозреваемых любыми способами, которых в арсенале его старших коллег оказалось немало.

До сих пор каждый день Валера вспоминает, как они с ребятами после уничтожения очередного врага советской власти в обеденный перерыв шли по оживленной улице в ресторан и прохожие уважительно — кто кланялся им, кто обходил стороной.

В ресторане их встречали с поклоном и уводили в персональный кабинет, где потчевали самым изысканным, и денег, разумеется, не брали. А стоило только завести разговор о грядущей командировке, в пиджачный карман тут же опускалась толстая пачка денег, выпавшая из проворных рук официанта. Потом, когда персонал их конторы стали сокращать, почему-то первым вычистили его отдел. Ему обещали в скором времени вызвать для дальнейшего устройства, но молчание затянулось надолго.

Изредка, обычно в ресторане, он встречался с бывшими сослуживцами. Некоторые из них уходили в частные охранные фирмы, и там им сразу доходчиво объясняли законы бизнеса: «Или они нас, или мы их», причем жизнь человека в игре, где счет идет на миллионы долларов, ничего не стоит. Один такой, когда понял, что его сделали бандитом, пытался выйти из игры, но ему даже не позволили дойти живым до дома.

За столом этим бывшие сослуживцы обычно или много ели, или много пили. Кто много ел, тому похвастать было нечем. Те, которые много пили, первых называли неудачниками, относились по-трезвому снисходительно. Когда же выпивали какую-то критическую дозу, принимались оправдываться перед едоками, совали им в карманы зеленые сотенные купюры и ругали «жизнь проклятую». Валера умудрялся успешно делать оба застольных дела: он и ел много, и пил до упора. Обнимался со всеми, хотя больше его тянуло к людям в дорогих костюмах.

Накопления его вскоре кончились, и Валера через друзей нашел себе место на автостоянке. Хоть оклад ему положили небольшой, но в первую же ночь он за предоставление мест сторонним автовладельцам неплохо заработал. Половину, как водится, отдал хозяину, но и то, что осталось, его порадовало. Скоро он опять приоделся, стал даже иногда обедать в ресторанах... Только вот это подобострастие липло к лицу, как паутина и смывалось горячей водой и коньяком только на время.

Он потерял самое главное для себя — ощущение причастности к могучей организации, перед которой трепещут все, кто сам в ней не состоит. Его перестали бояться и уважать. Да что там! Иногда он сам чувствовал в груди холодок страха, заползавший

туда при виде въезжающих в ворота стоянки сверкающих мощных иномарок с коротковолосыми мужчинами, обвешанными золотыми цепями.

Но вот вчера на стоянку позвонил сослуживец его отца, уже в чине генерала, и потребовал готовиться к возобновлению работы в органах. Валера одновременно обрадовался и испугался: за пять лет жизни вне конторы он растерял былую жесткость и сноровку, зато живот округлился, и мышцы одрябли.

И вот сейчас надо звонить генералу. Он поднял трубку, повторил по памяти продиктованный номер телефона — и вдруг ощутил в груди страх и тоску. Трубку положил, налил еще стакан коньяку, выпил, походил по комнате, сел в кресло, вдохнул, резко выдохнул и решительно застучал по клавишам телефонного аппарата.

Секретарь соединил его с генералом, и тот сразу приказал срочно выезжать на конспиративную квартиру, адрес которой продиктовал. Валера по новой своей привычке записал его в блокнот, похолодел от обнаруженной ошибки и выдрал сначала листок, на котором писал, а потом и еще несколько листков, на которых мог остаться отпечаток букв и цифр адреса. Затем он засуетился, подыскивая соответствующие случаю костюм и галстук, и со страхом вспомнил о выпитых двух стаканах коньяку. Нет, он не чувствовал опьянения, но запах! На кухне отыскал лавровый лист и пожевал, потом еще на всякий случай почистил зубы.

На такси, как раньше, пропустив первое остановившееся и сев во второе, он доехал до соседней с искомой улицы. Пешком прошел до улицы, указанной в адресе. Несколько раз проверился на поворотах и только после этих лисьих маневров он вошел в подъезд обычной девятиэтажки. Поднялся на седьмой этаж и позвонил в нужную дверь. Открыл ему незнакомец бандитской наружности и провел в комнату, где в глубоком кресле развалился генерал Тюрин, в свободных светлых брюках и пестрой рубашке навыпуск. В его коротких волосатых пальцах тлела толстая гаванская сигара. Ни разу еще Валере не доводилось видеть отцовского друга в таком облачении, даже во время застолий в доме отца. Генерал улыбнулся, сверкнув ровной шеренгой зубов, указал на кресло напротив:

— Садись, Валерий Степанович. Пей кофе. Коньяку пока не предлагаю, да и на сегодня тебе хватит. И не думай, что мятная зубная паста и лаврушка меня введут в заблуждение. Я не спрашиваю о твоей судьбинушке, мне уже все, что нужно, доложили. Конечно, некоторые навыки ты подрастерял, но это все мы восстановим. Главное, что наша закваска в тебе осталась. Скучаешь по службе?

— Еще как!

— Знаю, знаю... Это у тебя потомственное. Это у нас всех — в генотипе, никакой перестройкой-пересменкой не вытравить. Ладно, не тревожься, теперь ты снова будешь с нами. Только имей ввиду, изменились не только обстановка в стране, но и методы нашей работы. Ты будешь вне штата. Работай пока, где работаешь. А теперь слушай внимательно...

То, что дальше рассказал ему генерал, Валеру несколько расстроило. Работа по схеме «в случае провала мы тебя не знаем» была ему, конечно, знакома, но как-то все больше теоретически. Правда, были два «но»: во-первых, ему не предлагали выбора, как говорится, вход рубль, а выход два; а во-вторых, за первую операцию ему положили такой гонорар, что в прошлой жизни таких денег ему не заработать до пенсии.

Сперва его направили на стрельбище, где ему надлежало вспомнить и подновить стрелковую подготовку. Потом после кратких подрывных курсов ему поставили задачу, оснастили техникой и оружием, дали денег на текущие расходы. Объектом его попечительства стал Юрий Ильин.

Неделю Валера следил за своим объектом из квартиры дома напротив. Изучил его расписание и систему личной охраны. Обнаружил некоторые бреши, но понял, что просто так к объекту не подобраться. Его телохранители постоянно мелькали перед охраняемым

телом, и надеяться на время, необходимое для тщательного прицеливания, не приходилось. Время, отведенное для подготовки операции, подходило к концу, а четкого плана не вырисовывалось. Тогда он решил сменить тактику.

Андрей посетил храм, где заказал молебны о здравии брата, вернулся домой и закрыл на ключ дверь своей комнаты. Зажег лампадку перед иконами, встал на колени, открыл молитвослов и стал читать молитвенное правило...

Рано утром в подъезд дома, в котором жил Юрий, вошел сгорбленный бомж с рваной матерчатой сумкой в грязных руках. В ней позвякивали несколько пустых бутылок. Бомж пошарил потухшими глазами по площадке первого этажа, вздохнул, побурчал и вышел восвояси.

Андрей положил сороковой земной поклон, отсчитав по четкам, и продолжил молитву: «...Сопутствуй и утешай нас во время скорбей наших, даруя нам память о гресех наших, помогай в напастех и треволнениях мира сего, и во всех бедах в сей юдоли плачевней нас постигающих...».

В пустом общественном туалете бомж зашел в кабинку и заперся изнутри. Через пару минут дверца кабинки распахнулась и выпустила наружу Валеру, одетого в легкие брюки и футболку. Пластиковую взрывчатку он установил, кажется, без лишнего шума и достаточно надежно. Теперь осталось дожидаться момента, когда объект будет заходить в подъезд, и нажать кнопку радиоуправляемого взрывателя.

«...Ты, победив полки супостатов, — читал Андрей следующую молитву, — от пределов Российских отгнал еси: и на нас ополчающихся всех видимых и невидимых врагов низложи...».

Валера сидел у окна и ждал приезда объекта с работы. Осталось всего-то ничего: в нужную секунду нажать кнопку и быстро удалиться из квартиры. Он заранее уничтожил все следы своего здесь пребывания. Только нажать — и уйти. Но, что же это такой необъяснимый страх снова закрался в грудь? Почему накатила такая смертная тоска? Что это с ним? До предполагаемого времени приезда объекта остались больше получаса.

«...Разруши силы возстающих враг, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится, и да уведят, яко мы имамы Божественную помощь; и всем в скорби и обстоянии сущим многомощное яви Твое заступление...».

Валера, чувствуя себя последним идиотом, вышел из квартиры и направился к ближайшему ларьку. Под грохот собственного сердца он купил бутылку коньяку и вернулся назад. «Что я делаю! Кретин!» — шумело в голове, но руки сами вскрыли бутылку, и рот сам по себе сделал несколько жадных глотков обжигающей жидкости. Нутро растеплелось, тоска вроде унялась. Прошли переживаемые полчаса. Затем еще час и еще — объект не появлялся. Валера — глоток за глотком — опорожнил всю бутылку, сбегал за второй. Продавец ему подмигнул, как знакомому, но Валеру это нимало не смутило. Он успокоил себя, что если не выйдет сегодня, то он взорвет этого Ильина завтра, ну или послезавтра, неважно! И пошли они все!.. Подумаешь, начальство! Да если что — эти шакалы в кусты, а ему на плаху. А, может, удрать подальше? Денег ему дали немало, лет на пять тихой жизни где-нибудь в Урюпинске хватит. А там и всех его нынешних начальников прибьют, или еще что случится.

«...Тем же, ко твоему покрову и заступлению прибегающе, смиренно молим тя: якоже сам от бури сумнительных помышлений избавлен был еси, сице избави и нас, волнами смущений и страстей обуреваемых...».

Что это за тоска снова навалилась! Валера опорожнил еще полбутылки, но на душе скребли кошки. И этот объедок, то бишь объект, не едет, гад. Все сволочи! Все гады! Все против него.

Наступила поздняя ночь, когда у входной двери позвонили. «Какую там еще тварь несет! Все сволочи!» — завывало в обожженной спиртом груди. Валера спросонья, с тяжелой пульсирующей головой доплелся до двери, ругнулся и рванул ее на себя. В квартиру бесшумно, мягко роняя Валеру на пол, ввалились несколько человек. Спустя

полчаса его отрезвили и довольно умело разговорили. И так, уже не Валера в майорских погонах, а его беспогонные враги допрашивали самого Валеру. И он знал, что препираться бесполезно. Нет таких допрашиваемых, которых нельзя «расколоть», не родилось еще. Он это знал наверняка.

Света

Вечером Андрей снова готовил свой ужин на скорую руку и во время технологических перерывов читал книгу. Дверь кухни распахнулась, и со свертками в руках шумно вошла Света.

— Вот! — весело вывалила он на стол поклажу. — Сегодня получила аванс.

— Откуда это такое богатство? — спросил Андрей, оторвавшись от книги.

— Так ты мне сам советовал попросить у Пресвятой Богородицы работу. Так я вчера весь вечер на коленях простояла. Потом приложила к иконке Богородицы и заснула. А сегодня звонок по телефону. Я уж и думать о ней забыла... Короче, звонит мне одна подруга и предлагает работу гувернанткой в один богатый дом. Я снова помолилась и сходила туда. Прихожу, знакомлюсь с родителями, то да се, говорим. А потом проснулась девочка, мы с ней познакомились и она — представляешь — сразу в меня влюбилась, даже отпускать не хотела. Вот так все и решилось. Они меня взяли. Сразу аванс дали, чтобы я приделась поприличней. Так что гуляем!

Андрей смотрел на соседку и думал, как же это так получается просто? Даже сразу и не верится. Попросила — и вот на тебе! И вспомнил он слова старца: «Господь Своих людей всегда блюдет». Значит, Света своей простотой и чистыми помыслами достучалась... страшно подумать, до Кого. Но ведь получила же... Вот так живет рядом человек, а ты видишь в нем только взбалмошную бабенку, а она, оказывается, у Господа своя. Без всяких там премудростей и высоких слов.

Света взглянула на притихшего Андрея и спросила:

— Я что-нибудь сделала не так? Нет, я не забыла — ты не думай, что я такая неблагодарная, — зашла, зашла я в храм-то. И свечку поставила самую красивую и на коленках у иконки поплакала, и благодарственный молебен Заступнице моей заказала.

— Молодец, ты Светка, сама не знаешь, какая ты молодец! — негромко сказал он.

— Правда! А я уж испугалась, что ругать меня будешь за что-нибудь?

— Да за что же? И разве ругал я тебя когда?

— Нет, конечно, но мало ли? Я тебя почему-то боюсь больше, чем своего хулигана-мужа. Как посмотришь иногда... будто в самую душу.

— Обещаю: отныне глаз от пола не подниму.

— Да, ладно тебе, не слушай ты меня, глупую. Давай отметим это дело. Мне так радостно, а больше никак тебя отблагодарить не могу.

— Да ты и так уж и отблагодарила, и порадовала...

Ближе к церкви

Часто загудел телефон. Андрей поднял трубку и услышал голос из далекого города:

— Я очень благодарен тебе.

— За что?

— Ты мне как-то посоветовал держаться поближе к церкви. Я так и сделал. Обошел несколько храмов и нашел братство. Меня там хорошо приняли и предложили работу. Сейчас пишу иконы, стал зарабатывать деньги. Вышел на очень серьезный уровень. Первые две иконы продал каждую за две тысячи долларов. Так что очень серьезный уровень. Сейчас хочу выставиться на ярмарке.

— На службы ходишь?

— Конечно... Правда, не каждый месяц удается.

— Месяц?.. Исповедовался?

— Конечно. Меня с собой батюшка в свою деревню возил. Там настоящие старожилы, такие исконные, корневые!

— А как все проходило?

— Так, как и надо бы везде. В каждом храме. Все по-простому, без этой золотой мишуры и бижутерии. Зашли мы в храм с батюшкой и с дьяконом, я в алтаре зажег семисвечник. Ну, что — говорю на исповеди — грешен во всех смертных грехах, все мои... Положил он на меня эту ленту с крестами, перекрестил, что-то пошептал. Все, говорит, безгрешен, аки ангел. И мне так хорошо стало! Батюшки запели молитвы, а я стал перед иконостасом. Так светло, легко! Представляешь! Смотрю на икону Спаса и вижу, как он отделяется от иконы и ко мне, грешному, спускается... И слышу внутренний голос: «Вот ты ко мне и пришел. Ты мой избранник, я тебя люблю и теперь я поведу тебя в царство небесное!» Так что вот удостоился видения от самого...

— ...беса!

— Типун тебе на язык. Что ты такое говоришь?

— А ты что, не замечаешь последовательности? Пришел в храм деньги зарабатывать, продал иконы бандитам за бешеные деньги, выигранные в казино; ходишь в церковь, как в театр, — за наслаждением; дальше — исповедь у каких-то раскольников на скорую руку; вот уж и наслаждение получил; а тут и сам податель ядовитой сладости авансы тебе раздает.

— Ну, конечно, ты же у нас самый умный! Только ты один все знаешь.

— И еще подумай вот о чем: святые!.. Десятилетиями в подвигах поста, бессонных ночах, покаянных молитвах... Пропливая горячие слезы за свои грехи... Ежесекундно в строжайшем соблюдении себя от самых ничтожных прилогов греха... Под покровом постоянного послушания... Под ежедневным наблюдением духовника... В постоянном чтении Святого Писания... Достигают высочайших высот духовного совершенства в смирении... Но далеко не все устаиваются видений небесных сил. А тут пришел любитель денег и удовольствий, пару телодвижений сделал — и вот ему за его заслуги, заметьте: ни много ни мало, а Сам Господь является... Ты сам понимаешь, что говоришь и творишь-то?

— Нет, мне это нравится! Ходит парень в столичные церкви, облепленные золотом; на эти спектакли, где роль Христа исполняет толстый поп, увешанный золотыми крестами с бриллиантами; бьет поклоны на каждое «Господи, помилуй!», читает книжечки и всех учит жить. У тебя там крылышки еще не прорезались? А, херувимчик?

— Хожу я в храм Божий молиться о спасении душ: своей и моих ближних. В Церковь, основанную Самим Иисусом Христом. Каждый день моя душа горит в адском пламени моих грехов. Я — «свинья, в калу лежащая»!.. И единственная моя надежда — на милость Господа, потому что я сам ничего хорошего из себя не представляю. Все мои достоинства — от Бога, а мое личное — это бесконечные грехи и... простите, выделения... И если я тебе когда-нибудь скажу, что Православная Церковь мне не мать, то Бог мне не отец, и потому гнать меня нужно подальше от святых церковных стен... Или тащить к любому батюшке — отчитывать меня от одержимости бесовской и прелести сатанинской.

— Слушай, почему, когда я тебе звоню поделиться, ты меня каждый раз ругаешь?

— Давай вспомним, чем ты делился. Сначала своим увлечением медитацией. Тогда для тебя все равно было: что молитва Богу — что медитация сатане. Потом ты меня убеждал, что на свете нет ни добра, ни зла, а есть некая энергия наподобие электрической.

— Я же просил тебя забыть об этом!

— Когда мы с тобой разобрались и с этой ложью, ты стал искать тайные изотерические знания у Даниила Андреева в «Розе мира», у Сведенборга и у Рерихов в

агни-йоге. Вроде бы я смог тебя убедить на своем печальном опыте, что в основе этих мистических учений — гордыня и отрицание Церкви.

— Ну, не совсем... Я и сейчас уверен, что ты перегибаешь...

— Теперь ты, как говоришь, пришел в Церковь, а служишь мамоне, и здесь ты ищешь духовных наслаждений, тебя занесло в раскольничество... Почему у тебя сохраняется такая стойкая потребность из одной лужи с грязью торжественно садиться в другую? Почему ты так упорно не слышишь призыва к покаянию и смирению?

— Слушай, жизнь так коротка... Если мы только и будем, что бить себя ушами по щекам и плакать о грехах, то совсем превратим жизнь в кромешный ад.

— Вот именно потому, что жизнь не просто коротка, а совершенно мимолетна, мы и должны в первую очередь подготовиться к вечности. Потому что в вечности или адское пламя — или Царствие Небесное, другого не дано. Мне очень жаль, но!.. Не дано. И нет ни агни-йоговских реинкарнаций, ни мирно соседствующих якобы на небесах храмов разных религий, как у Даниила Андреева. Потому что нет религий. Есть одна религия — Православие, потому что только здесь истина. Потому что Сам Господь воплотился на земле и сказал: никто иначе не придет к Отцу Небесному, как только через Меня. Сам Господь показал нам путь спасения: это смирение, покаяние, крестный путь скорби и мучений.

— Ну, вот опять — скорби, мучения... А когда жить?

— А вот это и есть жизнь, возлюбленный брат. Есть два пути: путь удовольствий и наслаждений — это в преисподнюю, на мусорную свалку (ты знаешь, что прообраз евангельской геенны огненной — это мусорная свалка за иерусалимскими стенами?); и второй, путь покаяния и смирения, через так не уважаемые тобой скорби — это домой, в Царство нашего Отца Небесного.

— Вся моя душа возмущается от такого расклада! Я молод и хочу жить! В старости покаюсь и наскроблюсь вдоволь!

— Снова обман! С чего ты взял, что через минуту не умрешь? Откуда тебе знать, сколько тебе отпущено? И потом, грех — это, как вино. Сначала веселит и пьянит, потом появляется похмелье, потом втягивает в запой, а потом уже и бросить невозможно. Сколько алкоголиков каждый день бросают пить, каждый день в последний раз, а потом уже — зависимость, пленение, одержимость! Все! Связан врагом... И за каждый грех, как за выпитый стакан, — страшные мучения.

— Что же без мучений-то никак нельзя?

— Можно, наверное, но для этого нужно быть праведником, а таких — один на миллиард. Всем остальным во искупление грехов дано мучиться — увы! Только делать это можно по-разному. Вот, например, прививка — это ведь тоже болезнь, только в облегченной форме. Зато после ты этой болезнью не страдаешь и от нее не умираешь. Так и покаяние — «держишь ум во аде», чтобы не гореть вечно в аду настоящем. Ну, а чтобы меньше страдать, нужно меньше грешить. Здесь и начнется та невидимая брань, о которой пишет Никодим Святогорец в своей настольной книге для монахов.

— «Невидимая брань»? Знаю, видел на лотке.

— Почитай, там много практических советов, как избежать грехов, как с ними бороться, как сохранять свою чистоту. Вот, смотри! Ты с помощью молитв и покаяния входишь в состояние души, когда «ум во аде». Ты буквально окружен гудящим пламенем. Ты плачешь о спасении. Ты видишь как бы со стороны все свои грехи. Они жгут тебя и кажутся тебе мерзкими, грязными твоими порождениями. Ты их все до одного именуешь и записываешь на листок. Все, которые тебе дано увидеть в себе! Если хотя бы один утаишь или постыдишься записать, чтобы потом вслух произнести священнику — а ведь это действительно стыдно! — вся твоя исповедь насмарку. Можно обмануть священника, но не Бога, властью Которого батюшка грехи отпускает. Но вот ты со стыдом и болью, с плачем и мучением приносишь свое покаяние... Батюшка тебе отпускает грехи. И ты чист, как ангел. Чувствуешь разницу с твоим «Все смертные грехи — мои?»

— Чувствую...

— И теперь тебе во что бы то ни стало надо сохранить чистоту в душе. Но ты ощущаешь, что бесы один за другим пускают в твою душу стрелы греховных мыслей. И здесь ты волен или принять их в свою душу и увлечься ими — или отразить эти стрелы, как щитом, крестным знаменем и призыванием Бога Иисусовой молитвой. Вот в этом и заключается наша постоянная война, в которой ты или победитель, или раненый, или убитый. В этой битве у человека есть помощники, защитники. Ты будешь постоянно чувствовать их благое воздействие. И по мере покаянного очищения и навыков в битве к тебе будет приходить то радостное состояние, когда ты почувствуешь близость Бога. Пусть это будет длиться всего секунду. Но эту секунду ты запомнишь на всю жизнь! После этого у тебя пропадут страх и все сомнения от маловерия. По этой мизерной искорке смиренной Божьей любви ты поймешь, каков ее безбрежный океан в Царствии Небесном. Но еще ты увидишь и греховность мира, тебя окружающего, и захочешь его покинуть.

— Монашество?

— Но мир тебя не будет отпускать... Тогда ты его возненавидишь: его ложь и злобу, гнилые соблазны и тленную смертельную красоту. Но в мире живут люди. И их всех — именно всех и каждого! — любит Господь. И ты станешь учиться их любить. Вот это самое трудное! Ты их любишь, отдаешь им последнюю рубашку, по ночам в рыданиях вопиешь к Богу о их прощении и спасении. А они тебя грабят, избивают, а могут и убить! И чем больше они тебя истязают, тем сильнее ты будешь их любить и громче вопить к Богу о их спасении.

— Н-да... Ну и перспективка...

— Святого спросил послушник, почему у него бывают периоды охлаждения к Богу. Святой сказал, что это все оттого, что он не знает настоящего ужаса мучений в аду и блаженства на Небесах. А если бы узнал, то согласился бы в келье с червями всю жизнь прожить в молитвах к Богу, чтобы только быть спасенным.

«Бесполезно...» — печально вздохнул Андрей, когда положил трубку. И встал на молитву о здравии и просвещении ума раба Божиего.

Владимир Иванович

Со встречи ехали по Каширскому шоссе, затем свернули на кольцевую и только тогда услышали спокойную команду шефа: «На стройку». Бригаду эскорта он отпустил на базу, и дальше они ехали в джипе втроем, все время молча.

По узкой асфальтовой дороге въехали в просторный сосновый лес. Среди мачтового частогокола там и тут выглядывали старые бревенчатые дачки и дома шикарного новостроя.

У тягача с панелями Андрей оформлял документы. Строители, как всегда без пауз и традиционных перекуров, деловито занимались монтажом. Оранжевый двадцатитонный кран «Като» опускал в кассету очередную матово-белую панель. Только Пал Трепалыч отреагировал на приезд хозяина и, сверкая загорелой лысиной, уже бежал к джипу.

Владимир Иванович попросил сонарника позвать Андрея. Тот закончил с документами, передал их водителю и подошел к заказчику.

— Судя по всему, сегодня у вас, Владимир Иванович, был удачный день, — снова скорей констатировал, чем спросил Андрей.

— Ты знаешь, я до сих пор ничего не могу понять. Они прислали каких-то мальчишек, и те передали, что их шеф в реанимации, вручили чемодан с отступными, извинились и уехали. Нет, ну ты понял? — пропел экс-уголовник, теперь президент международного концерна.

— Вы все сделали? — глядя на кроны мачтовых сосен поверх седого бобрика, спросил Андрей.

— Конечно, братишка, какой разговор?

— Все? — еле слышно спросил еще раз Андрей, глядя на пухлую в оспинах переносицу.

— Все, Андрюш, правда! На исповеди мне даже поклоны земные прописали — до сих пор от них спина болит... Вломили мне в церкви по первое число, но ехал на встречу как никогда спокойно. Даже удивился: нервы-то уж не свежие...

— Тогда все так и должно было случиться.

— Нет... Это что, оттуда!? — он ткнул толстым пальцем в синее небо.

— А теперь, Владимир Иванович, надо отблагодарить.

— Да говори, что тебе надо, Андрюх, сделаю все, что хочешь.

— Там же закажите благодарственные молебны. Обязательно.

— Это сделаю. Хорошо! А тебе? Тебе что я могу сделать?

— Я же сказал. Лично мне ничего, — со вздохом сказал Андрей и, кивнув на прощанье, пошел к «гвардейцам».

— Он че, ненормальный? — спросил охранник, устраивая свое мясистое двухметровое тело на кожаное сиденье.

— Не-а, нам его не понять, Петруша. Он не здешний... Домой.

Андрей подошел к работающим, подозвал Бугра.

— Сработало? — поинтересовался тот, отирая кепкой загорелое лицо в шрамах и глубоких морщинах.

— Который уже раз, а все никак не привыкну, — признался Андрей.

— А разве к этому можно привыкнуть? Это же все-таки чудо...

— Сейчас я в храм. Завтра, если буду нужен — звони. Спаси тебя Господь, Бугор.

— Во славу Божию... Слушай, я отпущу Гену с тобой? Пусть дочь навестит.

Геннадий Иванович, герой афганской войны, доброволец-ликвидатор Чернобыля, по пути на платформу затаячил Андрея в пивнушку. Взял там порцию коньяку, коробку конфет для дочери и кофе Андрею. Они присели за столик.

— Я тебе сейчас историю одну расскажу, — неспешно начал Гена, отпив жидкость из пластмассового стаканчика. — Росли два мальчика в одном дворе. Папы у них работали на дипломатическом поприще, крепко связанном с разведкой. О родителях они никогда не говорили. Это было не принято.

Один мальчик отличался от всех остальных смуглой кожей и еще кое-чем, о чем все узнали несколько позже. Тогда в моде в их среде был некий священный кодекс чести. Не принято как-то было ни предавать, ни выдавать. Если кому нужна помощь — хоть ночью приди, отказу не будет. За друга на нож шли, без рассуждений и колебаний.

Это потом уже выяснилось, что оба воспитывались родителями в вере. Тайно, конечно. Один ходил в православный храм, другой — в мечеть. После школы их разбросало кого куда. Мусульманин выехал с родителями на родину в Афганистан.

Православного призвали в армию, и попал он на войну, тоже в Афганистан. И случилось ему попасть в засаду. Весь экипаж «духи» расстреляли из пулемета. Он в одиночку держал оборону.

Молился и стрелял, слезами обливался, молился и снова стрелял. Взял тогда он на себя зарок перед Всевышним, если выживет, никогда ни при каких обстоятельствах ни в кого не будет стрелять.

Сутки держал оборону, пока не подросла наша «вертушка» и не накрыла сверху «духов». Перед отлетом пошел на гору, где засели «духи», и среди трупов нашел он своего школьного дружка. Видно, перед смертью он молился своему Аллаху, да так его и прошила пулеметная очередь. Полумесяцем по спине. Закрыв он глаза друга и всю дорогу молился о прощении и упокоении его души.

Так получилось, что дали ему за оборону высоты Звезду Героя, и он больше не стрелял. Никогда и ни в кого.

Самое интересное, что оба эти мальчика стреляли друг в друга, защищая свою веру, своего Бога.

— Но спас Господь только одного — тебя, — заключил Андрей.

Маша

На вокзале Андрей посадил Гену в такси и присел на скамью. В его душе нарастало молитвенное настроение, столкновение с чудом снова окрылило его. Сейчас нужно «отшелушить» суетность, успокоиться...

— Дядь, помоги!

Перед Андреем стоял оборванец лет восьми и протягивал грязную ручонку. На его чумазой щеке светлела полоска от недавних слез.

— Садись. Не бойся, не обижу.

— А я и не боюсь, — улыбнулся мальчик. Присел рядом на скамью, но протянутой руки не убрал.

— Родители есть? — Андрей достал из сумки шоколадку из «эн-зэ», разломил пополам и поделился с соседом.

— Ага. Мама, — выдохнул он и откусил шоколад.

— И где же она?

— Здесь работает. По мужикам она у меня, — гордо ответил мальчик.

— Позвать можешь?

— А у тебя деньги есть? А то ведь она просто так ни с кем не ходит.

— Есть. Зови.

Через пару минут мальчик подвел молодую женщину в ярком шелковом костюме. Лицо ее, совершенно без косметики, выражало настороженный интерес.

— Желаете развлечься? — дежурно спросила она, оценивая его джинсовую одежду и кроссовки, остановив взгляд на японских часах. Потом подняла глаза и наткнулась на его зрачки. Улыбка растаяла.

— Садись.

Андрей, увидев ее, внутренне вздрогнул. Перед ним стояла красивая, стройная молодая женщина. Сразу понятно, что ее ремесло еще не въелось ни в душу, ни в поведение. А самое удивительное, что она очень напоминала его первую любовь по имени Оля. Только глубоко скрытый страх занозой сидел в ней. И усталость. Но и надежда на лучшее не покинула, судя по ясным карим глазам.

Женщина послушно села, поправив юбку. Так дамы ее профессии поступают крайне редко. Рядом пристроился и мальчик. С минуту они молчали.

— Как вас зовут?

— Я Маша, а он — Серега, — кивнула она в сторону сына.

— Меня звать Андрей. Сколько ты зарабатываешь за вечер?

— Хочешь снять до утра? Дорого это, Андрюш.

Он достал бумажник, вынул все деньги, оставил себе одну купюру, остальное протянул ей. Женщина сразу спрятала деньги.

— Пошли...

— Пошли, — Андрей оглянулся и протянул руку Сереге.

— А его зачем? — испуганно дернулась она.

— А мы пойдем не на твою работу, — улыбнулся ей Андрей. — Сначала немного прогуляемся, зайдем в храм, а потом я вас домой отпущу.

— Ничего себе! А меня туда пустят? Ну, в храм?

— Придумаем что-нибудь. Ну, а теперь рассказывай. Почему работу такую... странную выбрала?

— Не я выбрала ее, а она меня. Мужа у меня убили. Потом с меня долг стали требовать. Сначала отобрали квартиру, ну а потом и меня захомутали. При муже-то

друзей было — море. Чуть ли не каждый день застолья, клятвы верности... А как мне помощь понадобилась — всех как ветром сдуло. Остались мы с сыном совсем одни. Обычная история.

— Кто у них главный? Кличку знаешь?

— А как же! Мамед его зовут.

— Завтра позвонишь мне вечером, вот тебе телефон, — Андрей протянул ей визитную карточку.

Они подошли к храму, Андрей перекрестился и вошел. Следом за ним гуськом робко вошли и Маша с сыном. Андрей подошел к свечному ящику:

— У вас есть платки для женщин?

— Есть. Тут у нас одна прихожанка нарезала из своей шали, чтобы случайным раздавать, — охотно пояснила улыбчивая женщина и протянула Марии платочек. — Заходи, милая, не бойся.

— Спаси Господи, матушка. Мне еще пять свечей больших.

Машу с сыном он отправил к иконе Богородицы, дал свечей. Сам же отошел в сторону, открыл маленький походный молитвослов и встал на колени перед образом Иоанна Предтечи.

(«Ей, Крестителю Христов, честный Предтече, крайний пророче, первый во благодати мучениче, постников и пустынников наставниче, чистоты учителю и ближний друже Христов, тя молю, к тебе прибегаю, не отрини рабу Божию Марию со чадом Сергием от твоего заступления, но возстави ея падшуюся многими грехи, обнови душу ея покаянием, яко вторым крещением омывая грех, покаяние же проповедуяй во очищение коегождо от дел скверных; очисти убо ея, грехми оскверненную, и понуди внити, аможе ничтоже скверно входит в Царствие Небесное. Аминь»).

Мария стояла у образа Богородицы и сначала бездумно глядела на неземную красоту лика. Потом от иконы, как из распахнутого окна, повеяло свежим порывом теплого ветерка, вот она увидела себя как бы со стороны: она стояла и... плакала. Слезы сами вдруг закапали из глаз. Вся ее жизнь день за днем проходила перед ее сознанием. И поняла она, что была лишь череда ошибок и тупиков, боли и страха. И вот Маша уже стоит на коленях, и простая, но горячая молитва сама изливается из ее души. Вместе со слезами раскаяния.

Ей показалось, что лик Богородицы ожил, и теплая материнская улыбка озарила его. И так стало хорошо и спокойно, будто она снова оказалась маленькой Машенькой на коленях мамы, и ее теплая рука гладит ее по головке. «Иди и больше не грехи. Ты прощена!» — услышала Маша неземной доброты голос, нежно прозвучавший в ее сердце. Она поднялась с колен, и почувствовала, как твердая решимость наполнила ее. Прошлая грязная жизнь осталась за невидимой чертой, которую она переступила, входя в эту церковь. Она еще не знала, что будет делать в жизни новой, только знала точно, что теперь все будет хорошо. Так, как надо.

Через какое-то время Маша осознала себя сидящей под синим зонтом на террасе летнего кафе. Рядом негромко разговаривали Андрей и Сережа. Сын доедал мороженое и исподлобья бросал на нее удивленные взгляды.

— Я подумал, что возвращаться вам домой не стоит, — обратился к ней Андрей. — Вряд ли вас там ждут хорошие новости. Вот тебе записка и адрес. Идите туда и пока поживете у Елены. У нее пустует комната, и она готова ее недорого сдать. Очень недорого. Ей одиноко одной, потому и сдает. Я сегодня же кое-что сделаю, чтобы Мамед от вас отстал, а завтра попробую договориться насчет работы для тебя. Как насчет того, чтобы поработать на церковном лотке? Я знаю, там нужны надежные, честные продавцы.

— За что... ты так к нам... относишься? Я так не привыкла... — снова слезы выступили из-под длинных ресниц ее опущенных глаз.

— За то, что вы этого заслуживаете. Ты уже достаточно настрадалась. У тебя хороший сынишка, — Андрей взъерошил нечесанные волосы мальчика. — Как только я его

увидел, уже примерно знал, что будет дальше. Знал, что будет. Так ты на церковном лотке готова поработать? Не подведешь меня?

— Я для тебя... Хоть где, хоть кем...

— Да что же ты все сырость разводишь? — Андрей, улыбаясь, протянул ей платок. — Ну-ну... теперь все будет хорошо!

Гость из прошлого

Дозвониться до Владимира Ивановича удалось только поздно вечером.

— А я собаку свою выгуливал, — объяснил он свое отсутствие.

— Владимир Иванович, вы Мамеда знаете?

— С вокзала, что ли? Отморозок он. Но кормит кого-то из больших начальников, потому и держится пока. А что он натворил?

— Убил за долги человека, а теперь заставляет его вдову отрабатывать долг проституцией. Из квартиры ее выгнал, за долги отобрал.

— Я ж сказал, отморозок! Как девчонку-то зовут?

— Мария.

— Через полчаса перезвоню.

Андрей взял молитвослов и стал читать молитвы перед иконой Богородицы. Снова звякнул телефон. Из трубки раздался хрипловатый басок:

— Ты знаешь, Андрей, не хочет он с ней расставаться. Влюбился, говорит, жениться на ней собрался. Говорит, что она спрятала деньги мужа в кубышку, потому он и заставил ее отрабатывать. Я ему предложил выкуп, так он такую сумму назвал, что много пудов потянет. Вот что я понял. Этот душегуб и деньги возьмет, и от девчонки не отстанет. Так что ты ее пока припрячь надежно. Мне нужно пару деньков, чтобы его уговорить. Есть кое-какие завязки. Так что будь пока.

Андрей позвонил Елене, узнал, как там устроились его протеже. Елена не скрывала, что она им обрадовалась. Уже отмыла их в ванной и сейчас кормит. Андрей позвонил Машу и предупредил ее, чтобы из дома два дня не выходила. Та все поняла и обещала сидеть, как мышка.

Снова зазвонил телефон. На этот раз слышно было плохо. Сквозь треск и шорох с трудом долетал знакомый тенор с прибалтийским акцентом:

— Андрей, это ты?

— Я, Гинтас. Ты из машины?

— Да, я сейчас в Голландии, грузу сэконд-хэнд. Слушай меня внимательно! Я хочу, чтобы ты снял в аренду торговую площадь и готовился принять товар.

— Хоти дальше, я не против.

— Эй, ты что, про долг забыл?

— Гинтас, ты же прекрасно знаешь, что долг — это одно, а шантаж — другое. Если бы я тебе хоть два цента задолжал, ты бы из меня их еще три года назад или вытряс бы, или пристрелил. Разве не так?

— Так, понял! Нужно встретиться.

— Бесполезно. Работать с тобой я не собираюсь. А если приедешь сюда и будешь шуметь, то через полчаса в камере окажешься.

— Нужно встретиться.

— Прощай!

Прибалты три года назад вышли на него через друзей из Саратова. Волжане собирали по селам коровью кожу и продавали через прибалтов в Голландию. Назад везли спиртное и продавали через своих знакомых в Москве и в других крупных городах. Андрей тогда работал в бригаде с «гвардейцами», но его потянуло на крупные заработки.

Саратовцы ездили на новеньких иномарках, купили квартиры, строили загородные дома. Жена Андрея, узнавшая о заработках друзей, настойчиво «пилила» его и

требовала того же. Андрей решил попробовать. Друзья ведь ему предлагали работу, а не просто люди с улицы. Продал Андрей с десятков фур спирт-ного, заработал первые несколько тысяч долларов, вроде бы дело наладилось. Но вот в один не очень прекрасный день рынок спиртным затоварился. Перед праздником завезли его слишком много, поэтому розничная торговля в какой-то момент сначала снизила цену, потом стала и вовсе отказываться от товара.

Андрей каждый день сообщал Гинтасу о положении на рынке, требовал снизить цену, но тот повел себя странно. Сначала настаивал на договорной цене, потом стал угрожать, а когда Андрей отказался с ним дальше работать и предложил забрать весь товар со складов, под нажимом обстоятельств согласился снизить цену.

Только было уже поздно. Тогда Андрей предложил отвезти товар в Ярославль, откуда ему поступили заявки. Съездил туда, заключил выгодный договор. Гинтасу же сказал, что никаких гарантий, кроме договора, нет. Людей этих он не знает, ярославский Слава хоть и производит впечатление честного человека, но... Так что может понадобиться контроль службы безопасности.

Гинтас потребовал везти срочно и все отдать на склад в Ярославле, а уж контроль и возможное выколачивание долгов он возьмет на себя. Андрей собрал все спиртное со своих складов и на четырех фурах отвез в Ярославль. Через две недели оттуда позвонил Слава и сообщил, что цены у них поползли вниз, и просил снизить стоимость. Гинтас снова запретил. Андрей напомнил ему московскую затяжку и снова потребовал снижения цен для срочной продажи. Снова отказ. Андрей тогда передал договоры Гинтасу и сказал, что работать с таким жадным твердолобом он отказывается. Гинтас поднял долю Андрея в два раза и познакомил его со своим Капитаном. К морю этот человек отношения не имел, но синих звезд и якорей на его коже действительно имелось множество.

Кончилось все тем, что Капитан выбил у Славы половину суммы долга и растворился на просторах страны. А всю стоимость ярославского товара повесили на Андрея, о чем объявили ему семеро бандитов, ввалившихся в его квартиру. Еще они добавили, чтобы он готовил свою квартиру к продаже, а то они очень беспокоятся о здоровье его красавицы-жены. А один, самый истеричный, все кричал, что обязательно лично его зарежет.

Гинтаса Андрей нашел по телефону в Саратове и вылетел туда на разговор. Друзья вдруг хором отказали ему в помощи и посоветовали выкручиваться самому. Погашать долг за Андрея своей недвижимостью они не желали. Только жена одного из его друзей, подруга жены, через которую он с ними познакомился, пошла на переговоры с Андреем и там поддержала его своим заступничеством: «Я его привела, с ним меня и казните!»

Андрей сказал Гинтасу, что он написал заявление в РУОП и описал там все операции с контрабандой с приложением всех телефонов и адресов фигурантов. Заявление лежит у его соседа, начальника отделения милиции, который ждет его команды пустить бумагу в дело. И если он не вернется завтра са-молетом, то тоже запустит. Это подействовало, и от него от-ступились. Три года Гинтас его не беспокоил, и вот появился снова.

Одно Андрей знал точно, что работать с Гинтасом он не будет. Но страх за бывшую жену, которую могли привлечь на сцену в роли заложницы, у Андрея появился.

Подумав хорошенько, Андрей решил завтра идти в храм. А эту ночь он провел в молитве.

Утром в одном из храмов рядом с Тверской он заказал молебен о здравии Георгия — так он именовал своего обидчика, крещенного в католической вере. Исповедался, выстояв очередь среди интеллигентных пожилых людей. Отстоял литургию перед иконой Богородицы «Взыскание погибших».

Икона эта издавна творила чудеса. К ней приходили девушки просить жениха — и знакомились через несколько дней с приличным юношей. Вдовы после молитв перед

иконой спустя некоторое время просили у батюшки благословение на повторный брак. Совсем уже потерявшие надежду люди, погибающие в грехах, обретали здесь покой и утешение.

Встреча с этой иконой для Андрея всегда знаменовала какой-то серьезный новый этап жизни. И вот сегодня, стоя перед дивным образом, искрящимся золотистым окладом, он снова видел живой лик Царицы Небесной, снова испытывал высокий трепет перед святыней, и все его проблемы удалились и рассыпались в прах. Он снова получил заряд духовной силы и чувство полной безопасности.

И даже уличная толча, тысячи чадающих угаром машин и больные облезлые деревья не смогли снизить того счастливого состояния, которым звенела и сияла его очищенная душа.

Он смотрел на лица людей и жалел их: совсем пропали улыбки, зато напряженные и даже злобные гримасы все чаще застывали на лицах прохожих. Как же они обделяют себя этим пленом мира видимого и тленного! Неужели никогда не будет им доступна эта чистая радость общения со святостью?

Ну, вот ты, красавица, свысока взирающая на окружающих недомерков ледяным взором красивых мертвых глаз, неужто тебе нравится вот это состояние вялотекущей ненависти и злобы? А скоро ты будешь улыбаться и лгать, продаваться и предлагать себя тем несчастным больным людям, которых ты по своему искореженному представлению считаешь себя до-стойными. Красивая дорогая игрушка в руках мнимых хозяев тленного, обреченного на гибель мира. О, если бы ты смогла увидеть свое настоящее лицо, с каким ты родилась в этот мир из рук Создателя! Ты мечтаешь о великой любви, а где и среди кого ты ее ищешь? Нет по твоим адресам не то что любви, но даже простенького сочувствия. Неужели не дрогнет твое заледеневшее сердце, когда ты проходишь мимо добрых людей, способных одарить тебя истинными драгоценностями? Неужели не тянет зайти в храм, где истинная любовь пребывает и животворит, очищает и освобождает от плена лжи в царство истины вечной!?

А ты, вылезавший из спортивной машины с трубкой сотового телефона в руке, любующийся своим крутым имиджем в отражениях витрин и автомобильного лака, не боишься ли ты остаться наедине с собой в пугающей тишине, чтобы убедиться в душевной пустоте? Что дали тебе твои многочисленные игры и игрушки? Одна живем... Главное — не думать о последнем часе. Плыть, пока на поверхности, неизвестно куда.

О, несчастный обманутый мир, как ты себя обделяешь!.. Господи, будь же милостив к этим несчастным жертвам самообмана! По великой милости Твоей прости им, ибо не ведают, что творят!

Любовь его и жалость нарождались в глубине души и изобильно изливались на толпы и потоки людей, словно солнечные лучи сыпались на замерзших и ослепших в темноте. Он жалел их — и ему хотелось плакать о них. Он любил их — и любовь затопляла собою все их темные фигуры, заливая светом всех и каждого. Знали они об этом? Чувствовали? Это не важно! Главное — вот это самое таинственное рождение и излияние... Не от мира сего. Счастливое и чистое.

Дома Андрея ждала веселая компания. За распахнутой дверью в комнате Светы за столом сидели раскрасневшаяся хозяйка и шумный усатый горец. Света подхватила Андрея под руку и насильно притащила к столу. Да, сын гор не поскупился: бутылки вина, цветы, салаты в пластмассовых коробках из универсама, копченая курица, балык, сервелат и семга... и прочая, и прочая еда и напитки.

— Это он все для меня! — гордо провозгласила Света. — Ничего для меня не жалеет. Вот это мужчина!

— Я для Светы все сделаю. Она у меня царицей будет! — подтвердил горец, выпучив черные глаза. — Садысь, кушай, вино пей. Если ты сосед Светы, ты мой друг!

— Приятного аппетита, господа-товарищи, но я зашел домой поработать на телефоне. У меня рабочий день. Простите меня, — мягко, но настойчиво сказал Андрей и вышел.

«Ох, Света!» — покачал он головой, плотно закрыв дверь своей комнаты.

Взял он график поставки, карандаш и сел за телефон. Через пару часов в паузу частыми звонками ворвался межгород.

— Андрей? Это Гадеминас! У нас тут все срывается! Мы к тебе не приедем.

Голос с прибалтийским акцентом звучал сквозь шум и потрескивание радиопомех. Андрей некоторое время припоминал, кто это такой. Потом вспомнил: помощник Гинтаса.

— Да я вас и не ждал. И Гинтасу об этом ясно сказал.

— В больнице Гинтас, — потерянно бросил собеседник. — Инфаркт у него. Врач сказал, что может умереть совсем. Он тут команду собирал ехать в Москву с кем-то разбираться. Не знаю, как он там договаривался, только они теперь у меня деньги требуют. А у меня все в товар вложено. Может, Гинтас тебе сказал, что мы секонд-хэнд вам хотели отправить. Теперь все срывается, денег даже на дорогу нет. Буду товар здесь продавать, чтобы хоть часть денег вернуть. Так что нас не жди. Пока!

Андрей положил трубку и взял чистый лист бумаги. Написал «Гинтас», затем ниже: «звонок Андрею», «отказ», «команда для разборки», «молитва», «инфаркт», «наезд команды на заказчика», «денежные трудности», «отбой». Андрей увидел перед собой схему. Вот так, по такой схеме снова Господь явил ему Свою милость и заступничество.

Молитва благодарности хлынула из сердца. Он самозабвенно отдался этой светлой силе.

...Но что-то еще нарождалось в той глубине.

И когда молитва завершилась, вместо благодатной радости в сердце ознобным холодом стала расти и крепнуть гордая мысль: «Какую силищу имеет моя молитва! Да я теперь кого угодно по стенке размажу. Ну, кто там еще, подходи!»

«Я же, грешный монах, буду мостить тебе твой путь своей молитвой» — оглушающе-тихо прозвучало в голове. «Старец все это время молился за меня. Старец! При чем здесь я?..»

Он потянулся к молитвослову, нашел молитву Сергию Радонежскому от нападков гордости и стал ее медленно, вслушиваясь в каждое слово, читать: «...Не отступай от нас духом, сохраняя от стрел вражиих и всякия прелести бесовския и козней диавольских, пастырю наш добрый...»

После молитвы заставил себя положить поклоны.

Затем стал размышлять. «Кто я и откуда? Немощный человечешко, во грехе рожденный. Господом одушевленный и вызванный из небытия Его непостижимым замыслом.

Что я могу сам, кроме как погружаться в омут греха? Шага не ступаю без греха, вздоха безгрешного не могу сделать. Если и есть во мне что хорошее, то не мое это приобретение, но от Господа моего. Если дается мне некая сила, то за нее и спросится в тысячу раз больше, чем с немощного. Если и вознаграждаюсь я крохами благодати с Господнего стола, то только лишь, чтобы совсем не впасть в уныние, и для подкрепления слабеющей во грехе души.

Вот мне и показана немощь моя: со страху обратился к молитвам, по милости получил просимое и тут же впал в обольщение лукавым! Я! Мое! Страх животный — твой. Грех сребролюбия, к этому страху приведший, — тоже твой! Где тут твоя заслуга, смерд?

И только теперь вспомнил, по чьим молитвам получил ты свои удачи. Хам неблагодарный. Старец, отказавшийся от прелестей земных, молитвенник за всю землю Русскую, каждый день входящий в общение с Небесами. Десятки лет умертвлявший в себе перстное, земное, греховное. Подвигами своими живущий на пути от земли к Небу. Его молитвы, а не твои сотрясения воздуха. Его чистая душа, потоками слез умытая!..

Прости меня, Господи, гордого, никчемного, грешного, смертного! Не оставь меня ни на миг. Ничего без Тебя не могу!»

Поздно ночью услышал Андрей грохот входной двери. В его дверь постучались. Он открыл. Света позвала его на кухню.

— Ну, как тебе мой новый ухажер?

— Кто он? — устало поинтересовался он.

— Охранник на рынке. Царицей, говорит, сделаю! Не то что мой пьянчужка.

— Светик!.. Твой, как ты изволила выразиться, «пьянчужка» — муж твой перед Господом! Имеешь ты такого, какого заслужила по своим грехам и добродетелям. Ты любить его обязана, а не гонять из дома. Вот когда ты вернешь его и сможешь восстановить вашу любовь, только тогда ты станешь счастливой и Богом любимой. Прошу тебя, подумай об этом.

— Вот еще! Да этот Хоттабыч для меня все, что хочешь, сделает! Он любит меня!

— Уверен, что этот предаст тебя при первом удобном случае. Ты для него даже не человек. Игрушка живая. Когда натешится — выбросит. И не говори потом, что тебя не предупреждали.

— Замолчи, замолчи, я все равно не слушаю! — замотала она головой.

Дача

В ближайшую пятницу после ликвидации попытки покушения Юрий заехал за братом и повез его на дачу. Как только Андрей пристроил свою сумку в обширном багажнике и сел справа от брата, Юрий сунул ему газету со статьей о покушении. Андрей прочел ее внимательно и произнес только: «Значит, подействовало». В это время Юрий выруливал на трассу, забитую машинами, и ругал какого-то «чайника», подрезавшего его справа. Когда они вырвались на загородное шоссе и «Ауди» стремительно и почти бесшумно понеслась по левому ряду прочь от городской суеты, Юрий оживился, обмяк и даже с улыбкой шлепнул брата по плечу:

— Вот так! Мы им еще покажем, у кого козырь старше.

— Не сомневаюсь... — откликнулся Андрей, любуясь легкими перистыми облаками, следующими за машиной по голубому небу над лесом, обступающим трассу лесом.

— А ты знаешь, что моя хозяйка пригласила свою кузину. Так что скучно тебе не будет. Впрочем, что это я? Тебе же скучно не бывает, я и забыл.

— Это точно. Всегда есть о чем поразмыслить. Одна проблема — найти покой.

С Аленой, двоюродной сестрой Юриной жены, Андрей однажды уже имел беседу, которая надолго обострила отношения Андрея с его ревнивой супругой.

Девушка сия из нового «поколения любителей пепси» не признавала авторитеты и традиции, ломала напролом своей мужской логикой, не выходя при этом из образа ласкового мурлыкающего котенка. Работала девушка журналисткой в шумной газете, и это сказалось не только на ее независимом статусе и поведении, но и на манере вести себя с людьми. Судя по тому, как беззастенчиво Алена разглядывала фигуру Андрея, она была не против предложить свою кандидатуру в качестве альтернативной подруги. После развода с женой Андрей с Аленой еще не виделся. Уж, конечно, девушка обрадуется вакансии, подумал Андрей.

А вот и поворот на узкую дорогу, ведущую через два поста охраны к даче. Через несколько минут машина въехала в распахнувшиеся ворота и замерла перед въездом в гараж. Андрей вышел наружу, хлопнул дверцей и прислушался к навалившейся тишине. Это первое впечатление после шума и суеты города всегда его ошеломяло. Зная это, брат не приставал к нему с разгрузкой багажа, выставляя из багажника сумки тихо, без суеты. Андрей прошелся в сторону высоких охристых сосен, обступивших двухэтажный дом. Жадно слушал щебетанье птичек и вдыхал аромат разогретой солнцем хвои.

На этой даче не выращивали овощей. Кроме цветов здесь лишь высокая кустистая малина посажена руками хозяев. А основное богатство — вот эти вековые мачтовые сосны, подпирающие стрелчатými кронами высокое небо.

— Девчонки, наверное, на речке. Может, и мы сразу искупнемся? — предложил Юрий, открывая ключом дверь дома.

— Конечно, — отозвался созерцатель.

На песчаном берегу реки с широкой запрудой для купания, крашеными лавочками и кабинками для переодевания играли в волейбол, бадминтон, загорали и читали в шезлонгах с полсотни загорелых дачников.

Братья отыскивали трех своих «девчонок» и подсели к ним на громадную махровую простыню. В центре этой черной подстилки красовалась большущая долларовая купюра с портретом президента. Вот на улыбающийся рот этого портрета и устроил свои откормленные чресла Юра.

Дамы подняли шум и засыпали их вопросами. Андрей поприветствовал их, подхватил на руки свою любимую племяшечку и понес ее к воде. В своем желтом купальнике на худеньком загорелом тельце Иришка напоминала тощего цыпленка. Она смело прыгнула в воду и, резво перебирая ручками, поплыла в плеске и брызгах на глубину. Дядя догнал ее и подставил под ее животик свою руку, поддерживая начинающую пловчиху. Когда она продемонстрировала свои успехи в плавании, они предались излюбленному занятию: стоя по грудь в воде, брызгались и, жмурясь и отплевываясь, звонко смеялись. Нахлебавшись воды и вдоволь нашалившись, они доползли до лежбища и рухнули на простыню, подставив заходящему теплему солнцу спины.

— Ну все, друзья сошлись — обо всех забыли, — улыбнулась из-под солнечных очков Лида, мать девочки и жена Юры.

— Дядя Андрей, правда, я уже научилась плавать? — звонко похвастала Иришка.

— Да, Ирина Юрьевна, вы определенно делаете успехи! — лениво откликнулся разомлевший от жары дядя.

— Когда же и мы, недостойные,ждемся вашего внимания? — промяукала Алена из-под широченных полей соломенной шляпки. Из широкого своего арсенала она выбрала позу задумчиво сидящей копенгагенской русалочки, по ее мнению, максимально выгодно и по возможности скромно демонстрирующую изящные лекала ее фигурки. Купальник и головной убор тоже, вероятно, тщательно выбирались на совместном заседании-штабе по разработке операции.

— В порядке очереди, господа-товарищи, как говорится, все лучшее — детям... Ириш, ты согрелась? Пойдем, побродим по лесу.

— Пойдем! — девочка резво вскочила. — Я уже грибы собирала, набрала больше сотни белых, вот!

— Надевай шлепки, фантазерка.

Андрей совсем не был готов к разговору с Аленой и решил его отложить.

...Под их подошвами пушистый ковер из разогретой душистой желто-коричневой хвои мягко прогнулся и пружинил. По лесу носились и ошалело перекликались птицы. Комаров в этих местах не водилось: за этим следили соответствующие службы. Во время прогулки Иришка выложила все новости своей дачной жизни: и про соседскую кусачую собаку, и про зеленую лягушку, и про грибы, а в конце вдруг спросила:

— Дядя Андрей, тебе Алена нравится?

— А почему она должна мне нравиться? — удивился тот.

— Ну, как же, она ведь красивая, — совсем уже дамским тоном аргументировал ребенок.

— И она первая, кто об этом знает, — проворчал он себе под нос, а ребенку сказал уже громко: — Красота, милая девочка, на моей памяти еще никому не приносила счастья. Совсем, даже наоборот.

— А я буду красивой?

— Будешь обязательно, только никогда не хвастай этим. Вот немного подрастешь, и мы с тобой обязательно вернемся к этой теме. А пока радуйся, что ты маленькая и все тебя любят. Не торопись взрослеть.

Но вот они завершили свою прогулку и вернулись к реке. На том же портретном месте президентской простыни, подставив холеное округлое тело последним лучам розовеющего солнышка, сидел один Юрий и рассеянно глазел вокруг.

— Я отправил дам готовить ужин.

— Это правильно.

После шумного ужина с обменом новостями и сплетнями Алена все-таки утащила Андрея на кухню для допроса. Она устроилась с ногами на диванном уголке, старательно повторив пляжную позицию, и промяукала:

— Говорят, у тебя произошли некоторые изменения. Может, расскажешь?

— О каких тебе известно?

— Ну, говорят, что ты в религию ударился...

— Скажем так: я долго искал истину и пришел к ней.

— Ты считаешь теперь, что истина в религии?

— Господь есть истина.

— Ой, что-то не верится мне в такие резкие перемены.

— Почему резкие? Я лет двадцать шел к этому, всегда хотел понять смысл жизни.

И вот нашел. Тут недавно среди своих записей разыскал стихи и рассказы, написанные еще в пятнадцать-семнадцать лет. Так вот, темы все те же: неприятие мещанства, мысли о вечности, стремление к небесным тайнам, рассуждения о монашестве, желание любви, высоких отношений. Так что никаких революций. Я недавно понял, что для обретения веры нужны две основные вещи: во-первых, стремление к правде, во-вторых, просто быть честным.

— Ну, и что дала тебе твоя истина? — в голосе Алены пропали кошачьи интонации.

— То, что все ищут в этой жизни: покой, уверенность, защищенность, смысл земного пути.

— Слушай, если бы меня не подготовили хорошие люди, я бы подумала, что ты свихнулся, — прошептала девушка, внимательно всматриваясь в спокойное лицо Андрея.

— Даже если бы и подумала — не страшно, — улыбнулся он. — Христианство — «соблазн для иудеев, для эллинов — безумие». Сейчас я считаю, что безумием были мои атеистические взгляды. Я только сейчас жить-то начал! Только сейчас смог разобраться в том, что творится вокруг и со мной. Стоит принять истину — и все проясняется. Видны причины и следствия как вселенских событий, так и твоих собственных делишек. И нет уже беспричинного хаоса, есть проявление Божественной воли.

— А не считаешь ли ты, что эта твоя истина может стать очередным твоим тупиком?

— Дело в том, что истину я не просто принял умом, как какую-то философскую концепцию. Я живу в ней. Я читал у кого-то из святых отцов, что маловерие — это на первых порах нормально. Вера укрепляется по мере прохождения кругов, циклов, что ли, церковной жизни. Это напоминает копилку. Каждая молитва, каждый поклон, каждая служба накапливают в нас веру и... разбивает стену нашей гордыни и тем самым дает возможность Господней благодати входить в наши души.

— Но разве не то же самое и в других религиях?

— Смирение, уничтожение гордыни, постоянная борьба с нею, насколько я знаю, только в Православии. А по смирению — и плоды... Нигде нет столько святых и чудес, нигде Господь так не близок, как у православных. И нигде так не наказывает за предательство и отступничество. «Кого люблю, того и наказываю!» Скажу больше! На свете есть только одна религия, одна Церковь — Православная.

— А разве служители Церкви такие уж безгрешные?

— Священники тоже люди. И как все люди — грешные. Но священство — это ведь не талант, хотя очень немало священников талантливых. Священство передается от одного к другому. А первые священники — апостолы — приняли благодать от Самого основателя Церкви — Иисуса Христа. Вот так по цепочке от одного к другому передается эта благодать, непрерывно от Самого Господа. И не так уж важно, каков человек священник, все равно благодать передается от него каждому приходящему верующему. И опять же от веры нашей и смирения зависит, сколько мы сможем принять этой благодати.

— Значит, даже если от священника разит перегаром и живот свисает до колен — через него передается благодать?

— Безусловно! Здесь необходимо научиться разделять человеческое и Божественное. Как Церковь — это тело Христово в первую очередь, а потом уж и все мы, грешные. Так и человек — это сначала дух его, Богом сотворенный, а потом уж и тело греховное с душой искушаемой. Сначала узри Божье, а потом борись с греховным и тленным. Как нет Церкви без Христа, так и нет человека без Божиего духа.

— Как-то все это сложно пока для меня... — растерянно потерла она наморщенный лоб, довольно широкий. — А вот этот язык, церковнославянский? Половины слов современному человеку не понять. Когда, например, я услышала однажды слова молитвы, там меня насторожило слово «иже»: «Отче наш, Иже еси на небесех»... Помню, подумала: как же так? В тексте молитвы будто заложено сомнение, ведь слово «иже» воспринимается как «ежели».

— Но все-таки ты, наверное, уже поняла, что это два разных слова и, конечно, никакого сомнения у Иисуса Христа в существовании Бога Отца не может быть. Я думаю, что тебе как журналистке ближе всего понимание необходимости церковнославянского языка. В этом языке нет ругательств, он по-детски чист и очень сильно оберегает чистоту церковных Таинств от внедрения пошлости современного... даже не языка, а сленга русско-советско-одесско-американского. Или вот вспомни такие слова, как «конец», «поймать», «хотеть», «переспать» и прочие. Какое пошлое и двусмысленное значение они в себе несут, как вот это загаживает и язык, и отношения между людьми. Почему, когда мы читаем романы прошлых лет, то французскую речь аристократии мы воспринимаем нормально? Помню, как в школе меня учили, что этим баре защищали свои разговоры от прослушивания их простолюдинами. Почему же мы не можем признать нормальным, что Церковь защищает свою чистоту языком наших предков? Да и это уже не просто язык, это — как бы проторенная дорожка. Через его смиренное принятие в Царство Небесное благодаря Церкви, дышащей этим языком, уже взошли миллионы людей.

— Да, это, пожалуй, мне понятно. Наш, как ты говоришь, сленг, особенно бульварно-газетный, лично меня иногда доводит до тошноты. И русскому человеку полюбить и почувствовать некую заповедную прелесть церковнославянского языка — это нормально. Ну, хорошо, а как изменился твой образ жизни? Грешить совсем перестал? — снова в ее интонации появилась лукавинка.

— Меняюсь. Постоянно меняюсь. Когда готовишься к исповеди, пишешь на листок все свои грехи. А потом их надо священнику все перечислить. И не дай Бог какой-нибудь замолчать... Тогда вся исповедь не будет принята. Это ведь священника можно обмануть, а Того, именем Которого он, грешный иерей, отпускает грехи, — уже не обманешь. Когда я сначала ознакомился с перечнем грехов (вроде расшифровки каждого смертного греха), я просто ужаснулся! Да мы шага безгрешно не ступаем. Все наше мирское поведение соткано из греха. Но кто ощутил себя грязным, тот уже стремится отмыться. Это становится потребностью...

— Значит, сейчас ты на меня смотришь как на грязную... Ой, позор-то какой! — лицедейски возгласила она, но ноги на пол опустила и юбку одернула.

— Не волнуйся, все не так уж трагично, — мягко улыбнулся Андрей. — Грех — это болезнь души. Ну, не перестает же мать любить своего ребенка только потому, что он заболел. Она лечит его.

— А ты будешь меня лечить? — уже без своего обычного мяукающего кокетства совсем по-детски спросила она.

— Если только ты сама этого захочешь.

— Андрей... Андрюш, ты простишь меня? — жалобно и тихо пропищала она.

— Прощу... Давай, признавайся! — снова улыбнулся он.

— А я ведь тебя прикадрить хотела... — прошептала она, спрятав глаза.

— А я знаю.

— Ты простишь? — робко подняла она потемневшие глаза.

— Уже простил. Я когда-нибудь расскажу тебе, чем христианское отношение к людям отличается от языческого.

— Почему не сейчас? Мне уже интересно.

— Сначала пусть в тебе уляжется то, что мы тут с тобой наговорили. Все это очень серьезно и непросто. Хоть и звучит довольно обыденно на первый взгляд. Да и спать уже пора — ночь на дворе.

Они разошлись по комнатам. Андрей повесил на восточную стену свою походную икону-складень, встал на колени...

Утро началось со звонкого крика Иришки: «Дядя Андрей! Пойдем купаться!» Андрей потянулся к часам — всего семь. Ну да, ребенок привык к восьми часам приходить в детсад. Мама пробовала утихомирить дочку, но она уже вприпрыжку бегала по двору с мячом и громко смеялась солнышку, небу, цветам и всем-всем.

Через полчаса все жильцы дома спустились в просторную столовую, где большой стол был накрыт к завтраку. Неугомонная Лида успела наготовить в такую рань столько всякой всячины, будто всю ночь не ложилась.

— Ну, зачем же столько всего? — урчал Андрей, запивая горячий бутерброд кофе.

— Я всегда говорил ей, что с утра организм еще не проснулся и его нельзя насиловать, — вторил ему Юрий, доедая вторую тарелку овсянки с джемом.

— Скромнее надо жить, господа, — с набитым ометом ртом пыталась возмутиться Алена.

— А мне нравится! — прозвенела Иришка, вылизывая остатки домашнего йогурта из вазочки.

— Кофе, чай: зеленый, черный, красный? Может, сыра? У меня «Адыгейский», брынза, «Эмменталь»... — не унималась хозяйка.

После завтрака Юрий провел брата в свой кабинет. Никто, кроме хозяина, входить сюда не имел права. Даже уборку помещения делал он сам. Кабинет представлял собой просторную комнату, оснащенную компьютерами, телефонами, факсами; стены заставлены стеллажами с книгами на все случаи жизни, украшены картинами, в углу тихо журчал струями фонтанчик; имелись здесь и телевизионная видеодвойка с музыкальным центром.

Андрей сел в удобное кожаное кресло напротив хозяина и спросил:

— Ну, и что ты думаешь о последних событиях?

— На этот раз я сумел избежать покушения... чудом. Если бы не заметил блеск очков бинокля, если бы не профессионализм охраны... Но самое печальное то, что я испытал настоящий страх.

— Ты знаешь, я сначала думал смолчать... — задумчиво протянул Андрей. — Ну, помня наш последний бестолковый разговор. Но, во-первых, возможны рецидивы, во-вторых, мало ли где я могу оказаться, в-третьих, стрессы заставляют смотреть на привычные вещи трезвее, что ли. Поэтому решил все же рассказать тебе кое-что. Только прошу выслушать до конца.

Неприятности, беды, болезни человеку даются для того, чтобы в своей суете он не забывал о том, что есть силы, которые реально правят этим миром.

Человек создан Богом. Создан для того, чтобы быть царем тварного мира. Чтобы воссоединять мир тварный с Богом. После грехопадения Адама человек повредился в своей природе, в него вошел грех, а вместе с ним и смерть. Каждый человек рождается для того, чтобы пройти путь искушений, победить в себе падшего Адама и соединиться со своим Творцом.

Если он поддается искушениям, то он входит в союз с сатаной и увлекается этим изобретателем лжи и мучений в место мучений — преисподнюю, в ад. Если человек ощущает в себе грех и необходимость от него избавиться (ну, скажем, как чистоплотный ощущает грязь на теле, желая ее смыть), то Господь помогает ему в этом.

Ничего не происходит само по себе, как уверяют атеисты. Причиной всему — эта постоянная борьба за человеческую душу сил добра и зла. И человек сам выбирает в каждом отдельном случае: делать добро или зло. Сам выбирает при этом, какие силы будут ему содействовать: ангелы или бесы.

Конечно, нужно научиться отличать грех от добродетели. Часто мы считаем, что делаем добро, а получаем в итоге зло. Как их различать? Тут необходимо знать первоисточник зла. Это гордыня.

Это она ангела света Люцифера превратила в сатану. Все остальные грехи — производные от нее. Каждому надо знать смертные грехи: гордость, блуд, сребролюбие, гнев, чревоугодие, уныние, зависть. Противостоят этому злу смирение, нестяжание, целомудрие, кротость, воздержание, доброжелательство, упование.

Когда Иисус Христос сказал Своим ученикам о том, насколько труден путь в Царство Небесное, они приуныли, и тогда услышали поистине слова Бога: то, что человеку невозможно, то возможно Богу. То есть просите, молитесь, кайтесь — и вам простятся ваши грехи, и будет открыт путь в Царство Небесное.

Теперь о несчастьях. Конечно, с точки зрения человека, его беды — это плохо. Мы их боимся, мы от них спасаемся. Но так устроено в этом мире, что любое несчастье Господь направляет на наше спасение, нам на пользу.

И тут опять перед тобой выбор: или ты против обидчиков выставляешь свою агрессию, свое зло и тем самым содействуешь его увеличению и своему уничтожению. Или благодаришь Господа за испытание, за напоминание о том, что все, понимаешь — все! — происходит для твоей пользы, во твое спасение, и делаешь то, что и должен делать: обращаешься к Его защите с покаянной молитвой о прощении своих грехов. И если это на твое благо, ты получишь и прощение, и защиту, а уж как это устроится: блеском окуляров бинокля, правильными действиями охраны или еще как — это уже все будет во власти Бога.

Нехорошо говорить об этом, знаю, но делаю это лишь для твоего вразумления, для безопасности твоей и твоих девчонок, для твоего спасения, наконец! Молился я за тебя, по моей просьбе молились за тебя монахи монастыря, и это — вот что ты должен знать точно — спасло тебя и твою семью от смерти.

В следующий раз меня может не быть рядом. Тогда уж ты, брат, сам все это будешь делать. Как? Я тебе подскажу.

Когда Андрей говорил, брат молчал, задумчиво оглаживая пухлой пятерней большую загорелую лысину. Хорошо молчал. Не было с его стороны желания оборвать брата и снова объявить все это бредом. Значит, проняло. Значит, не зря.

Юрий засел за дела, а Андрей спустился по винтовой резной лестнице вниз. На кухне все еще убиралась Лида. Что-то в ее облике остановило его и настойчиво заставило войти.

— Сестричка, с тобой можно поговорить?

— Конечно, Андрюш, я тебе всегда рада, — откликнулась она, продолжая округлыми плавными движениями вытирать полотенцем посуду.

— Я вот смотрю на тебя и чувствую, что в тебе что-то изменилось. Будто у тебя появилась какая-то внутренняя радость, которую ты почему-то хочешь скрыть.

— Радость? — остановилась Лида и замерла. Потом медленно повернулась к собеседнику и, не поднимая улыбчивых глаз, задумчиво с полу-улыбкой напевно произнесла: — Да, ты прав. Это, действительно, радость. Только вот ко времени ли? Столько проблем...

— Хочешь, мы съездим в гости к моим знакомым? — неожиданно для себя предложил он. — Очень хорошая семья. Тебе будет интересно. Давай в понедельник вечером. Ты не против?

— Ладно, давай попробуем. Почему-то думается, что твои затеи только на пользу... Утром позвони, договоримся на вечер.

Андрей вышел на веранду и увидел, как Алена с Иришкой собирают малину. Тетушка рассказывала племяннице какую-то занимательную историю, а Иришка заслушалась и вместо корзинки отправляла ягоды в распахнутый ротик.

Андрей подошел к ним. Присел на корточки перед племянницей. Она взвизгнула и обвила тоненькими ручками его крепкую шею. От Иришки сладко пахло малиной и чем-то еще детским, молочным. Хрупкий, нежный, слабенький человеческий детеныш... Кажется, вот дунет ветер посильней — и сломает его. Ан нет! Есть кому защитить, кому отвести беду и зло. Чем слабее человек — тем сильнее он против зла! Хорошо обученные дяди с лучшим оружием гибнут один за другим. Они входят в группу наивысшего риска и максимальной смертности. А вот такой нежный комочек жизни — последний, кого достанет зло в этом мире. «Сила Моя совершается в немощи».

Андрей распрямился — и девочка со звонким смехом повисла на большом и сильном дяде. Вот тут шалунов и «застукала» матушка и позвала дочку домой.

Иришка, надув губки, понуро пошлепала к маме. Алена отставила корзинку и предложила Андрею прогуляться. Ох, знал он, к чему обычно приводят такие променады, но с потаенным вздохом согласился.

Их путь пролегал мимо зеркала озера в просторный сосновый бор. Кто-то уже тщательно пошарил грибные места, оставив аккуратные пеньки срезанных грибов.

Некоторое время они шли молча. Алена все порывалась что-то сказать, набирала воздух в легкие, поднимала на него глаза, но... снова выдыхала и молча шла рядом. Андрей глядел по сторонам, удивлялся своему петляющему в поисках грибов азартному взгляду, слышал эти дыхательные упражнения, но помогать ей не торопился.

— Андрей, я всю ночь не спала, — жалобно пропищала она, наконец. — И поняла, что люблю тебя, вот...

— Я тоже тебя люблю.

— Правда!.. — воскликнула она, но осеклась — слишком буднично это было сказано. И что-то не включает ее в объятия, не запечатлевают страстного поцелуя на ее устах. Идет себе дальше и глазами рыщет по сухим иголкам и комлям. Вслух же сказала: — Что-то не очень-то верится.

— Почему?

— Ну, как-то не заметно... — потерянно сообщила она, а в голове звенела обида: ну, не буду же я тебе про объятия и поцелуи говорить, чурбан ты, деревянный по пояс... Вслух: — Я ночью несколько раз порывалась пойти к тебе.

— Я знаю. И знаю, что прийти ко мне ты не могла, даже если бы очень захотела.

— Это почему же? — дернула она плечиком.

— Потому что я обращался за помощью именно к тем силам, которые не отпускают.

— Ты издеваешься?

— Совсем нет. Сейчас поясню. У любого мужчины перед Богом только одна жена. Если у меня с этой одной семьей не получилось, то я в этом и виновен. Или я сумею вернуть ее — или буду жить безбрачно. Таково мое решение. А тебя, тем не менее, люблю. Как сестру. Поверь, это выше того, чего хочешь ты. Мы постоянно путаем любовь с похотью. Вот ты сейчас проверь себя. Я объяснил тебе, что со мной никаких телесных отношений не будет. И сколько после этого в тебе осталось этой твоей любви?

— Нисколько, — буркнула Алена и отвернулась.

— А я тебя люблю еще больше. Потому что теперь ты имеешь на меня обиду, зло, и мне нужно будет больше стараться, чтобы сохранить к тебе прежнее доброе отношение.

— А у меня уже никаких отношений.

— А вот это неправда. Когда обида пройдет, тогда и посмотришь трезвым оком.

Хоть и пытался он говорить спокойно, но острое чувство жалости постоянно росло в нем. Еще совсем недавно он бы поддался этой сладкой волне, которая так и раскачивала его. Еще совсем недавно он бы безумно радовался этому признанию красивой, неглупой, воспитанной девушки. Но сейчас между этой, как говорят, естественной реакцией и его душой, требующей очищения, выросла мощная стена. Такую же он строил и в ее душе своей ночной молитвой. Он знал, как ей сейчас плохо, как вопит ее женское самолюбие, но потакать ее похоти и гордыне он уже не мог. Не имел права.

— Прости меня, Аленушка, я знаю, что тебе сейчас плохо. И я хоть произвольно, но все же виноват в этих твоих переживаниях. И готов загладить свою вину. Я буду тебе не просто братом, а очень хорошим братом. Буду заботиться о тебе, помогать, защищать тебя от врагов. Сопельки тебе вытирать.

Он вынул носовой платок, повертел, проверяя его чистоту, и приложил к ее мокрым глазам.

— А погулять теперь с тобой можно будет? — сквозь слезы и улыбку, всхлипы и вздохи спросила она.

— Не только можно, теперь просто необходимо! Ведь мы брат и сестра, и обязаны отвечать друг за друга. Ну, что — мир?

— Чурбан ты все-таки! И зануда. Такая бы партия получилась... — уже улыбалась она, вытирая покрасневший нос.

— Конечно, чурбан, только в печь не бросай, — покладисто согласился он, зацепил большой палец левой руки за воображаемую жилетку, правую руку выпростал вперед и шуточно провозгласил: — Есть такая партия!

Солнце поднималось все выше. Жаркое марево обволакивало дачный поселок, проникая в каждый уголок дома, под навесы и сень деревьев; густыми слоями нависало над прудом и надувными бассейнами, где плескались дети и собаки. Юрий, поминутно отирая пот с гладких щек, упрямо ковырял лопатой присохшую землю под цветы. Андрей таскал из дома какие-то замысловатые корневища и втыкал их в ямки под руководством Лиды. Алена с Иришкой поливали лейками только что посаженное.

Скрипнула калитка, и по гравийной дорожке заскрипели чьи-то тяжелые шаги.

— Надо же! Только что видел тебя по телевизору в новостях — и вот уже ты собственной персоной, — Юрий снял белую тряпичную перчатку и протянул гостю руку. — Знакомься, Борис Борисыч, брат мой Андрей. Младшенький... Остальное ты уже знаешь.

«Остальное» криво усмехнулось, но смолчало. Андрей тоже снял перчатки, поднялся с колен. Лысоватый господин и ему протянул вялую, влажную от пота ладонь.

— Борис, может, по стаканчику холодненького? — Юра порывисто шагнул на веранду. — Андрей, ты тоже глотни кваску, Лидок его ставила. Я-дре-нааай!

— Можно, если холодненького, — привычно принимал проявление уважения к своей несомненно важной персоне господин в грязно-белых теннисных шортах. — Да я потрепаться зашел. Дома жарко, народу полно понаехало, а поговорить не с кем. Скучно,

сосед... В тебя вон хоть стрелять собирались, все развлечение какое-то. А у меня одна болтовня да бумажки. А говорят: власть!..

— На вот «божолу» твою любимую, бедолага ты наш.

— «Божолушку» — это хорошо, — он отхлебнул большой глоток из запотелого стакана, пополоскал рот и удовлетворенно проглотил. — Звонил на Петровку, мне доложили, что всю эту банду, что готовила покушение, уже арестовали. Твой генерал хорошо сработал, умеет людей своих защищать. Только все равно — его или сломают, или купят. Ладно, хватит о работе.

Он повернулся к Андрею и долго изучал его. Андрей потягивал квас и безмятежно любовался проделанной земляной работой. Там, на грядке, все еще копались «девчонки», ворча на прохлаждающихся мужиков, духоту и прогнозируя грозу.

— А ты, Андрей, чем на хлеб зарабатываешь?

— Строю.

— Мне нужен в помощники свой человек. Вокруг меня на работе одни сволочи продажные. Юрий говорил, что ты честный малый. Хочешь со мной поработать?

— Не-а.

— Ты ж не знаешь еще ничего.

— Как не знать. Справки, отчеты, звонки, стукачество, деньги, опять деньги, загранкомандировки, машина, дача, страх, инфаркт.

— Во дает! — сосед метнул в Юру взгляд. Тот молча улыбался. — Это вот так об нас народ думает?

— Я не ругаюсь матом, поэтому мнение народа «об вас» пока замолчу.

— Слушай, Андрей, ты мне нравишься все больше. Ты первый за несколько последних лет, кто так со мной говорит.

— Это потому, что за забор этого дачного местечка такие, как я, обычно не попадают.

— Ладно, парень, ладно. Давай пока нежные чувства народа к своим верным слугам, как ты говоришь, «замолчим». Тебе чего, денег не надо? Да перед тобой на задних лапках целые регионы будут прыгать. Это же власть! Это же — силища! — сосед мазнул по лицу обильно выступивший пот.

— Я где-то читал, что богатый — это не тот, у кого много денег, а тот, кому их хватает. В этом смысле у меня все в порядке. А власть... ложь все это. Все те, которые у нынешней власти, — марионетки деревянные, не больше. А это опьяняющее чувство своей значительности — от слепоты и помрачения ума.

— Это что-то новенькое, — сосед встал и навис своим округлым животом над сидящим в низком шезлонге Андреем. Юрий, еле сдерживая смех, любовался мизансценой.

— Наоборот, старо все это, как наш падший мир, — Андрей говорил тихо, почти шепотом.

— Борис, я же тебе говорил, что он не такой, как мы, — все шире улыбался Юрий, глядя на своего нервного соседа.

— Как это не такой? У него что, две головы или он не мужик? — вздрагивая потным животом, вопрошал сосед. — Или он чокнутый совсем? Э, нет! Вот это вряд ли... Тут что-то другое. Тут принципиальное! У меня подчиненные аж подметки рвут — лезут наверх, а этот... мягко выражаясь, брат твой, понимаешь, и ухом не ведет. Я ему такое! А он... Так что попрошу ваших объяснений, молодой человек!

— Что это вы так... шумно? Было бы из-за чего. — Андрей указал на лавку — сосед послушно сел. — Что странного в том, что я не жадный? Ну, не надо мне ваших золотых игрушек. Примите это как аксиому, как мое право выбора, что ли. Есть у меня все, что нужно. И не потому, что я такой талантливый или сильный, а потому, что дается мне все это ни за что! И чем более ни за что, тем более я могу иметь.

— Во завернул! — сосед снова зыркнул на Юрия, ища поддержки, но тот лишь вежливо улыбался. — Ну-ка, Юрик, плесни еще, что-то не понял без бутылки. Как это «ни за что»? Ты наследник Онассиса? Кладоискатель? Это где ты видел бесплатные пирожные? В мышеловке?

— Вот видите, какую очередь ложных догм вы изволили выдать. Вам так сказали — вы и повторяете. А не пробовали в них усомниться?

— Так ведь на практике каждый день догмы эти проверяем. «Я начальник — ты дурак», «Что потопаешь — то полопаешь», «Как подмажешь — так поедешь» и тэ де. Как это: «ни за что»? Все нужно мозгами своими прокапать, все ножками протопать, мелочишкой прозвонить, а как же!

— Вы забыли, Борис Борисыч, еще одно — совесть придушить, чтобы не особенно вопила.

— А ну-ка покажи мне этот орган! Вот голова, вот рука, — тыкал он пальцем в части своего тела, — вот пузо, вот... не скажу что... А где эта — как там ее?.. Может быть, раньше она у кого-то и наблюдалась, только эти реликты уже в музеях под стеклом пылью покрылись.

— Если бы так было на самом деле, то все бы уже кончилось. На этих особях с этим органом, все еще живых, несмотря на ваши упорные усилия, вся жизнь пока и держится.

— Как говорят математики, за малостью величины давайте ее отбросим.

— Это не математика. Здесь все наоборот — малость эта всю жизнь на себе держит. Хотя думаю, что можно и математически кое-что изобразить. Ежели корректно поставить условие задачи. Совесть — это голос нашей души. Душа человека вечна, она навечно создана и дарована нам ни за что. Таким образом, все конечное (деньги, власть человека, жизнь с ее удовольствиями и пр.) по сравнению с бесконечностью превращается в ничто. Чтобы оценить, разделите любую конечную величину на бесконечность — и получите в результате нуль. Теперь ответьте на вопрос (себе в первую очередь): зачем целью жизни делать конечное, когда при этом бесконечное остается забытым и не востребуемым? Зачем тешить себя каплей-другой, когда рядом — океан безбрежный?

— Это опять же, если... — сосед покрутил пальцем во круг головы, — она бесконечна. Душа... А вот это нужно доказать.

— Вот этим и займитесь. Это дело, достойное настоящих мужчин. Чего зря ими капать, мозгами-то, чтобы потом от стенокардии лечиться и от ожирения?

— Юрик, мне бы такого в мою псарню — всех своих полканов на цепь посадил бы. — И затем, повернувшись к Андрею и указав пальцем на его нательный крестик: — Так, значит, это не бижутерия? Это у тебя серьезно?

— Это всегда и у всех серьезно.

— И вот это дает тебе «ни за что» — все?

— Не все, а то, что для вечного необходимо. Полезное.

— Может, научишь?

— Это пожалуйста. Мой телефон — у брата.

— А работать со мной — это к тебе бесполезно?

— Лучше вы со мной. Честные деньги — это такое богатство!

— Слушай, Андреище! Я все понял! Мы с тобой похожи. Мы с тобой обладаем властью, властью над людьми. Я даже допускаю, что ты — большей, чем я...

— Снова ошибочка. Я — никто. Ничего своего не имею. Я нищий с протянутой рукой. И если мне много подадут, то мне много и раздать надо. Так что вам от меня никакого проку не будет.

— Хорошо я тут у вас освежился! Юрик, проводи, пожалуйста, до калитки. Андрей, не прощаюсь.

После обеда здесь все разбредались отдыхать: взрослые с удовольствием, Иришка с обычным нытьем и ворчанием — она считала расточительством тратить на сон драгоценное время, когда все ее любимые взрослые рядом. Впрочем, засыпала она всегда сразу, а просыпалась последней.

Андрей это время использовал для написания писем. С детства он наблюдал, как его бабушка вела переписку, как с москвичами, так и с иногородними. Она поясняла внуку, что письма помогают углубить отношения, потому что не все удается выразить в разговоре: возможно стеснение, не всегда можно найти удачный аргумент, точное слово. А во время написания письма можно взять любимую книгу, выписать цитату, не торопясь подумать... Да и написанное слово имеет и больший вес, и воздействие посильнее, да и некоторую ответственность налагает, потому как может всплыть из прошлого в самое неожиданное время и в необычной ситуации. Бабушка тщательно подшивала письма в папки, всегда аккуратно отвечала на них. Этому научился и Андрей.

Иногда его письма занимали десять, двадцать, а то и больше страниц. От бабушки ему достался золотой «паркер», писать которым доставляло удовольствие. Его тонкое пластично-крепкое перо исправляло почерк, изуродованный шариковыми ручками, до каллиграфического изыска.

Сегодня Андрей должен закончить письмо тетушке в Абрау-Дюрсо. Он уже неделю составлял план, искал подходящие фразы, чтобы, не обидев пожилого человека, развеять ее просоветские заблуждения, поддержать ее в той безнадежности, в которую она впадала из-за нехватки пенсионных денег.

С тетушкой проживала его другая племянница, Аня, существо совершенно очаровательное и светлое, как лучик солнца. Надо было и для нее найти простые, но очень важные слова, трогающие душу, потому что от переполняющей ее энергии и избытка доброты она кормила со скудного бабушкиного стола всех кошек и собак в округе; занималась то танцами, то спортом, то пением, но при этом бесцельно и импульсивно, лишь бы куда себя деть.

Письмо писалось легко и успешно, этому способствовали тишина и предварительные размышления. Он находил удачные примеры и точные слова, строка за строкой, — получилось больше десятка страниц.

Вечером у братьев состоялся еще один разговор.

— Судя по программе твоего шефа, он хочет опираться на правду и честно добиваться власти. Не мой это уровень — решать, возможно ли это все на практике в нашем мире, где правят деньги. Без больших, без очень больших денег — войти во власть невозможно. А в основе любого солидного состояния обязательно лежит или воровство, или кровь. Но, кто знает, может быть, как-то и заладится... Так вот, я хотел тебе сказать вот что. Этой ночью я читал Деяния апостолов и там вычитал нечто очень интересное для тебя. Может быть, это поможет найти путь?

После воскресения Христа апостолы стали ходить по городам и весям и благовествовать истину во Христе. Как-то в Иерусалиме апостолов схватили и привели в суд. На суде один из фарисеев по имени Гамалиил обратился к народу и сказал, что незадолго до этого ходили по Иерусалиму проповедники Февда и Иуда Галилеянин, увлекли за собой сотни людей своим учением, но были убиты, и народ их рассеялся. И тогда сказал Гамалиил, что апостолов нужно отпустить, «ибо если это предприятие от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками».

И вот смотри, брат: сколько было с тех пор проповедников и философов — и где они? А вот за Христом пошли миллионы людей и вошли в Царствие Небесное. Какая книга самая издаваемая и читаемая в мире? Библия! Почему нас терпит еще Господь и не сотрет с лица земли, как плесень? Только потому, что еще живо Православие. Это единственный лучик света в царстве всеобщего зла и лжи.

Вот я и предлагаю тебе подумать о том, чтобы основной идеей вашего политического движения стало Православие. Тогда за вами пойдут действительно честные люди, лучшие из людей. Тогда вам и помощь, и защита, и благословение будут, как от Церкви земной, так и от Церкви небесной.

— Интересно, как ты себе это представляешь? Что-то я даже приблизительно не могу понять, как это можно воплотить в реальной жизни.

— А тут и придумывать нечего. В стране православной не может быть иного государственного устройства от Бога, кроме монархии.

— Ну, это ты брось! Какая монархия! Да скажи кому — засмеют. Царя-батюшку снова поставить!

— Пусть смеются! Скажу больше: такой шум поднимут на весь мир, что мало не покажется! Революцию профинансировать, десятки миллионов лучших людей загубить, чтобы Православие растоптать. Теперь получается вроде то, чего они так хотели, — Святая Русь становится послушным сырьевым придатком, свалкой радиоактивных отходов и залежалого товара. Народ опять же потихоньку американизируется, голубеет и спивается. И вдруг снова: власть Божиего помазанника, подотчетного не антихристу, а Богу! Да, уж не только шуму будет, все что угодно начнется.

— Слушай, в наше время — царь-батюшка? Не укладывается как-то.

— Ладно, давай по порядку, — Андрей сходил в свою комнату за книжкой Н. Кусакова «Православие и монархия». — Вот я тут подчеркнул, сейчас прочитаю: «Вместо стремления к тому, чтобы в государстве совершалась воля Божия, республика и демократия стремится к исполнению воли народа, которая направлена на поиски земного благополучия и на удовлетворение эгоизма, измеряемого по нормам сребролюбия, которое есть корень всех зол.

То есть демократия становится повинной в противлении заповеди, звучащей в молитве Господней: “Отче наш... да будет воля Твоя”.

Следуя в русле эгоистической воли народа, демократия нарушает заповедь “Не следуй за большинством на зло” (Исх. 22, 2), ибо в стремлении к земному благу большинство легко склоняется ко злу, прикрывающемуся ликом добра. Дальше.

Порядок замещения должностей в демократическом обществе противоречит законам христианского нравственного учения о смиренномудрии. В выборных кампаниях кандидатами движет властолюбие, они неизбежно открывают в сердцах дорогу страстям и как естественному следствию — гордости и честолюбию, которые подстегиваются сребролюбием. Страсти застилают глаза настолько, что эти люди предаются пороку лжи.

А царь — избранный по рождению, свободный от малейшей тени губительной для правителя страсти властолюбия и сребролюбия, — он несет обязанность царствования, имея полноту власти законом земным и пребывая в рабском подчинении небесному закону Божией правды.

Так православное христианство освоило, подчинило себе и осватило языческий институт монархии. Так построилась Святая Русь. На этом основании возросла и Российская империя».

— Это мне кажется самым основным, — сказал Андрей, закрывая книгу. — Впрочем, я готов тебя свести с настоящими монархистами, они тебя просветят профессионально.

Перед сном Андрей за вечерним чаем на веранде молча наблюдал за Аленой. Она в его сторону не смотрела, обида все еще владела ею. Лида, чувствуя напряжение, щебетала на разные темы, чтобы заполнить гнетущее молчание и создать хотя бы видимость «бонтона».

Поднявшись к себе в комнату, Андрей опустил на колени и попытался сосредоточиться. Но в душе поднялась смута: звучали слова, сказанные Юрию; звенел смех племяшки, перед глазами мелькали разные картинки, одна другой ярче и

увлекательней. Затем и тоска вонзилась в душу холодным стальным клинком. А вот и блудные токи потекли сверху вниз, горяча кровь. Некоторое время он не мог даже слова выдать из себя, правая рука отяжелела и не желала подниматься для ограждения спасительным крестным знаменем. «Вот и враг меня искушать пришел», — кольнуло страхом затылок.

Тогда Андрей лег на дощатый пол головой к иконам, руки вытянул перпендикулярно телу, изобразив таким образом крест. Первые слова он произносил с таким трудом, будто кто-то зажимал ему рот мягкой, но сильной ладонью: «Во... и...мя... От...ца... и... Сы...на и Святаго Ду...ха!» Полежал безмолвно, прислушиваясь к утихающим в душе волнам блудной горячки, щеку приятно остужала прохладная лакированная поверхность досок пола.

Дальше молитва пошла уже проще, слова произносились свободно, но картинки, как в калейдоскопе, продолжали рассеивать внимание. Тогда он попробовал произносить слова молитв медленно, без пауз, всей силой воли своей погружая ум в каждое слово, пытаясь не потерять его смысл. Он как бы впервые читал эти слова, обнаруживая в них древнюю святую силу.

Эти молитвы он воспринимал тропой, проторенной святыми молитвенниками через мирскую трясину — прямо на Небеса. Одновременно и воплем горящей во грехах души!

Вязнув каждым своим шагом, продирался он по этой тропе по раскисшему полю своего сознания, затянутого блудной трясинной. Но вот его внимание окрепло, как бы вышел он на крепкую почву.

Вот уже шаг за шагом, обливаясь горячим потом и покаянными слезами, все более униженным и грязным ощущая себя, все более вжимается он в низину деревянных досок пола, но при этом — его все выше вздымают невидимые руки в гору.

Молитва свободно звучит в каждой его клетке, не оставляя места ни единому постороннему вторжению. И вот он уже стоит на вершине горы, где только он и... Тот, к Кому с таким трудом пробивался. В эти мгновения душа замирает, и он в восторге застывает, боясь неверным движением своего грешного естества нарушить это гармоническое единение с Великим и Непостижимым, Светлым и бесконечно любящим его...

...Душная напряженная ночь не приносила сна. Иисусова молитва творилась сама собой, плавно и ритмично. Она будто жила по своим надмирным законам в человеческом естестве, ей для этого гостеприимно предоставленном.

Снаружи коттеджа происходили шумные грозные события. Сверкала молния, протяжно рокотал гром. Порывы ветра с воем и свистом ударяли в стены, сотрясая их. Скрипели ветвями и шелестели кронами деревья. Даже пол уже ходил ходуном. Залетевшие все-таки в комнату комары остервенело набросились на влажную от пота кожу, занудно звенели и больно, до крови, кусали. По крыше и подоконникам, оконным стеклам и асфальту барабанной дробью грохотал крупный град. Завывали на разные голоса противоугонные сирены автомашин.

Андрей все это, конечно, слышал и чувствовал, но ему казалось, что происходит это в другом мире, где нет плавно и ритмично работающей в полной душевной тишине чудесной молитвы.

Утро застало его лежащим перед иконами с раскинутыми крестообразно руками. Он не помнил, спал ли вообще, так как молитва хоть и несколько утихла, но продолжала свое самодвижение где-то глубоко внутри, а сознание полностью внимало окружающему, хотя и отстраненно.

Он вышел наружу. Странная картина открылась ему. На территории Юриной дачи не было повреждено ни одно растение. Даже длинные и хрупкие стебли цветов и высокие кусты малины только слегка прогнулись от тяжести влаги. Целыми оказались все оконные стекла и натянутые между столбами провода.

Зато за забором творилось нечто страшное. Буквально в пяти метрах переломился пополам мощный ствол столетней сосны, подмяв под себя крышу соседского джипа. На проводах висел сломанный железобетонный столб линии электропередач. Половина деревьев имела открытые переломы стволов или ветвей. Соседские цветы будто слон втоптал во влажную, иссеченную градом землю.

— Ну и повезло же нам! — услышал Андрей за своей спиной голос брата.

После спешного нервного заглатывания кофе под слезы прощания с маленькой одинокой девочкой братья возвращались в Москву. Дороги были переполнены возвращавшимися в город машинами. Ураган везде оставил свои разрушительные следы. Особенно досталось рекламным щитам: почти все они имели растерзанный вид. По мере приближения к кольцевой настроение ухудшалось, в душу влезали суета и сонмище проблем. Мегполис, отпустивший свои жертвы передохнуть на свежем воздухе, снова втягивал их в круговорот денег, власти и порока.

Имелись такие, кто пытался бороться со злом своими силами или в составе силовых организаций, но странным образом их борьба лишь увеличивала количество зла, уничтожая борцов кого чем: деньгами, властью, пороком — теми же инструментами, с которыми им приходилось вести войну.

И только очень немногие не желали подчиняться этому сладкому яду и ограждались небесным заступничеством. Андрей вспомнил, как читал слова афонского старца городскому паломнику. Этот человек, живший уже «на пути от земли к небесам», сказал, что Господь больше любит тех, кто живет среди порока, потому что «где увеличивается беззаконие, там преизобилует благодать». И еще он вспомнил из сборника духовных советов: «Где лучше спасаться, отче?» — «В городе рядом с монастырем.»

Вот только как жить, чтобы уберечься от греха, который так мимикрирует, так ловко приспособливается и утончается? Только вчера здесь проживало благо — и вот уже сегодня под его оболочкой брызжет ядом порок. Не дай, Господи, попасть в сети лукавого, так искусно им расставленные. Просвети разум светом истины Твоей! Защити и спаси, не остави без Твоего несокрушимого покрова.

В гостях у отца Сергия

Вечером Андрей сидел на лавке и высматривал в плотном потоке машин, несущихся по Кутузовскому проспекту, белую «Ниву» с кокетливыми спойлерами, в которой ездил Лида.

За его спиной на асфальтовом пяточке резвилась местная юная поросль. Одно из них, неопределенного пола, подсело на скамейку, поправило крепления роликов и, взлохматив и без того бесформенную копну светлых волос, ткнуло локтем Андрея в бок:

— Слышь, мэнь, покурить-то дай! — услышал он звонкий девичий голосок.

— Не курю... — он не отрывал взгляда от дороги.

— А что еще ты не делаешь?

— Много чего...

— И не скучно?

— Мне очень жаль тебя разочаровать, но это явление мне незнакомо.

— Ладно, если так, то скажи, чем тогда оттягиваешься? Ну, расслабляешься как?

— А зачем?

— Ну, как это... так все делают...

— Ты что, из колхоза имени двадцатого съезда? «Мы, все как одна, доярки колхоза двадцатого съезда, от имени всех женщин Земли и тэ дэ...» Чего за всех-то говоришь?

— Ты даешь...

— Здесь ты попала в точку. Вот тебе и разгадка. Когда не берешь, а раздаешь, то и расслабляться ни к чему, и скучать некогда. Наоборот, каждую минуту жизни ценишь, а не давишь их, как клопов.

— Уууаауу! Значит, ты крутой? Так бы и сказал.

— Человек я, а не пятиминутное яйцо на завтрак. Чело — это разум, век — вечность. Получается, что вечный разум, или разум, устремленный в вечность. Так что тут как-то со скукой нестыковка, не до этого...

Андрей оторвал свой взгляд от дороги и направил его в глаза девушки, скрытые, как у пуделя, прядями волос. В наглой круглой черноте зрачков ее по очереди промелькнули вызов — смятение — смущение. «Значит, жива еще. Повзрослеешь — обезьянничать прекратишь».

— Гм... простите, я это... — она шмыгнула носом.

— Ладно, на вот тебе, — он протянул пару конфет. — Это лучше курева и роликам не помешает.

— Простите...

— Чего там, будь здорова и не скучай!

Перед лавкой со скрипом тормознула белая «Нива», Лида открыла дверцу и напевно позвала Андрея. За рулем сидела уже не хлебосольная дачница, а уверенная в себе дама в элегантном фисташковом костюме с лихо развевающимся шелковым шарфиком на длинной шее. Он сел в машину, и они довольно быстро доехали до нужного дома на Минском шоссе.

По дороге Андрей рассказал, как познакомился с отцом Сергием. Было время, когда он метался по храмам и искал священника, который помог бы ему очистить душу от грехов. Один священник раздражал его своей полнотой (Андрей считал, что большой живот свидетельствует об увлечении чревоугодием). Другой был слишком мягок, иногда даже оправдывал его грехи, говоря, что другие и больше грешат, и ничего страшного... Третий постоянно лукаво улыбался и постоянно принимал без очереди тех, кого ему подводили; в результате многие из очереди исповедаться не успевали.

Отец Сергей с первой же исповеди наложил на Андрея епитимью, заставив его за каждый год, прожитый в грехе вне Церкви, класть земные поклоны. Сначала это наказание его возмутило, но потом, после снятия епитимьи, он понял, что к Причастию приготовился по-настоящему в первый раз.

Суровость отца Сергия к грехам вознаграждалась почти детской радостью, которая исходила от него, когда он наблюдал исправление исповедника. Тогда не было человека добрей его. Однажды на исповеди Андрей признался, что перед Причастием он каждый день, кроме ежедневных молитвенных правил, читал по три канона, каждый день посещал храм, но... вот только во время поста на собственный день рождения ему пришлось есть рыбный салат со скромным майонезом. Андрей думал, что строгий батюшка к Причастию его не допустит, но отец Сергей тогда улыбнулся, расцеловал его и воскликнул: «Ну, и порадовал же ты Господа!»

После нескольких исповедей у этого священника он понял, почему к нему выстраиваются самые длинные очереди исповедников. А однажды он дал Андрею свой домашний телефон, и они стали довольно часто перезваниваться, а также встречаться в гостеприимном доме батюшки.

На лифте Андрей с Лидой поднялись на пятый этаж и позвонили перед обитой кожей дверью без глазка. Открыл бородатый мужчина лет пятидесяти в свитере и, радушно улыбаясь, впустил их в дом.

— Добрый вечер, отец Сергей. Познакомьтесь с женой моего брата Лидой.

— Милости просим.

В прихожую заглянули по очереди несколько смешливых детских физиономий. Гости обулись в домашние тапочки, и Андрей, сложив ладони лодочкой, подошел под благословение, приложился губами к руке священника. Они троекратно расцеловались.

Отец Сергей благословил крестным знамением его, потом несколько смущенную Лиду и пригласил их в гостиную. Из кухни на минутку заглянула улыбчивая круглолицая матушка в цветастом переднике, поздоровалась и извинилась, что не успела к их приезду с ужином, попросила еще десять минут. Лида протянула ей большую коробку конфет и красивую банку чая.

Батюшка проводил гостей в большую комнату, которую он называл «зал», и усадил на диван. Вся стена напротив увешана иконами, несколько совсем темных, видимо, древних. У торцевой стены перламутром блестит березовыми панелями и голубоватыми стеклами книжный шкаф с сотнями книг. Лида пробежала глазами по корешкам книг: церковно-служебные, святоотеческие, справочники, энциклопедии, художественные и публицистические издания. Отдельно стояли древние книги в металлических окладах, некоторые украшены камнями.

— Этот шкаф отец Сергей строил своими руками.

— Да, с ним связана целая история. Однажды пришлось нам с матушкой скрываться от властей в совершенной глуши. Матушка помогала нашим хозяевам в огороде, а я вспомнил уроки своего отца по столярному делу. Недалеко от деревни находилась заброшенная мебельная фабрика. Там целые горы старых досок. Местные их растаскивали на дрова. Познакомился я со сторожем и стал туда ходить каждый день и выбирать доски одной породы, текстуры и примерно одного размера. Натаскал вот так потихоньку целый сарай. Обошел деревенских, собрал заказы на мебель. Тогда мебель купить было трудно, вот и оказалось, что чуть ни в каждом доме нужен какой-нибудь предмет: стол, шкаф, полочки, сервант. Стал я собирать мебель. Работой увлекся, выдумывал разные замысловатые эскизы, некоторым заказчикам делал даже резьбу, благо от отца у меня остался знатный инструмент и я захватил его с собой.

Много всего тогда настроил... И заработок был, и удовольствие, и польза людям. Вот матушка и попросила нас что-нибудь сделать. Тогда уже у нас много книг собралось, поэтому решил я сотворить шкаф. Больше всего мне нравится береза. Из березовых дощечек я его и стал строить. Собрал без клея, на одних шпонках, показал матушке, полюбовались мы, да и разобрал снова. Поставил в сарай до лучших времен, а потом, когда представилась возможность, вывез из деревни и вот дома собрал. Так получилось, что восемь лет простояли заготовки в сарае, и не только не испортилась древесина, но еще больше засияла. Смотрите — чистый перламутр!

Батюшкина речь успокоила Лиду. Она почувствовала к нему бесконечное доверие, как к родному. Отец Сергей говорил негромко, красивым баритоном. Длинные крепкие пальцы постоянно перебирали шерстяные четки. Светло-серые глаза смотрели мягко, обволакивающе. Во взгляде искрились ум, мужественное спокойствие и всепонимающая доброта мудреца. Вместе с тем в батюшке проскальзывала застенчивость, и это совершенно подкупало его собеседницу. Она представила его в костюме и подумала, что такой мужчина, наверное, ни одну женщину не оставил бы равнодушной. Но потом вдруг спохватилась и стыдливо отогнала эти мысли, до того неуместными и глупыми они ей показались. Загорелые щеки ее залились румянцем смущения.

Вдруг двери распахнулись — и в комнату влетели дети. Им, наверное, сказали, чтобы они не беспокоили гостей. Терпели, терпели они, но любопытство взяло свое и, набравшись решимости и пошалив для разминки в детской, гурьбой вкатились они в комнату взрослых.

— А вот и мои сорванцы, — улыбнулся отец, широко расставив длинные руки. — Да, долго же вы молчали, мышки-шалунишки!

Все четверо ребятишек от года до семи лет разом оказались в отцовских объятиях. Они еще громче закричали, засмеялись и вцепились в папу, озорно и с любопытством поглядывая на гостей. Поняв, что гости смирные и наказывать их вот так сразу не будут, они шквалом прокатились несколько раз по залу, потом рассредоточились.

Самый маленький озорник подбежал к Лиде и вдруг прижался к ее коленкам. Она подхватила его на руки — и вот уже прижимает к себе, чувствуя грудью частое биение его сердечка. Карапуз притих и вблизи, глаза в глаза, изучал незнакомку. «Это хорошо, что ты пришла!» — то ли мальчик сказал, то ли ей почудилось...

Но вот они и сели за стол. Батюшка мягким баритоном красиво пропел молитву, благословил еду крестным знамением, и они весело зазвенели немудреной посудой. Матушка приготовила грибные пельмени. Лида еще таких не пробовала. Отец Сергей рассказал, что грибы — их любимая еда. Собирают они их сами. А уж матушка научилась делать из них сотни разных яств.

Дети за столом притихли и вели себя почтено, по-видимому, уважение к этому действию у них воспитывалось с самого рождения. Лида ела необычные пельмени и получала от блюда не только удовольствие вкусовое, но и нечто пока ей неведомое.

Потом они пили чай из самовара. Электрического, с хохломской росписью. Матушка подала горячие плюшки, клубничное варенье. Дети шумно разбирали принесенные Лидой конфеты в разноцветной фольге. Лиде в стеклянную розетку положили немного чего-то ароматного и зеленоватого. Предложили попробовать и отгадать, что это. Лида продегустировала и призналась, что угадала вкус фейхоа. Сама при этом чувствовала себя пресыщенной обжорой. Матушка весело похвалила ее и рассказала, что недавно к ним приезжали друзья из Ялты и привезли эти протертые с сахаром тропические плоды из Никитского ботанического сада.

После чая матушка повела детей в их комнату, туда же отправился и Андрей. Из-за двери слышно было, как он читал им сказку. Лиду посадили в кресло, и батюшка стал спрашивать ее о семье и детях. Когда он узнал, что дочка у нее одна, то искренне удивился:

— Как же можно справиться с одним ребенком, ведь это же трудно. Когда детей много, то они сами себя и воспитывают, и развлекают, и доброте учатся.

— Не знаю, отец Сергей, так кажется, что заведешь двоих — и совсем погрузишься в проблемы. Потом время неустойчивое: сегодня ты имеешь деньги, а завтра ты можешь остаться без работы и денег. Сколько моих знакомых остались за бортом этой жизни, не вписались в новые условия.

— Эти все мысли, Лидочка, от лукавого. Если Господь дает детей, то дает и возможности их воспитания. А вот я знаю из своего опыта, что если в семье один ребенок, то с ним больше проблем, чем если бы их было десять. Ведь из таких несчастных одиноких детишек и вырастают эгоисты, деспоты и разбойники, — батюшка встал и подошел к иконам, перекрестился, прошептал молитву и снова обернулся к Лиде.

— Нам враг постоянно внушает, что это мы кормим, мы зарабатываем, мы вправе решать, сколько детей нам иметь. А ведь на самом деле совсем наоборот. Господь дает детей, Он же дает возможность нам их кормить. Я уж не говорю, что лишать ребенка права жизни — это прямое убийство. И нам за убийство отвечать придется по всей строгости. Ко мне на исповедь приходят женщины, и каждая вторая горько плачет об убийствах своих детей в утробе. Убиенные младенцы являются им во сне, плачут, взывают к совести, не дают покоя. Горе им, таким матерям! А все ведь начинается с мысли, что это она вправе решать — жить ребенку или не жить. Не имеем мы такого права... Ни один человек не имеет право брать на себя такой грех. Не дай Бог!

— Но, батюшка, сколько детей сейчас голодает, сколько читать приходится, что матери вместе с детьми бросаются с балконов, потому что не знают, чем их кормить! Зачем же плодить нищету? А сколько детей рождается калеками и больными, потому что родители живут в зонах экологического бедствия, питаются отравой, дышат дымом, облучаются радиацией.

— Да-да, все по грехам нашим, все так. Только я говорю сейчас не о расплате за грехи. Здесь мы уже вторгаемся в область нам неподвластную и таинственную. Я же предлагаю просто не грешить. Тогда и расплаты не будет. Я предлагаю вступать в брак по

любви. Венчаться — то есть получить благословение Господа на брак. Затем родить детей столько, сколько сможете. Учить их любви к Богу — это первое и самое главное; второе — любить ближних. Если по какой-то причине не хотите больше детей или не можете — благословитесь жить, как брат с сестрой, не разделяя ложе. Чтобы сохранить себя от похоти. Вот если так жить, то Господь поможет супругам и Сам устроит все.

Батюшка встал и предложил зайти к детям попрощаться. Лида увидела в детской две двухъярусные деревянные кровати и сразу узнала столярное искусство умелых рук отца Сергея. Игрушки аккуратно лежали в большой картонной коробке. Обои представляли собой обычные листы ватмана, разрисованные детскими рисунками и каракулями. Все вместе это выглядело очень мило. Дети, до этого смиренно слушавшие сказку, вскочили и заулыбались тете Лиде.

— Вы к нам еще придете?

— Мы же вам еще ничего не успели показать!

— А у меня кот Леопольд!

Самый маленький протянул к ней пухлые исцарапанные ручки и обнял ее шею. Волна горячей материнской нежности разлилась в груди Лиды.

— Ну конечно, я к вам приду. Теперь мы познакомились и станем друзьями. Я к вам и свою дочку приведу. А то ей одной скучно. Ну, спокойной ночи вам всем, — помахала она на прощание рукой.

Провожая гостей, батюшка обещал за них молиться. Лиде сказал, чтобы ничего теперь не боялась, Господь и Заступница ее спасут и охранят от всех напастей. Матушка просила заходить к ним в гости без приглашения, как к своим. «Мы всегда рады гостям. Конечно, шумновато у нас, но весело», — и засмеялась искренне и звонко.

Из гостей Андрей и Лида ехали вместе. Андрей рассказал о батюшке то, о чем он не мог сам сказать:

— Матушка не работает. Отец Сергей получает четыреста рублей.

— Да как же они вшестером на такие деньги живут? Я на неделю закупаю продуктов — трачу две тысячи.

— Живут, как видишь... и очень даже дружно. Дети здоровенькие, веселые, добрые, заботливые. Правда, их причащают с рождения каждое воскресенье. Это очень важно для детей верующих. Да еще им помогают прихожане, друзья, сами вот по грибы ездят постоянно. Я никогда от них не слышал жалоб на нехватку денег, еды или одежды. Все, что нужно, у них есть. Они довольны тем, что имеют. Они уверены, что имеют то, что им необходимо, а лишнего им не нужно.

— Да, если бы сама не увидела — не поверила, — задумчиво произнесла Лида и замолчала, глядя на дорогу. На ее лице затеплилась таинственная улыбка. Губы что-то неслышно шептали.

Андрей понял, что теперь у Иришки будет братик. А может быть, и не один.

Маша

Вечером Андрей снова засел за телефон. Владимир Иванович самодовольно сообщил ему, что он «уговорил» Мамеда отпустить Машу.

— Подключил тут кое-кого повыше тех, кого он кормит, с ним провели беседу, показали пухлую папку с его делом... Словом, в итоге Мамед отступился. Не хотел нормальных денег — не получил ничего. Так что есть экономия, давай девчонке квартиру купим.

— Да не надо, ей пока есть где жить.

— Андрей, с кем ты имеешь дело! Ну, ты меня прямо обижаешь. Я что, не знаю, где живет Маша с сыном, и на каких правах? Да это уже и Мамед знает. Тоже мне секрет. — Потом, не дождавшись бурной реакции от своего абонента, небрежно добавил: — И уж если честно, то я уже купил ей квартиру, в том же доме, где она сейчас... хм...

скрывается. Документы ей завтра в почтовый ящик бросят. Ты, кстати, в курсе, что к ее хозяйке Елене сын приехал с севера? Так у них с твоей Машей вроде как роман. Ты не ревнуешь?

— Спасет тебя Господь, Владимир Иванович. Хороший ты мужик. Правда.

— Ну вот, наконец-то дождался. Я, может, только ради этих слов все это и сотворил. А то мне все казалось, что ты меня уж и за человека не держишь. Ха-ха! Комплексы уже по всему телу пошли.

— Прости меня.

— Ладно... гм... обращайся, ежели что. Не откажу.

Андрей набрал номер Елены. Она подняла трубку сразу, будто ожидала звонка, и сразу выпалила:

— Ну, уж спасибо тебе, Андрюша, не знаю, как и благодарить тебя!

— Что такое? Говори толком.

— Да я в твоих ребятах уж и души не чаю. Такие они хорошие. Маша тут всю квартиру вычистила, аж блестит. Ты же знаешь, я тут по болезни все запустила. Такая работающая девочка, такая услужливая, добрая.

— Елена, что же ты про сына не говоришь?

— А ты откуда знаешь?

— Вот именно, приходится узнавать от других людей.

— Да, вернулся мой сыночек... Я уж не знаю, верить мне всему этому или сон какой! Мы с ним рассорились однажды, так он обиделся и уехал аж в Мурманск. Такая глупая была... Так вот вернулся он. Простил меня, грешную. Теперь все вместе дружно заживем. Утром сегодня проснулась и не верю, что сон кончился. Уж боюсь спугнуть свою радость. Слава Богу за все, слава Богу! — всхлипнула она.

— Ну, ладно тебе, успокойся. Ты мне не позволишь с Машей поговорить?

— Ох, прости меня, старую, расплакалась я от радости. Сейчас позову, они там в другой комнате.

— Андрюша, здравствуй, — услышал он испуганный голосок Маши.

— Все хорошо, Маш, не пугайся. Все устроилось. Больше Мамед вас не тронет. Ты свободна. Можешь выходить из дому, гулять, работать на лотке.

— Как, вот так, все... — растерялась она.

— Если бы все! Твой освободитель тебе еще квартиру какую-то купил. В том же доме. Да еще сказал, что ты себе суженого нашла. Как к нему Серега относится?

— А ты и это уже знаешь? — Маша говорила совсем тихо.

— Ладно, Машенька, ты пока перевари все это, успокойся, я перезвоню позже.

Андрей положил трубку. Его губы шептали благодарственную молитву: «Слава Тебе, Господи Иисусе Христе...» Потом она вырвалась наружу, и он все громче и громче проговаривал слова, как бриллианты сверкавшие в его возгоревшемся сердце: «Даруй мне отныне, Владыка, силу твердо творить волю Твою, во спасение души моей окаянной и во славу Твою, со Безначальным Твоим Отцем и Единосущным Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков! Аминь».

Это завершающее «аминь» прозвучало так, будто это сказал не он, а старец. Так он отвечал, когда в монастыре перед его дверью Андрей читал молитву на вхождение в маленькую келью. Старец смотрел сквозь разделяющее их пространство добрыми глазами и благословлял его на крестный путь в миру: «Иди и всюду твори волю Господню, сынок. И да будет с тобой благодать Божия и Его святой покров. Иди и ничего не бойся. Я же, грешный монах, буду мостить твой путь своей молитвой».

Телефонный звонок вернул его в действительность. Из трубки донесся до него возбужденный голос бригадира:

— Ты еще не знаешь? Икона у Егора просветилась, благоухает, и из ран Царственных мучеников кровь пульсирует. Началось это на крестном ходе, а сейчас продолжается. Можем съездить, прямо сейчас.

— А не поздно?

— Днем хозяин работает, затем делегации паломников принимает, а сейчас сам позвонил и пригласил.

Андрей позвонил брату и позвал его с собой. Тот поворчал, но любопытство одержало верх, и он согласился.

Встретились они с бригадиром под высокой аркой старого дома, позвонили в домофон и на лифте поднялись на пятый этаж. На лестничной площадке приятно пахло, будто только что здесь разлили духи. Когда Егор открыл дверь, и они вошли в прихожую, приятный запах усилился. Скинув обувь, они прошли в комнату. Здесь сидели двое гостей: седобородый священник в рясе, отец Алексей, и мужчина по имени Захар. Они тоже пришли недавно. На серванте, освещенная лампадой, стояла икона Царственных мучеников в простенькой деревянной рамке. Егор подошел к ней, бережно взял в руки, приложился к рамке и позвал гостей:

— Приложите пока. Чувствуете, какое благоухание!

Они по очереди: бригадир, Андрей и Юрий — перекрестились и губами, затем лбами приложились к нижнему углу иконы. Каждый после прикладывания кланялся и отходил в сторону. Икона снова вернулась на свое место.

Егор объяснил, что ему сделали копию Валаамской иконы на стареньком цветном ксероксе. Цвета еле различались, изображение было почти однотонным. На крестном ходе после прочтения акафиста Царственным мученикам цвета стали зримо ярче, появилось благоухание, и из тех мест ранений, куда попали пули и штыки убийц, сначала проступили красные пятна, а потом появились струйки крови, стекающие вниз. После крестного хода он принес икону домой, пригласил искусствоведа, и она ежедневно наблюдает за изменениями изображения и подробно описывает их.

Батюшка предложил отслужить акафисты Богородице и Царственным мученикам. Взял листы с акафистами и негромко запел. Огонек лампы вырос и затрепетал, ярче осветились и ожили лики мучеников.

Закончив молитвы, все подошли к иконе и почувствовали усиление благоухания. Едва заметные красноватые пятна заалели и пульсировали. И до того контрастные и яркие краски изображения засияли, особенно искрились золотистые нимбы вокруг голов, а камни на коронах засверкали своими гранями.

Отец Алексей, все время шептавший молитву, взволнованно произнес:

— Сам Господь их прославляет! Сейчас много икон по России стало мироточить. Под Пензой вон в одном храме сразу двадцать семь заплакали. Господь нас, грешных, в вере укрепляет. Это бывает перед большими испытаниями.

Андрей заметил, что чем ближе к иконе, тем сильнее сердцебиение, и сказал об этом. Все подтвердили, что у них то же самое ощущение. А Егор признался, что спать в этой комнате он не может, и долго находится прямо перед иконой опасается.

Егор защелкал фотоаппаратом. Потом раздал на память фотографии иконы, сделанные профессионалом при специальном рассеянном свете. Рассказал, что у одной женщины такая фотографическая икона во время чтения акафиста Царственным мученикам заблагоухала...

Отец Алексей поведал о своем монастыре, как он один приехал в это глухое место, нашел в селе старушку-богомолку, и они вдвоем ночью служили молебен на освящение храма. Вокруг них что-то выло и скрежетало, падали кирпичи и скрипело ржавое железо, над головами носились черные тени.

— Ох, и страшно было нам от всей этой бесовщины! — признался он и показал на свою бороду: — Поседел — это я тогда. В ту ночь. А наутро видим — из-под слоя

штукатурки и пыли проявилась фреска с ликом преподобного Серафима Саровского. И уж больше такого бесовского смятения не наблюдалось.

— Сколько же сейчас у вас братии? — спросил бригадир.

— Шестнадцать монахов и послушников. А сельских по сотне человек каждый день приходит. Помогают восстанавливать обитель. Сейчас-то у нас уже есть и где служить, и где жить. Трапезную восстановили. Есть свое хозяйство, поля, огороды. Местные власти тоже помогают, хотя им очень трудно сейчас: все предприятия стоят. Да вы приезжайте к нам, я вам адрес дам, встретим вас, поселим. Отдохнете, помолитесь. У нас купальня со святой водой есть, многие от болезней излечились.

Но снова вернулись они к той иконе, которая жила и чудотворила в этом скромном, но гостеприимном доме. Егор рассказал, что собрал уже более тридцати письменных свидетельств чудес, которые происходят с иконой и людьми, ей поклонявшимися. Есть излечения от рака, от порока сердца, гипертонии, курения, алкоголизма. Даже фотографии этой иконы после чтения акафиста Царским мученикам издают благоухание, и кровь на ранах пульсирует, как живая.

— Какие теперь могут быть сомнения по поводу святости Царской семьи? Вот оно — прославление.

Егор размашисто перекрестился.

— Это не просто прославление, я думаю, а нам всем указание, кто должен нами править, — негромко произнес отец Алексей. — Вот вы тут в столице не так это видите. И я не видел, пока жил здесь. А вот в глубинке народ уже давно живет в такой бедности и голоде... Забывают уж, как деньги выглядят. Натуральное хозяйство да подножный корм. Да разве Божий помазанник допустил бы такое открытое ограбление! Сам Господь указывает нам на Царя, ну что еще-то нам надо!

— А надо нам, отец игумен, царя на престол посадить, — подал свой трубный глас заросший буйными вьющимися волосами по самые глаза Захар.

— Вот вы и займитесь этим. — Отец Алексей встал и попрощался. — Так милости просим к нам в гости.

После ухода батюшки хозяин вызвался проводить гостей. Захар пригласил всех в небольшое кафе, вынул из своего потрепанного портфеля бутылку водки и блеснул на всех черными глазами:

— Ну что, православные, вздрогнем?

Братья с Бугром отказались, сославшись на позднее время и завтрашние дела, заказали себе по чашке чая. Тогда Захар наполнил себе стакан, Егору — рюмочку, они чокнулись, выпили.

— Я вот вам сейчас расскажу, как я за монархию борюсь.

— Погоди, Захар, — положил свою ладонь на его волосатую лапищу Егор, — я сначала тебя представлю. Захар — потомственный дворянин из фамилии Шестуновых. Семь лет отсидел за издание монархического журнала. Сейчас — журналист в православной газете.

Захар достал из портфеля стопку газет и раздал всем присутствующим, размашисто подписав их.

— Так вот, пока Егорка по своим канадам на «Бьюиках» разъезжал, отсидел я срок. Освободился в восемьдесят восьмом. Приезжаю, устраиваюсь в одну издательскую фирму, начинаем церковную литературу издавать. Тут меня стали зазывать на разные мероприятия. То на Международный библейский конгресс, то на Собор, то на «Мемориал». Я там везде в президиуме, конечно... Сейчас! — Он налил себе еще стакан водки, выпил и прикурил «беломорину». — Так, значит, зовут на заседание Дворянского собрания. Разговор зашел, сами понимаете, о политике. Смотрю, слушаю — одни демократы кругом! А я там в буфете до этого, конечно, размялся... И у меня с собой плоская фляжка с чистоганом тоже не скучала... Смотрю я на этот дэмос с кратосом,

слушаю их писклявые масонские речуги, как в феврале семнадцатого. Ну, в общем, опростал фляжку, встал я — и на трибуну.

Захар долил остатки из бутылки в стакан, одним глотком осушил его, снова задымил «беломориной», окутывая застолье клубами кислого едкого дыма. Шумно почесал заросли на голове, подбородке, груди; посопел, обдал окружение взглядом черных глазниц. Выдержал полную драматизма профессиональную паузу, дождался максимального томления публики и зычно продолжил:

— А в президиуме Илюха так и вжался в кресло. Микрофон я, сами понимаете, сыгнорировал: а на что он мне? Какие, говорю, вы дворяне! Двор — это окружение царское! Лица, приближенные к монарху! Вот вы тут обсуждаете, дворняжки, как лучше вам нынешним демократам услужить, чтобы, значит, особнячки свои возвернуть... А ведь ни один тутошний дворник о царе-батюшке и не заикнулся! Пока в этой вашей промасоненной дворницкой первым пунктом не будет прописано восстановление монархии, я как потомственный дворянин сюда ни ногой! Если здесь среди этого холуйского сборища есть хоть один дворянин — предлагаю покинуть зал! Я — в буфет. И что думаете? Со мной вышли только два человека. Но уж коренные! Ух, мы их буфетца по-экс-про-при-и-рвали!..

— Послушайте, князь, — мягко начал Бугор, — а вы, ваш сиятельство, не пробовали с сивухой завязать?

— Это еще зачем? — выпучил Захар глазница. — У нас «веселие Руси — в питии еси!»

— Ну, хотя бы для того, чтобы не позорить ни Православия, ни монархии... Своей причастностью...

— Он кто? — прогудел Захар, обращаясь к Егору.

— Я тот, кто потерял всех друзей в Афгане от пуль и осколков, а в России от — сивухи и денег.

— Он классный бригадир, профессионал, настоящий честный работяга, — пояснил Андрей.

— Ладно, Бугор, не бузи... — обмяк Захар.

— Ничего, ваш сиятельство, дослушаешь... — Бугор сжал свои грубо сколоченные мозолистые кулаки, лежащие на столе; захаровские розово-холеные пухлые ладошки нырнули под стол. — Нашим врагам только и надо, чтобы мы совесть свою и мозги загубили. По кабакам растеряли. Если ты болен алкоголизмом, то лечись, а с пьяной мордой в народе появляться и при этом представляться православным, монархистом, да еще и журналистом... приплетать сюда Святую Русь — это ты прекрати! В двух шагах отсюда икона Царственных мучеников кровоточит, а он тут опохмеляльню устроил с театром одного актера!

Бугор вытер лицо ладонью, глубоко вздохнул:

— Прости, Захар. Простите, братья. Погорячился я...

— Ты тоже меня прости, — отозвался Захар. — Дай телефон, поговорим спокойно.

Живые и мертвые

Утром Андрей решил произвести уборку. В голове крутились фраза из нарядов, которые он ежемесячно писал будучи прорабом на стройке: «Уборка бытового помещения с мытьем полов, кипячением чая и подносковой воды — по тарифной ставке первого разряда».

Он поставил на магнитофон кассету с записью Девятой симфонии Бетховена и включил погромче. Эта мощная деятельная музыка бодрила и помогала ему работать энергично и весело.

Раньше эта обязательная нудная работа злила его, он с трудом сдерживал свое мужское раздражение. Но как-то прочел о том, что молодых монахов заставляют носить камни, складывать из них стены, чтобы завтра эти стены разбирать. Бессмысленная работа смиряла страсти, гасила похоть и уныние, расщепляла гордыню. Вот с некоторых пор и он научился находить в неприятной работе даже удовольствие. Особенно хорошо любоваться наведенным порядком и чистотой.

Уборку он завершил взопревшим и веселым. Окатил себя под душем холодной струей и сел завтракать.

Сегодня он встречает гостя. Из Новосибирска приезжает профессор Курганов. Этот ни при каких обстоятельствах не унывающий господин отличался от окружающих философским спокойствием и рассудительностью. Он не появлялся в Москве лет пять. Интересно, каким он стал?

Из традиционно пыльного вагона, из облака едкого торфяного дымка на платформу вышли индусы в чалмах, челночники с объемными сумками. А вот и сутуловатая спина профессора. Сам он рассыпался в благодарностях юной проводнице. Увы, ни прежнего лоска и белоснежной сорочки, ни прежней пружинистой походки. Мешковатый костюм с пузырями на коленях, пестренькая ковбойка с мятым воротником. Под глазами висели темные мешки, лысина уже добралась до макушки — но все та же снисходительная улыбка и безмятежный взор смешливых пронзительных глаз.

— Ну, здорово, боярин, — заокал приезжий, троекратно лобызая Андрея. — Что, лимузин далече ли?

— Да нет, совсем рядом. Под землей.

— Устрицы и шампанское мерзнут во льдах?

— Ага, а куриные коленки мокнут в гранатовом соку.

— Тогда подхвати чемоданчик — не гоже именитым, славой осиянным багажом отягощаться.

— Всегда готов услужить, мэтр.

— Это освежает... Ну что, блудница первоприкольная, не ожидала?.. — обратился он в истыканное шпилями высоток пространство.

Дома профессор с ходу отправился в отдраенную ванную, а Андрей жарил куриные окорочка и резал салат. Когда на столе в комнате выстроилась обеденная композиция, вошел профессор в махровом халате со стаканом кваса в руке.

— Что-то у тебя все так изменилось... А где твоя женушка?

— У себя дома.

— Та-ак! Свободен, значит? Помнишь у Шукшина в «Третьих петухах»: Змей Горыныч жалуется Ивану, что ему пришлось всех родственников подчистую сожрать. Иван пожалел его. Что, спрашивает, сирота, значит? А Змей ему: ага, кру-у-угля! Так у вас кто кого съел?

— Разошлись мы духовными разногласиями.

— Эт-то чего, вот из-за этого? — Курганов эффектно сжестикулировал в сторону икон. — Что же она, глупая, не поняла, что это временный заскок? Ну, пошалит мальчик и вернется в лоно, так сказать.

— Вот поняла, что не заскок и не временный.

— Та-ак. Это мы сейчас мигом развеем. Нам не впервой.

— Не стоит об этом, мэтр...

— Это что же — не мечи бисера пороссятам? Или думаешь, что я их могу чем обидеть? — снова эффектный жест по дуге в сторону икон.

— Им ты ничего плохого не сделаешь, даже если захочешь, потому что Бог поругаем не бывает, а вот себе навредить можешь.

— Да ладно тебе!.. Сколь ужо в эти доски и стреляли, и жгли их, а обидчики живут себе и детишек по парижам учиться рассылают. Знаешь, дети всех генсеков по загранкам рассыпались. Нынешние тоже эту эстафету приняли на грудь и несут...

— Ты своих еще не отправил?

— Может, и отправил бы, да на что? Может, и сам бы отправился, да секретка такая, что в Москву вашу месяцами отпрашиваешься. И не платят, но и не отпускают, держиморды.

— Слышал, старший от первой жены — в Лос-Анжелесе?

— Да, звонит нынче каждую неделю, по полчаса хорохорится. И что характерно! Я профессор с мировым именем... ну, ладно, не с мировым, но уж евразийно-азиатским уж точно! Я с таким вот самым именем и заслугами перед отчизной позвонить ему не могу — дорого! А этот студентка, коих у меня, как вошек, болтает себе, пока не охрипнет. Первый отдел каждый день мне мешок писем вскрытых приносит от коллег со всех континентов, а хоть в Чехию на воды, печенку помыть, — нельзя!

Курганов с куском курицы на вилке и стаканом кваса в воздетых к потолку ручках возмущенно мотал громадной головищей. Остатки реденьких волос встали дыбом, по подбородку стекал соус, но обрамленные валиками острые глазки его говорили, что хозяин их всего-то шутит, развлекается он, потому как настроение у него сейчас мажорное.

— Снял я с себя часов поболее и стал халтурить... квасок у тебя знатной, с хреном и гранатом — это ты от души... И стал я очистные сооружения совершенствовать. Смотрю, метан там никак не используют. Просчитал, начертил. Экономия — жуть сказать на сколько. А ежели по Расее! Во... отпросился в первопрестольную пробить эту идейку через беленький домик. Завтра там презентацию устрою, чтоб они все здоровы были! Получится ежели — себе иномарку прикуплю, бабе своей шелка цельный отрез возьму... С американщиной закажу разговорчик минут на семь-восемь! Конвертов заграничных куплю, чтоб светилам всем ответить, наконец. Да вот костюмчик новый справлю, в этом уже четыре года безвылазно.

— А половина твоя как? Все метрдотелем в ресторане?

— Нет... какой ресторан! На дому пельмени лепит и развозит по точкам. Если бы не дальняя дорога, она бы точно мне полчемодала своей лепнины насовала. Вкусные они у нее получаются! Молодец она у меня, баба-то... Старшую принял под свое крыло, пусть под надзором пока побудет. Младший тянет на пятерки, тоже к себе возьму. Ты тут своей бандеролькой с письмищем бестолковым совсем бабу мою совратил, охальник! Как она прочла книжечку про русский Иерусалим, так и загорелась: вези ее на Гроб Господень Благодатный огонь смотреть. Уж и дензнаков поднакопила. А я как подумаю, что эта поездка стоит, как подержанный «москвичок» у нас, так и возмущаться. Ты в следующий раз послания свои на мое имя шли для перлюстрации.

Профессор встал, прошелся по комнате, снова взглянул на книги и иконы.

— Не будем, профессор... хорошо? — предложил Андрей.

— Будем, — буркнуло светило. — Ты думаешь, я позволю тебе сесть на иглу с опиумом для народа? Будем!..

Повернулся он к Андрею, и глазки его сверкнули холодным блеском.

— Я тут Бунича читал, как пятьсот лет власть России воевала с народом. А что может быть проще, чем воевать с народом, на коленях перед иконами стоящим? Смирненно плетушимся хоть на поле хлебное, хоть на поле брани? Это вот там, под телявивами, придумали, чтоб народом проще управлять было, а ты! Неглупый парень, а туда же! Нет никакой религии, нет идеологии, нет ничего, кроме экономики. Деньги правят миром! Желтый металл, а не идеи. И все остальное — производные... с дифференциалами.

— Деньги правят миром. Ты прав, мэтр, — Андрей улыбнулся и включил электрочайник.

— Ты меня за глупышку-то не держи! Излагай! Парируй!

— Фу, профессор... И куда только невозмутимость ясного ума подевалась? Что за штурм крепости при открытых воротах? Входите — милости просим. Вам с медом или с конфетами?

Курганов покрутил головой, пригладил волосы, улыбнулся на мировую.

— Ладно, боярин, прости... Старею чего-то. Покрепче лей, по-запашистей, понаваристей. Чтоб сосуды встрепенулись. Ох! Дух какой томный! Аглицкий, говоришь... Умеют консерваторы, умеют марку тянуть.

Андрей подошел к книжным рядам и вынул три книги.

— Если хочешь, профессор, вот эти книжки пролистай, потом поговорим. Мне отойти на пару часов надо.

— «Библия и наука» — хорошее соседство! Так, «Библия опередила науку на тысячу лет» — свежо предание, как говорится; «Неоспоримые свидетельства», — со вздохом прочел профессор названия и небрежно отложил. — Занятно. Пробегусь, отчего же. Ключи мне оставь, может, я тоже гулять придумаю.

Андрей вышел из дома и пошел мимо торговых рядов рынка. Глаза, глазищи и глазки смотрели на него. Просяще, настороженно, нагло, заискивающе — это пелена такая на глазах. А под этой пеленой — холодный блеск.

Он вспомнил, как еще в детстве читал что-то фантастическое, автора уж не помнил, да и не важно, чьими руками написано, главное — как и что. Там прибыл на Марс астронавт спасать тамошнюю колонию от заразы какой-то марсианской. Обнаружил он, что болезнь эта неизлечимая распознается по глазам. В них появляется красный блеск, глаза мертвеют, а с ними умирают и люди. Идет он по колонии, видит, что в глазах буквально всех колонистов этот красный блеск, приходит в свой дом и рассказывает о своих наблюдениях возлюбленной. И вдруг видит, что и у нее — эти самые... красные глаза.

Андрей проходил вдоль торговых рядов. Сейчас вся страна превращается в торговые ряды. И в этих торговых глазах — стальной холодный блеск.

Но вот он подошел к церкви, перекрестился, отогнав мирскую суетность. Вошел в дом Христов, снова поискал глаза людей. Почти все они опущены, хозяева их погружены в то Царствие Небесное, которое «внутри вас есть». Некоторые глаза он все же увидел: люди обходили подсвечники и зажигали жертвенные свечи перед святыми образами, пока не началась служба. Слава Богу, в этих глазах теплился огонь, а не холод. Нет, Россия, не вся ты пошла на продажу. Не весь твой народ охладел глазами и душой.

Встал Андрей перед образом Николая Чудотворца. От свечей ощутимо исходило светлое, слегка трепетное тепло. Строгий взгляд святого прожег наслоения суетных страстей и гаденьких обид, нашлепки похотливой грязи и застывшие базальтовые наплывы первородной гордыни. Вторгся прямо вглубь души, вторгся на правах любимого и горячо званного гостя. Попалил заметавшиеся было сомнения и снова своим огнем восстановил небесный смиренный покой. Мерцание свечей на время замерло, остановилось и само время. Чудо вошло, незримое и личное, чудо вхождения «внутри вас» небесного лучика, тончайшей струинки того океана огня, суть которого — любовь.

«Господи Иисусе Христе, напиши мя раба Твоего в книзе животней и даруй ми конец благий,» — всплыло на поверхность сознания из молитвы Иоанна Златоуста. «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. ...Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни...» — снова прозвучало в голове, уже из Апокалипсиса.

«Живые и мертвые — неужто здесь имеется какая-то роковая заданность? Да нет! Всех одинаково любит Господь, ведь сказано же: «напиши меня в книге жизни» — значит, и пишется, и вычеркивается... Нет и не может быть у Бога несправедливости. «Много званых..., се стою и стучу...» Стоит Отец и ждет Своего блудного сына. И дело за сыном: со свиньями кушать и валяться — или к Отцу вернуться. Избраннику Своему Он дает талант, но и спрос не по нашей слабости. Вот Серафим Саровский явным избранником был, но ведь однажды потерял он благодать и тысячу дней и ночей в молитве простоял на камне, аж коленями на камне ложбинки протер. А разбойнику, распятому со Спасителем, достаточно было только признать Его Господом и просить помянуть в Царствии Своем — и вот: «ныне же будешь со Мной в раю».

От напряжения Андрей почувствовал усталость. Оглянулся и присел на лавку. Рядом сидели мать с сыном. Мальчик лет десяти производил впечатление больного: руки скрючены, взгляд блуждает, бессмысленная улыбка растягивает полные мокрые губы, обнажая редкие неровные зубы. Одним неосторожным движением он задел Андрея. Мать, зорко наблюдавшая за поведением сына, одернула его:

— Пашенька, осторожней ручками-то...

— Ничего страшного, — успокоил ее Андрей и обратился к мальчику: — Паша, тебе здесь нравится?

— Нра-вится... Здесь хо-ро-шо, — растягивая слова и запинаясь, произнес он.

— Пашенька у нас не просто больной, он блаженненький, — пояснила мать. — Он Божий человечек.

— Бо-жий... — подтвердил мальчик.

— Пашенька ангелов видит, — ласково погладив мальчика по плечу, сказала она.

— А какие они, Паша? — заинтересовался Андрей.

— Красивые. Светлые.

— А сейчас они здесь?

— Вон там, — показал мальчик пальцем в сторону иконостаса. Затем проехал взглядом по лицу Андрея и спросил удивленно: — А ты что, не видишь?

— Нет, Паша, мне не дано.

— Жа-а-аль. Они красивые. Как солныш-ко. Они... ласковые.

— Скажи, а Иисуса Христа ты видел?

— Да. Видел. Когда людей много было. И батюшек много. В золотой короне Он. А рядом свя-тые и ан-гелы летели с не-ба. Отту-у-уда, — он показал пальцем поверх иконостаса.

Андрей почувствовал, как по спине покатилась струя пота. Он провел ладонью по влажному лбу. Ему хотелось задать самый важный вопрос:

— Скажи, Пашенька, ты с ними разговариваешь?

— За-чем? — удивленно пожал он плечами. — И так все... ясно.

— А что ясно? — Андрей весь напрягся.

— Люби-ить надо, — еще шире улыбнулся мальчик. — Любить... Боженку... и всех...

Домой Андрей вернулся поздним вечером. Профессор читал книги, ворчал и пыхтел. Какая-то внутренняя борьба целиком захватила его. «Ты чего так долго?» — проворчал он, но слушать ответа не стал.

Андрей лег на кровать, взял тоненькую книжицу «Афон» Б. К. Зайцева и тоже погрузился в интересное чтение:

«— Пустынножизнь трудна, — говорил отец В., — ох, трудна! Жутко одному в лесу, и передать нельзя, как жутко.

— Страхования, — сказал отец Петр.

— Вот именно, что страхования. И уныние. Он, враг-то, тут и напускается.

О. В. сложил на груди крестом руки под седеющей бородой, и в его нервных, тонких глазах затрепетало крыло испуга — точно «враг» стоял уж тут же вот — у нас за плечами.

— Недаром говорится: уныние, встретив одинокого инока, радуется... То есть тому радуется, что может им завладеть.

Мы шли молча, ошмурыгивая мхи и горные травы, в чаще дикого, никем не тревожимого леса. Справа тусклым зеркалом вдруг засеребрилось море.

— Один мой друг, — сказал отец В. тихим, несколько трепетным голосом, — сам раз в юности испытал это, в этой же самой местности, на Новой Фиваиде. Был у него знакомый пустынный, и ему пришлось отлучиться из каливы на несколько дней по делам.

А тот, молоденький-то, и говорит ему: «Дозволь, отец, пока тебя не будет, в твоей каливочке поспасаться, перед Господом в тишине и смирении потрудиться». Ну что ж, мол, пожалуй—ста. Этот молодой монашек к нему в каливу и забрался, горячая голова, дескать, и я в пустыньники собираюсь... Но только наступил вечер, стало ему жутко. Он и Псалтирь, и Иисусову молитву творит, а, представьте себе, тоска и ужас у него растут.

О. Петр ловко перепрыгнул через поваленное дерево:

— Враг-то ведь знает, с какого боку к нашему брату подойти...

— Он, враг, все знает... — отец В. убежденно, не без ужаса, махнул рукой, точно отбиваясь. — Ну, вот-с, что дальше, то больше, и вы представьте себе, ночью и воем, и в окна стучит, и вокруг каливки вражий полк копытами настукивает — то этот монашек в таком льду оказался, батюшки мои, едва только светать стало, да с молитвой, да подобрав рясу, рысью из этих из одиноких мест назад в скит ахнул. Нет, куда же! Тут большая сила и подготовка нужна...»

— Ты там еще не заснул? — раздался скрипучий голос профессора. — Поделиться требуется.

— А может, лучше, когда устоится?

— Нет, тут по горячему следу надо. Прочел все три. Интересное впечатление получается! Пока читаешь, невольно соглашаешься с каждым словом. Оно, конечно, труды серьезные, привлечено множество научного материала, профессионально систематизировано, выводы делаются не с кондачка, но по делу. Но вот прочитал одну — бац! — а в голове отрезвляющая мысль: «Ерунда все это, не может быть, наверняка ловкая подтасовка фактов или вранье!» Читаешь следующую — ну, просто блеск! Это когда читаешь. Закрыв последнюю страницу — то же самое, отрезвление. Ох, опиум! Ох, отравы! Ваши комментарии, оппонент!

— Совесть твоя говорит: «Верь!», гордыня твоя не пускает правду внутрь души. Видишь ли, Тертуллиан сказал, что душа каждого человека — христианка по своей сути и происхождению. Христианин живет в каждом человеке. Но вот пробиться к этой истинной сути мешает заслон гордыни. Я ведь тоже плутал по разным путям. И философией увлекался, и историей, и у Рерихов отметился, и в буддизме правду искал. Пока не стал исследовать смирение. И вот эту твою идею емельяновскую разделял насчет того, что смирение — оружие врагов для порабощения народов.

— Ну да. А что, скажешь, не так?

— Конечно, нет. Мне это открывалось постепенно. То в «Сталкере» Тарковского услышал: «Сила немощна, а слабость могущественна». Я тогда увлекался разными парадоксами... Потом в учебнике по айкидо прочел, что наивысшая ступень овладения этим искусством — это предотвращение агрессии со стороны противника на стадии ее зарождения, то есть гармонизация отношений. И снова шло сравнение твердого трупа с мягким, немощным, но потому и живучим ростком молодого тростника.

Заметь, все это происходило одно за другим в короткий отрезок времени, будто меня чья-то заботливая рука вела путем познания истины. Вела, потому что я сам этой истины жаждал. Потом у Лазарева — вот уж не знаешь, откуда помощь придет! — прочел, что смирение — наивысшая степень защиты от колдовских и прочих агрессивных воздействий. Следом прочел в Библии: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12, 9).

И вот тут, словно прозрение наступило. Понял, что меня отвращало в эзотерике и буддизме, — гордыня там везде, а смирения нет. Они хоть и признают Иисуса Христа за великого учителя, но самого главного не принимают: Его Божественного Сыновнего смирения.

Вот тогда, как озарение, пришло: что же я ищу истину где-то там... непонятно где? Ведь все, что мне нужно — абсолютно все! — есть в нашем родном Православии. И пришло все это после уяснения вот этих антиподов: сатанинская гордыня — и

Божественное смирение. Ну, а потом заглянул я свежим глазом в свою душеньку, а там!.. Одни грехи, одна сплошная гордыня...

Сейчас и у тебя, профессор, дилемма: принять или отречься. Душа-христианка вопит: «Верь!», гордыня бесовская внушает: «Ложь это, подтасовка!» Как вор на базаре громче всех вопит: «Держи вора!», так и отец лжи всем внушает, что истина — это ложь.

— Андрюх! Ну, прекрати. Я человек скептический, что ты мне всякую мистику втохиваешь, — заговорил профессор, будто наставительно урезонивая расшалившегося студента. — Знаешь, на мой стол много разных идей кладут. Некоторые все еще вечный двигатель изобретают. Если бы я все принимал на веру, не сопоставлял с научными данными... Знаешь, сколько таких параноиков через меня проходит!

Профессорские глаза холодно полоснули по лицу собеседника.

«Мертвые оживут — не поверят, — пронеслось в голове Андрея. — Бесполезно. Как сказал Оптинский старец Амвросий о Льве Толстом: «Гордыня! Никогда не придет он ко Христу!»»

— Док! Ты должен знать, док! Ты просто это положи на полку своего мозгового архива: что бы ты ни говорил, что бы ни сопоставлял, я тебя люблю. Как старшего брата люблю. Вот так.

— Эт-та освежает! — тоном победителя эффектно завершил поединок профессор.

Женщины

Субботний вечер. Андрей прочел покаянный канон и готовится к воскресной исповеди. Читает проповеди старца Иоанна Крестьянкина. Звонит телефон.

Ухо знакомо согрел приятный голос. Этот голос часто всплывал на зыбкую поверхность активного дневного сознания из бездонных глубин памяти. Андрей любил этот грудной мягкий тембр, волнующие женственные интонации и неожиданные вкрапления совершенно девичьих ноток. Андрей любил и источник этого голоса, свою бывшую жену. Впрочем, почему бывшую? Разве серенький оттиск на одной из страниц паспорта меняет что-либо перед Объединителем судеб людских? Обиды на Лену и воспоминания о ее ревности постепенно стерлись. На той самой активной поверхности памяти осталось только светлое и радостное, что было в их совместной жизни. Она сейчас заговорит по-новому...

— Ну что, муженек мой бывший, говорят, ты там совсем даже не монашествуешь. Ни одной юбки мимо не пропускаешь.

«Нет, не будет ничего нового. И если ты стер из памяти плохое, то сейчас тебе все восстановят».

— Это обязательно — мне отвечать на эти вопросы? Ведь если я, как ты говоришь, бывший, то не все ли тебе равно?

— Противно просто, Ильин, что ты постоянно лгал... Что своими молитвами юродивыми да церквями прикрывал обычный разврат! Врун и бабник!

— И ты не более, и тебе всяческих благ и успехов.

Андрей положил трубку. Разговаривать в этом ключе бессмысленно, только во вред.

«Прости ей, Господи! Не вмени ей во грех обиду на меня, в ее грехах повинного. Прости меня, Господи, не умеющего порядок навести в собственном доме».

Теперь снова нужно читать канон, снова все восстанавливать.

Опять звонок! Он со вздохом гасит в себе раздражение и поднимает трубку. Веселый голосок Алены выводит его из покаянного состояния.

— При-и-и-вет. Мне очень приятно, что ты решил все-таки поднять трубку. Я тебя не отвлекаю?

— В свою очередь, позволь мне выразить искреннюю радость по поводу твоего хорошего настроения, — скоморошничал Андрей, чувствуя растущую тревогу.

— Могу я пригласить тебя к себе в гости? Я совсем одна... — жалобно протянула она.

— У меня другое предложение. Гораздо лучше. Ты сегодня ляжешь спать пораньше, а завтра мы с тобой встретим праздник воскресения в храме. Как туда добраться, я объясню. И я обещаю тебе настоящий праздник, когда душа твоя будет сверкать и петь.

— Ты серьезно? — растерянно шепнула она.

— Конечно. Там хорошо, там очень хорошо! Правда! Во время воскресной литургии Сам Господь со Своими святыми и ангелами спускается в храм. У тебя тонкая душа, поэтому ты сможешь это почувствовать. А сейчас возьми два листочка бумаги и напиши имена в родительном падеже о здравии и о упокоении. Эти имена будут читаться в алтаре, и каждое имя дойдет до Господа. И ты будешь присутствовать при этом Таинстве. А после службы мы отметим праздник, пообедаем где-нибудь, поговорим, погуляем в парке. Как тебе все это?

— Ладно, я постараюсь. Хотя в воскресенье утром рано вставать — это непривычно.

— Ну, ради праздника?..

— Хорошо. Я приду. Давай адрес.

Утром прождал он Алену полчаса, но она так и не пришла. Позвонил ей домой, но к телефону никто не подходил. Тогда он вошел в храм и встал в очередь исповедников.

Отец Сергей сегодня излучал мягкую доброту. Женщины, особенно они, подолгу говорили с ним, советуясь. Исповедь растянулась на полтора часа. Андрея батюшка расцеловал, выслушал его хартию и спросил, не гнетет ли его что-нибудь. Андрей рассказал об Алене. Пожаловался, что со времени их знакомства он постоянно чувствует блудное возмущение в душе. Отец Сергей посоветовал заказать молебен Марии Египетской, читать по главе Евангелия и поститься неделю. А в следующее воскресенье причаститься.

— И еще одно, батюшка, меня беспокоит... Люди ко мне обращаются с вопросами. Те, кто у входа в храм стоит и не решается войти. Мне постоянно приходится поучать, а у меня у самого опыта духовного на грош.

— Ничего-ничего. Это очень хорошо, что обращаются. Сейчас каждый православный — и священник, и миссионер. Помнишь, преподобный Серафим Саровский в разговоре с Мотовиловым сказал, чтобы он творил милость Божью, явно ему оказанную, чтобы не уподоблялся лукавому и ленивому рабу, который закопал свой талант в землю. «Жатвы бо много, — говорит Господь, — делателей же мало». Вот и пожинай, если тебе такой талант от Бога дарован, безо всяких сомнений работай на ниве этой.

— Да вот, боюсь, батюшка, как бы гордыни не нахвататься.

— Ну, этого в любом деле опасаться надобно. Только чего же нам бояться, когда с нами Бог?

Сегодня отец Сергей был особенно добр и мягок, улыбка, немного усталая, не сходила с губ. Глаза изливали кротость и любовь.

Он как-то по-родственному благословил Андрея, поцеловал его в плечо и вдруг тихо произнес: «Прости и ты меня, грешного».

А потом, опустив в смущении глаза, вынул из кармана подрясника черные шерстяные четки с крестом и протянул Андрею: «Тебе, в подарок...»

Служба закончилась, молодой батюшка уже отслужил молебен у иконы Марии Египетской, в крестильной готовились к крещению младенца. Андрей присел на скамью и отдыхал, наслаждаясь тишиной и покоем. Вот прошла знакомая ему мама с «блаженненьким» мальчиком и встала в толпе родственников у распахнутой двери крестильной.

Раньше эта дверь никогда не открывалась во время Таинства, но сейчас многочисленные гости напросились присутствовать, некоторые впервые, и священник им не запрещал. После пропетого глубоким баритоном отцом Борисом «Верую!..» вдруг послышался звонкий голосок блажененького Паши: «Видите! Вот он по лучику спускается». Толпа возмущенно обернулась на больного, некоторые зашикали. А Паша снова: «Ангел сошел с небес, вот он, видите?» И показывал пальцем скрюченной руки повыше крестильной чаши. Гости снова зашикали на него, но не все. Одна дамочка аристократической наружности в голубом газовом платке наклонилась к нему и заговорила шепотом, потом вдруг поцеловала скрюченную руку, вытерла платочком глаза и сунула его матери несколько крупных купюр. Та с поклоном приняла деньги и записала на бумажку несколько имен, названных дамой.

Выйдя из храма, Андрей снова позвонил Алене. И снова длинные тягучие гудки были ему ответом.

По дороге домой Андрей ощутил странную противоречивость в душе: к праздничному умиротворению подмешивалась чужеродная грусть. Как часто они идут парой. Он вспомнил, что среди прихожан видел Любу и с трудом узнал ее.

...Больше года назад его знакомый попросил помочь одной женщине купить в надежной фирме стройматериалы с доставкой. Андрей помог ей, и так завязалось их знакомство. Эта хрупкая женщина взвалила на себя непомерную ношу: она организовала сестричество, издавала книги, продавала их по епархиям, сама писала стихи духовного содержания. На заработанные деньги она приобретала стройматериалы для реставрации двух храмов. Кроме того, она без мужа, воспитывала двух сыновей, которые вступили в опасный подростковый возраст.

Мальчики свободное время проводили за компьютером, играя в красочные озвученные игры. «Пусть осваивают современную технику, — говорила Люба, — только чтобы на глазах были и по улицам не болтались!» По условиям этих компьютерных игр нужно было убить, взорвать, раздавить как можно больше врагов, что сыновья и делали с увлечением. Когда их отрывали от игры, они продолжали убивать, взрывать всех окружающих. Пока только мысленно. В церковь они тоже иногда ходили, но и там находили себе собеседников, с которыми живо обсуждали новые игры, возможности компьютеров.

Их речь насыщалась компьютерным сленгом, в глазах появлялось презрение к тем, кто не входил в их виртуальный круг. Как-то Люба показывала гостям старые фотографии, где они с сыновьями вместе работают на даче, купаются в реке, собирают грибы. Вот они идут в первый класс, вот впервые исповедуются, вот побеждают на олимпиаде... На всех фотографиях сыновья дурачились, улыбались, радовались жизни — словом, нормальные живые дети. После того как фотографии в альбомах вернулись на полку, гости еще раз посмотрели на мальчишек, убивающих врагов на виртуальных просторах, окликнули их, чтобы пошутить, но наткнулись на взгляды, полные ненависти.

Жили они втроем в маленькой двухкомнатной квартирке. Однажды после праздничной службы Люба предложила Андрею зайти к ней на трапезу. Сказала, что у нее соберутся сотрудницы, и будет интересно: это же настоящая тусовка! Когда они вошли в дом, там уже накрывали на стол две женщины. Гости собрались, сели за стол, и одна пожилая женщина по имени Валентина рассказала, как она паломничала на Украину по святым местам.

Перед отъездом она заказала молебен своему небесному покровителю Иоасафу Белгородскому, которому молятся для излечения от болезней сердца. Поехала она с друзьями на стареньком «Москвиче». Везде, в самых различных местах и ситуациях, она получала от своего святого неожиданную помощь. В любом месте, где бы ни останавливались: в монастырях, в домах священников или мирян, — они обнаруживали

иконы с его изображением. Валентина поехала с целью отыскать могилу бабушки, везла с собой большой деревянный крест.

В городке, где бабушка похоронена, никаких документов за давностью лет и после трех войн не сохранилось. Тогда Валентина снова помолилась в городском храме перед иконой святителя Иоасафа — и первая старушка, которая вошла в храм, рассказала, где ее бабушка похоронена: они когда-то давно были знакомы. Также чудом уже после закрытия Киево-Печерской лавры для посетителей Валентина не только смогла туда войти, но была проведена в пещеры для поклонения мощам святых: один монах сжалился над плачущей старушкой. Там, в лавре, у старца она получила благословение на восстановление разрушенного храма, в котором служил дедушка Валентины. И вот больная пенсионерка с мизерной пенсией строит храм. Нашлись и люди добрые, и средства, и силы.

Правда, этот праздник подпортила Люба. Она подвела Андрея к Валентине и похвастала: «Вот какого я вам неопитика привела». — Потом повернулась к Андрею: «Поцелуй Валентину в щечку, она у нас хорошая!» Он чувствовал себя собачкой на выставке.

Люба после выпитого вина разошлась: читала стихи, сначала духовные, а потом и совсем другие, где кто-то к кому-то прижимался и «палил огнем горячей плоти». Когда сестры-сотрудницы пытались ее утихомирить, она стала развивать теорию, что главное в духовной жизни — это не впасть в уныние, а быть всегда веселым; не отвергать жизнь мирскую, а преображать ее; не умертвлять в себе плотское, а жить в гармонии с естеством. Гармоническое преображение ей виделось только в сфере любви, в современном смысле этого емкого слова.

Поздно вечером Люба провожала Андрея на автобус. Стояла тихая звездная ночь. Только Люба нарушала тишину громкими возгласами: «Ах, какая красота! Ах, какое небо! Посмотри, посмотри на эту огромную луну!» На остановке в обнимку сидели юные парочки, пили вино из бутылки и целовались, вероятно, и в них луна возбуждала страсти. Андрей вспомнил, как его знакомый психиатр как-то рассказал ему, что в полнолуние у шизофреников наблюдаются обострения. Люба, полузакрыв глаза, прижалась к Андрею и положила голову к нему на грудь. Он вежливо отстранился и спросил, не перепутала ли она его с кем-нибудь другим. На что она, так же томно улыбаясь, ответила: «Ну, что я могу с собой поделать, если я такая ласковая?» Андрей хотел ее спросить, почему же он не наблюдал ее ласковости по отношению к детям, на которых она только визгливо покрикивала, но смолчал. Автобус все не появлялся. Люба рассказывала о знакомом актере, который «смеха ради» ездит на машине в рясе священника, «мудро» совмещая духовное с мирским. Когда все это Андрею порядком надоело, он остановил такси и уехал.

Каждый вечер Люба ему звонила и долго рассуждала о любви, цитировала Ричарда Баха — «американского Экзюпери». Пыталась наставлять Андрея, цитируя святых отцов, и по-своему, весьма вольно, их толковала. По ее теории получалось, что свободная любовь, ежедневное употребление коньяка и даже травки, если чуть-чуть и для вдохновения, — это вполне допустимо; что кушать можно, что хочешь, пост не обязателен. Чаще всего она приводила слова царя Соломона: «Утешайся женою юности своей... любовью ея услаждайся постоянно».

Доводы Андрея, цитаты из Писания и из святых отцов до нее не доходили — слушать она умела только себя. Тогда Андрей попросил ее больше не звонить, на что она стала цитировать уже настоящего Экзюпери, вернее его Лиса, который сказал, что они в ответе за тех, кого они — лисы, наверное, — приручили.

Андрей не первый раз слышал от женщин (всегда только от женщин) эти слова, поэтому открыл «Маленького принца» и разыскал место, где появляется Лис. Заинтересовало Андрея то, как объясняет Лис, что такое приручить: это значит создать узы. Почему же женщины так любят связывать узамы (цепями, веревками, законами, обязательствами) мужчин? Почему один из расхожих приемов обуздания — это

совращение мужчины с последующим цитированием Лиса, а если не удастся эта уловка, то и милицию подключат, и родственников, и про совесть говорить станут. Не так ли и Ева — первая создала узы греха?

Андрей решил выяснить этот вопрос у отца Сергия. Ответ был таким: «Горше смерти женщина, сынок, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею. Так сказал Соломон. Все мы грешные, потому уловляемся женщинами. Будь с ними осторожен. А лучше держись подальше.

Помни, если женщина не видит в мужчине господина, если пытается его поучать, командовать им, значит, через нее действует враг-искуситель. А из всех уз принимай только Крест Господень. Это всегда первое и главное. Только через любовь к Богу можно любить человек. А без этого — страшно. Не становись рабом человек, слишком большой ценой за тебя плачено».

Спустя несколько дней Люба приехала к нему и стала упрекать его в черствости, ненависти, эгоизме. Говорила, что он ничего в христианских отношениях не понимает и его еще надо учить и учить. Разумеется, учить его должна она, по-видимому, уже достигшая вершин совершенства. Андрей вспомнил слова батюшки, сидел и молча читал молитву о ее помиловании и вразумлении. Наконец, она остановилась, умолкла, оделась и молча вышла.

С тех пор Андрей молился за Любу и за ее сыновей, как за болящих. И вот встретил ее в храме — она даже не узнала его, только мазнула по его лицу холодными пустыми глазами. Казалось, что это уже не человек, а пустая оболочка. Как опасны пути гордыни! Какие утонченные формы она может принимать! Но самое главное в этой истории — это слова батюшки: «Нет в ней покаяния».

Ох, никогда нельзя нам останавливаться на этом пути. Наш земной путь — совершенствование в покаянии и смирении. Остановка на этом пути, хотя бы малое самодовольство — смерти подобны.

По пути домой Андрей заглянул на оптовый рынок. Блуждая между контейнерами среди рыскающей платежеспособной еще толпы, он увидел церковный лоток. За прилавком стояла Маша и что-то терпеливо и доброжелательно разъясняла пожилой покупательнице. В лице ее, обрамленном светлым платочком, появилось что-то незнакомое. Просветленность, что ли?

Андрей залюбовался ею. Вот та самая смиренная любовь, то самое единственно возможное земное счастье — она, несомненно, стала счастливой любящей женщиной... Маша, наверное, почувствовала на себе посторонний взгляд и подняла глаза на Андрея, но, едва коснувшись его лица взглядом громадных карих глаз, застенчиво спрятала их под сенью густых длинных ресниц.

— Здравствуй, красавица! А я вот увидел тебя и просто залюбовался.

— Здравствуйте, Андрей...

— Вот так... мы что, уже на «вы»? Французами стали?

— Простите... — совсем смешалась Маша.

Из сумеречной глубины контейнера появилась бледная Елена, подслеповато щурясь на яркий свет, приветливо поздоровалась с Андреем. Она скороговоркой объяснила, что теперь с покупателями общается Маша: у нее больше покупают. Она уже способна ответить почти на все вопросы: какая икона для кого и для чего, знает жития великих святых, умеет посоветовать, какую лучше купить утварь или в какой книге найти ответ, и вообще она у нее умница и работать с ней одно удовольствие.

— А ты, Лена, не отпустишь Машу на обед со мной на полчаса?

— Конечно, конечно. Сходи, Машенька, не волнуйся, я подменю.

Пока они продирались через густую толпу к выходу, Андрей у рыбного лотка купил мороженого судака и сунул его в сумку.

— Дома на обед зажарю, — пояснил он все еще смущенной Маше. — Вон там есть кафе, давай присядем.

Они выбрали пустой столик в тени и сели в пластмассовые кресла.

— Что-то подобное у нас уже вроде было, да?

— Угу.

Подошла официантка и приняла у них заказ.

— Машенька, ты очень хорошо выглядишь, сразу видно, что у тебя все хорошо.

— Простите меня, пожалуйста...

— Да что же это такое? Ты вроде как себя обязанной чувствуешь?

— А разве не так? — она виновато подняла глаза, полные слез. — Вот у меня теперь все есть: и дом, и муж, и свекровь добрая. Сережка мой из хулигана серьезным мальчиком становится. А вы рыбу сами жарить будете в своей пустой комнате в коммуналке... Может, я пожарю?

— Поверь, Маша, у меня есть все, что мне нужно. Даже больше. А от тебя мне ничего не нужно. Только знать, что ты счастлива.

— За что вы ко мне так?

— Да что это с нами происходит! Ну, скажи, пожалуйста, что такого героического я для тебя совершил?

— Все!

— Да не я это — Господь Бог все тебе устроил. Я просто выполнял волю Его! Что же это с нами, Господи? Почему мы уже простое человеческое участие воспринимаем как что-то сверхнормальное? Пойми, Машенька, это самая большая радость — делать что-то доброе другому человеку... бескорыстно. Делаешь, потому что совесть велит. Для того, чтобы этому человеку хорошо стало. Понимаешь? Это радостно — видеть, как воля Божия совершается через тебя. Это очень здорово, когда Господь открывается человеку — ни за что... понимаешь, ни за что! Потому что Он любит тебя, являет тебе, грешному, Свою любовь! За что, спрашиваешь? А вот за то, чтобы ты стояла воскресным солнечным днем за прилавком церковного лотка и своей улыбкой заявляла всем: я счастлива! У меня есть Бог, и Он меня любит! А дома меня ожидают любимый муж и любимый сын, и мы живем в любви! Да, мы купаемся в любви Божией. Потому что Он, Господь наш, — это и есть любовь. Любовь истинная, животворящая, всемилостивая, всепрощающая, вечная! Иисус Христос — это бесконечный океан любви! Идите к Нему — и у Него вы ее обретете!

Маша смотрела на Андрея, и по ее щекам струились слезы. Она их не стыдилась и не вытирала. Скорей всего, она их и не замечала. Андрей достал свой носовой платок, проверил его на стерильность и молча протянул Маше. И только тогда она опомнилась и заплакала навзрыд. Официантка принесла поднос с тарелками и вопросительно глянула на Андрея. Он кивнул: все нормально, помог составить тарелки и мягко ее спровадил. Маша глубоко вздохнула и успокоилась. Автоматически взяла вилку и робко тронула салат. Некоторое время они молча ели. Потом Маша подняла глаза и уже весело сказала:

— А я не знала, как с тобой говорить.

— Как с братом.

— Всем бы такого братика...

— В угол поставлю!

— Все-все. Больше не буду. — Маша улыбалась. — А как тебе Господь открылся? Расскажи.

— Трудно, Машенька. Мучительно. Наверное, гордыни во мне очень много. Потому что трудно. Это надолго.

— Расскажи. Мне это будет полезно.

Андрей отставил тарелки, отхлебнул чай и негромко произнес:

— Жизнь прекрасна!

Он подставил лицо солнцу. Немного помолчал, собираясь с мыслями, потом продолжил:

— С самого детства мальчик приносил родителям радость. Милый, послушный ребенок с ангельским личиком, он не водился с дворовыми хулиганами, учился легко и с удовольствием, занимался спортом, и там, в детской спортивной школе, числился в любимчиках. Его тренер вырастил олимпийского чемпиона по боксу, двух чемпионов страны. Его юношеский удар прямой справа имел убойную силу молота, реакция и подвижность — как у гепарда, выносливость — как у бульдога. Кроме того, его интересовали в разное время и фотография, и радио, и авиамоделизм, иностранные языки.

У них во дворе, кроме детей рабочих, появлялись сыночки и дочки больших начальников. Эти редко играли в футбол или в другие дворовые игры, то есть почти никогда, зато их можно было наблюдать с нотными папками, зачехленными теннисными ракетками, вечно спешащими из просторных квартир в свой мирок, куда «простых» не допускали. Нельзя сказать, что путь в эту компанию был ему заказан, напротив, на дни рождения к ним мальчика приглашали через его отца-начальника; и он заходил туда, только ненадолго, потому что уже тогда его отвращали в этих детях неприятный апломб и высокомерие.

Друзья мальчика, хоть и имели происхождение попроще, но интересы имели не менее обширные, а знания совсем не слабее, чем у «номенклатурных» детей. Зато с ними можно было запросто. В их среде тебя ценили за твои реальные ценности, особенно за честность и знания, честь и благородство.

Иногда их день начинался на утренней рыбалке, потом они на велосипедах колесили по всему району, забирались на свалку стройматериалов, играли в диверсантов на развалинах жилого дома, с самой войны уродовавшего их красивый, утопающий в зелени район. Закончиться такой день мог в театре или у кого-нибудь в гостях, где они, прилично одетые, степенно вели себя на радость родителям.

Но вот настал тот самый страшный год их детства, когда смерть так близко прошла рядом с ними, обдав их смрадным сладковатым духом. Сначала умер от рака легких отец Юры, потом через месяц от белокровия — мать Димы. Еще через пару месяцев — мать Саша сначала разбило параличом, а вскоре она умерла; сосед по подъезду умер от астмы. Похоронный марш, разрывающий душу безысходной тоской, под громкий плач женщин раздавался во дворе все чаще и чаще.

Мир детства, такой уютный и надежный, вдруг стал рушиться. Только вчера они сидели на скамейке с Юркиным отцом дядей Лешей и он, похудевший и бледный от болезни, тихо и по-доброму разговаривал с ними... И вот его неузнаваемое пожелтевшее тело уже выносят в страшном красном ящике... Семья потеряла кормильца, Юра вынужден уйти из их школы в вечернюю и устроиться учеником слесаря на завод, чтобы помочь матери «тащить» семью: бабушку, брата и сестренку.

Вечерами мальчик напряженно сидел на диване в комнате, где вся его семья собиралась смотреть вечерний фильм. Он всматривался в лица родителей и со страхом думал: что же будет с ними, если большой астмой и желудком отец... Нет, он не мог даже произнести это слово по отношению к своему доброму, честному и сильному отцу. Он думал, что существует какая-то мощная сила, которую все называют судьбой или роком, и вот эта таинственная, невидимая, но так остро ощутимая сила правит жизнью и смертью. В мерцающей темноте он переводил взгляд с отца на мать и упрямо повторял про себя: «Отец будет жить! Мать будет жить! Я буду жить!»

Вся его детская сущность ненавидела и отвергала смерть! Он ее не только боялся, но само это понятие хотел вычеркнуть из жизни. Все чаще отец, друзья заставляли его в долгой задумчивой неподвижности, и это их иногда пугало. Чтобы не огорчать своих любимых, он говорил, что, наверное, он вырастет и ему уже есть, о чем задуматься... Взрослые качали головами, вздыхали или улыбались, но отступали. А он снова погружался в мысли о жизни и смерти.

И стал искать мальчик возможность уничтожить смерть и найти тайну бессмертия.

Сначала он обнаружил, что стал по-новому смотреть на окружающих. Его взгляд из порхающего мотылька превратился в скальпель, препарирующий действительность. Взгляд этот высматривал в судьбах окружающих его людей самое главное и под чужеродным наслоением открывал истинную суть. Обнаружилось, что большинство людей живут бессмысленно, потому что цели у них нет. Вернее, за цель жизни они принимали средства: учебу, жилье, супружество, воспитание детей, работу. Но вопрос: для чего вам все это? — их обычно злил. Также всем не нравился вопрос: что с ними будет после смерти?

Книги, которые читал он во множестве, тоже не давали ответов на его вопросы. В них с чем-то боролись, преобразовывали мир — а для чего, во имя какой цели, непонятно.

Ответы вроде «Все для детей» или «Во имя будущего» его не устраивали. Получался замкнутый круг: они для нас, мы для детей, дети для внуков, а для чего все — не ясно. Их учили тогда, что хоть нам сейчас трудно, но вот наши дети будут жить в таком обществе, когда придет изобилие. Ну, будет много еды или техники, книг и театров, ну, поели и пошли смотреть что-то, а смысл? А цель? Да мы и сейчас что-то там кушаем, и читаем, и смотрим в кинотеатрах. В общем, бессмыслица!

Однажды его пригласили на вечеринку в один дом, где им показали «тарелочку». Дамочка на листе ватмана в круге написала цифры и буквы, нагрела тарелочку над пламенем свечи и вызвала дух поэта Блока. Ему задавали вопросы, и этот невидимый дух довольно правильно отвечал, подводя тарелку то к одной, то к другой букве или цифре. Он спросил, когда родилась его бабушка, — и получил дату рождения, которую никто знать не мог.

Тогда он не знал, насколько опасно общение с нечистыми духами. Дамочка, устроившая это представление, вскоре оказалась в психушке. Но он сделал один очень важный для себя вывод: кроме видимой, есть еще жизнь и невидимая! И значит, есть «что-то» — ему пока что неизвестное — после смерти.

Поиск смысла жизни получил новый стимул. Однажды в книжном магазине он купил справочник атеиста, книгу по гипнозу и учебник по психиатрии. Читая эти книги, он ощутил состояние голода — это, когда тебе говорят о пище, а кушать не дают. Товарищи материалисты постоянно пользовались понятиями совсем нематериальными: душа, мораль, бессмертие, вечность; но вот сути этого не открывали. Они боролись с Тем, Кого якобы не было.

Читал он тогда и Библию, вернее выдержки из нее, но ничего не понимал. Атеисты писали, что в этой книге масса противоречий, накладок, сроки ее написания якобы не соответствуют заявленным в ней. Недоверие они посеять сумели... Но кое-что из Библии в памяти осталось: семена упали на почву и ждали полива.

Потом власть коммунистов мало-помалу прошла, и на их место пришли любители гласности. Вот уж когда ему пришлось почитать всласть! Все ранее запретное стало появляться на книжных развалах. Читал он о духовном все подряд: Блаватскую, Бейзант, Рерихов, Лазарева, Бумбиерса, Даниила Андреева. А однажды на день своего рождения сам себе подарил Библию. Он знал точно, что разгадка тайны бессмертия в этой области, где-то рядом...

Но, читая теософов, глубоко внутри он постоянно чувствовал какое-то предостережение: осторожно, опасность! Они все ненавидели Православную Церковь и осыпали ее упреками.

Он понимал, что коммунисты очень грамотно накормили народ ложью, нагромоздив в душах людей завалы лжи. Он их расчищал, как после бомбежки, но осколки из души еще долго приходилось вырезать с болью.

В церковь он тоже иногда заходил и пытался там найти священника для разговора, но то ли церкви были закрытыми, то священников после окончания службы найти не мог. И ему иногда казалось, что теософы в чем-то правы... А однажды по телевизору показали интервью с женщиной из дианетиков. Корреспондент спросил ее, почему она здесь, а не в

церкви? На что женщина сказала, что она пробовала в церкви найти ответы и утешение, но не нашла. А вот только зашла к дианетикам, как ее тут же окружили участливые люди, напоили чаем с кренделями... Словом, она сразу ощутила, что ее проблемы здесь могут разрешить.

Конечно, проблемы были схожи, но он для себя решил не торопиться к американцам, а поискать в своем доме. Все-таки русский он...

И вот как-то у Лазарева в «Диагностике кармы» он запнулся о его рассуждения о смирении. Поразили его сравнения смирения с высшей степенью защиты человека от внешней агрессии. Действительно, смиренные дети и старики наименее подвержены агрессии, а самая опасная группа риска — это сами агрессоры, те, у которых наивысшая уверенность в своих силах и наименьшая степень смирения. Что-то в нем тогда очень сильно засело! Он стал перебирать в памяти самое главное, что успел прочесть из духовных книг. И понял, что единственная религия, которая основывается на смирении, — это христианство.

Теперь осталось разобрать в душе тот завал мусора, который мешал ему прийти к пониманию христианства. А вот этот процесс в нем затянулся надолго: никак гордыня в смиренную истину его не отпускала. Ох, с какой болью приходилось ломать себя! С какими мучениями ржавые осколки гордыни выдирались из души! Ярлык «мракобесия и темноты», как амбарный замок, висел на двери в храм его души. И неизвестно, сколько бы он еще простоял на паперти перед входом в церковь, если бы не помощь, внезапно явившаяся от его бабушки. Она ему открыла тайну о своей православной вере.

Тогда двери храма открылись для него, и он вошел внутрь. Перед ним во всей своей чистоте, величии и неотмирном свете явилась Истина — Иисус Христос!

И открыл он для себя тайну из тайн — жизнь вечна, смерти нет!

Но «многие знания рождают многие печали!»! Оказывается, вечность имеет две противоположные грани: вечная жизнь в Царствии Небесном и — увы! — вечные мучения в аду. Вывод, который он сделал после, был просто страшным: никто из живущих на земле по грехам своим не достоин вечной жизни. Но следом оптимистично и радостно открыл истину еще одну: что невозможно человеку, то возможно Богу! Приди к Нему, Отцу Небесному, и, как сын блудный из евангельской притчи, упавши в покаянии на колени — и даст Он тебе и прощение, и возвращение в дом Свой. И ни слова упрека, но только радость отцовская: «сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Вот такая история.

— А в армии... он служил? — полушепотом спросила Маша.

— Об этом лучше не говорить, слишком там много было страшного.

— А все-таки?..

— Ну, ладно. Попал он в спецвойска. Там учили не защищаться, а сразу — убивать. С оружием или голыми руками — не важно. Главное — это одним движением убить противника. Например, в ближнем бою пальцами вырвать глотку, сердце, выколоть глаза, скрутить шею. Там же ему пришлось научиться кушать змей и крыс, ежедневно пить водку стаканами и попробовать наркотики всех видов. Но самое страшное было не днем, а ночью. Вся казарма стонала и выла. Всем снились адские сны. Ему тоже. Он утопал в реках крови и горел в огне преисподней, видел горящие бесовские глаза и падал в совершенно черную тьму. Тогда он снова, после первых детских заклинаний, стал молиться...

Андрей замолчал. Потом, глянув на притихшую Машу, с улыбкой произнес:

— Заметь, сестричка, я настаиваю на этом: жизнь прекрасна! Потому что, когда в сердце Иисус Христос, то нет страха, нет уныния. Зато есть твердая уверенность в том, что Он, непостижимо великий, совершенный и нечеловечески, Божественно милостивый, направит на правильную дорогу, оградит от заблуждений. И уж если попустит скорби и болезни, то обязательно — на пользу нашему спасению и для обретения нами жизни

вечной. А ты поверь, наш Господь настолько добр и милостив, что постигать это — уже великая радость. А если со мной Господь, то кто против меня?

— Послушай... а это... как же искушения, бесы и все такое? — почему-то шепотом спросила Маша.

— Так это все имеется независимо от нашего желания и веры. Это есть у всех. И влиянию сил зла подвластен любой человек. Но вот только христиане имеют возможность защищаться от этой агрессии. У нас есть смирение. Смирись — и вся эта нечисть от тебя полетит. У нас есть молитва. Попроси в молитве помощи у Бога — и тут же получишь помощь и защиту. Пост — для смирения страсти, исповедь для очищения от греховной грязи; а причастие Святых Таин, Святое Писание, молебны, паломничества, мироточивые иконы, святые мощи, чудеса... Вот сколько всего нам дано — только защищайся, побеждай и радуйся, что с тобой такая силища!

Вечером Андрей позвонил Лиде и спросил, не знает ли она, где ее кузина. Лида промямлила, что лучше Алену несколько дней не беспокоить: она заболела. Потом перевела разговор на отца Сергия, уж больно он сам и его семья Лиде понравились. Сказала, что собрала кое-какие детские вещи и хочет им отвезти.

Андрей вспомнил сегодняшнюю необыкновенную кротость отца Сергия, в душе его затеплилась благодарность к этому замечательному пастырю и человеку.

— Отец Сергий — настоящий подвижник. Он никогда никому не отказывает в просьбах. Когда у него есть время, он сам ходит по больницам, домам престарелых, колониям и там служит. Его несколько раз даже били: то хулиганы за то, что в рясе ходит; то сумасшедшие, то заключенные. Но он все равно служит и никому не отказывает.

Андрей помолчал, что-то вспоминая.

— Он как-то рассказал странную историю. Я под впечатлением этого стал гораздо серьезнее относиться к исповеди. А дело было так. К нему обратилась знаменитая актриса, у которой семь лет мать лежала в параличе, ходила под себя, молчала — но зато глаза ее на всех смотрели по-прежнему властно и даже зло. Актриса эта нанимала сиделок, но дольше недели никто не выдерживал. Это, несмотря на очень хорошие деньги. А сама она стала терять роли, контракты. Ну, ты знаешь, там ведь надо постоянно быть в тусовке, чтобы тебя приглашали. Тогда актриса наконец-то додумалась до главного: пошла в церковь и поговорила со священником. Как ты понимаешь, им оказался наш добрый батюшка Сергий. Он сразу собрался и поехал к ним домой. Когда он в рясе и епитрахили зашел к бабушке, та вдруг ожила, немного зашевелилась. После прочтения батюшкой покаянного канона она вдруг заговорила. Тихо, шепотом, почти непонятно, но стала исповедоваться. Больше часа она каялась, плакала, всю свою жизнь пересмотрела. Потом ее батюшка причастил. Она перекрестилась сама. После благодарственной молитвы она снова замолчала и перестала двигаться. А на следующий день умерла тихо и спокойно. Оказывается, все эти семь лет она ждала исповеди и Причастия, чтобы не уйти из жизни с тем грузом грехов, которые мучили ее и держали на этом свете.

Лида рассказала тогда о своей бабушке, которая тоже несколько лет в слабости лежит в постели и мучает родичей. Андрей вспомнил, как однажды видел эту бабушку на их свадьбе. Она очень понравилась ему своей добротой и умными словами, которыми напутствовала молодых. Помнил ее большие теплые ладони, в которых она задержала руку Андрея, ее добрую старческую улыбку.

— Слушай, ну что же ты не говорила об этом? Вот отец Сергий ее и исповедует. Разве он откажет!

— Да я, как та актриса, сама до этого не додумалась. Это ты сейчас только мне об этом рассказал, и я о бабуле сразу вспомнила. Тогда я позвоню батюшке, можно?

— Конечно! Не можно, а нужно. И немедленно!

Лида позже рассказала: на следующий день она на машине привезла отца Сергия к бабушке. Он исповедал ее. Правда, она сама говорить не могла, только кивала, когда он

зачитывал перечень грехов. Пыталась сама перекреститься, но смогла только чуть приподнять руку. Тогда ей помог батюшка. Причастил ее, прочитал молитвы. Бабушка после ухода священника все молча плакала и легонько улыбалась. А на следующий день умерла. Лицо ее после смерти будто продолжало улыбаться и благодарить живых за такую важную услугу ей, мучительно долго умиравшей.

Бригада

С утра крапал мелкий ознобный дождик. Электричка жалобно скрипела и еле плелась, сотрясаясь от лязга разболтанных движков. Серо и сыро прижалась к мокрой траве вся намокшая законная живность.

Андрей набросил капюшон ветровки на голову и, съездившись, вышел из вагона на лаково-черный асфальт платформы. Ни одного человека не встретил он, пока, прыгая через лужи и заляпываясь жидкой грязью, шел к объекту.

«Наверно, уютно им, — со вздохом подумал пешеход, — жителям этих притихших домов, сидеть в сухости и тепле у разожженного камина, в закопченном нутре которого мирно потрескивают березовые дровишки; почитать скучноватую затрепанную книжку и гладить шерстяную мордуленцию собаки, лежащей в ногах. А книжка обязательно должна быть немного скучноватой, чтобы, как говаривал Пушкин, можно было отложить ее и погрузиться в несуетные размышления, навеянные желтыми захватанными страницами. А собака непременно должна быть большой и старой. И печальные умные глаза ее преданно ловят блуждающий взгляд хозяина. И никаких звуков в доме, кроме шороха дождя по крыше и листьям, потяжелевшим от налипших капель. Кап-кап...».

Сырость забралась и под крышу строящегося дома. Бугор кивнул Андрею и продолжал шлифовку швов между панелями. Сегодня они сдавали монтажный этап заказчику, по этому поводу все поверхности здания вычищались до ровного матового блеска. Часы показали десять, и тут же шорох рифленых протекторов джипа возвестил о прибытии хозяина.

Андрей вел заказчика, источающего улыбочивое барское благодущие, по зданию и сам получал удовольствие от процедуры приемки-сдачи. Эти трудяги-чистюли продолжали что-то скрести и заклеивать, затирать и шкурить только им заметные шероховатости.

— Вы что тут — пропылесосили все? — качая головой, удивился заказчик.

— Не только. Мокрую уборку тоже сделали.

— А это не лишнее? — бросил заказчик, достав трубку сотового телефона.

— Под высококачественную отделку — надо.

— Петруша, неси, где ты там? — сказал заказчик в микрофон.

Вошел детина, положил на стол перед хозяином дипломат и удалился после отмашки хозяйской руки.

— Получи, Андрей, за этап, как договаривались. Молодцы, даже придраться не к чему.

— Спасибо, Владимир Иванович. Завтра придут отделочники. Мы их устроим и с Бугром на недельку отъедем. Не против?

— А зачем, если не секрет? Может, работу искать? Так я вас теперь лет на пять объектами обеспечу.

— Нет, в монастырь зовут. Помочь надо.

— Ну, давай, давай. Ты и на мою помощь можешь рассчитывать.

— Я все узнаю и расскажу.

— И еще, — хозяин сделал паузу. — Лично от меня тебе... Спасибо.

— И вам спасибо, Владимир Иванович. Прости, что я с вами как-то... неласково, — улыбнулся Андрей.

После отъезда хозяина Бугор собрал бригаду и раздал деньги. Потом повернулся к Андрею и попросил:

— Расскажи всем про дворец, я пытался пересказать, но что-то подзабыл.

— А! Хорошо. Святой Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, узнал как-то, что некий епископ Троил страдал сребролюбием. Поэтому решил дать ему возможность исправиться. Для этого пригласил его в больницу. Там он предложил Троилу раздать больным милостыню. Тот не хотел выглядеть скупым и раздал золота на целых тридцать фунтов. Сумма по тем временам немалая. Дома Троил почувствовал приступ жадности и стал сильно жалеть о розданных деньгах. Пригласил его Иоанн в гости на трапезу, а Троил отказался, сказался больным. Понял тогда все патриарх и лично явился к Троилу. Отдал ему потраченные тридцать фунтов и попросил написать своей рукой, что награду свою за проявленную милость он передает Иоанну. Написал тот расписку, получил с радостью деньги и после этого успокоился. Патриарх взмолился Богу об исцелении несчастного от тяжкого греха сребролюбия. А ночью Троил во сне был восхищен на небеса. И увидел он дворец красоты неопишуемой, весь в золоте и драгоценных камнях. Но вот появляется перед дворцом ангел и заменяет начертанное на нем имя Троил на Иоанна, поясняя, что тот выкупил его за тридцать золотых. Заплакал тогда сребролюбец и понял, что он потерял. И где. После этого вразумления Троил стал милостив и щедр.

— Мы тоже решили строить дворец на небесах. Давайте, мужики, скидывайтесь по тридцатнику золотых.

Бугор первым бросил в дипломат увесистую пачку денег. За ним подходили остальные, и кто сколько бросали деньги. Последний опустил крышку, щелкнул замочком и протянул чемоданчик Андрею.

— Спаси вас Господи!

— Во славу Божию... — нестройно раздалось в ответ.

— Мне здорово повезло, что я с вами работаю. Правда! — задумчиво произнес Андрей.

— Чего там... нам тоже с тобой повезло. Молись за нас. Как на Руси говорили, не стоит село без праведника.

— Не зря все-таки Бог нас собрал в одну команду, — отозвался Бугор. — Будем работать теперь не для денег, а во славу Господа.

Молчаливые обычно работяги, честно выполняющие свою работу, никогда не ноющие и не требующие денег, может быть, потому и имеющие их, они сейчас говорили скованно, потупив глаза. Андрей чувствовал к ним большую благодарность и любовь, подошел к каждому и крепко троекратно расцеловал их в бритые, щетинистые и бородатые щеки. От них пахло потом, но запах этот Андрей почитал выше самых дорогих парфюмов. Их скупые и неловкие, но тем не менее торжественные слова одновременно волновали и успокаивали.

Провожать Андрея до платформы вызвался Гена. Бугор отпустил, но попросил на обратном пути захватить шампанского и фруктов. Они снова пришли в кафе. На этот раз Гена взял себе двести коньяку и сразу у стойки выпил, потом еще сто и с этим уже сел за столик.

— Гена, ты что, снова запил? Бугор же взял тебя обратно с испытательным сроком. Вышвырнет — погибнешь.

— Сегодня можно. Видишь — сам шампанское заказал. Я тебе что хотел сказать-то... Ты видел, сколько кинул в ящик Алеха?

— А разве за этим кто наблюдает?

— А я посмотрел. Все пачку-две, а он три бумажки. Вот жадина!

— У-у-у-у, Геннадий Иванович, да с тобой совсем плохо. Каждый отдал, сколько посчитал нужным. И не нам его судить — это дело только совести человека. А

вот тебе нужно за собой понаблюдать. Я, например, не уверен, что Бугор для тебя сделает поблажку даже в честь праздника. Я не уверен, что завтра ты не сорвешься и не начнешь запой. А вот в чем уверен точно — это в том, что тебе пора на хорошую исповедь. И вот что я тебе предлагаю, Геннадий Иванович. Поезжай-ка ты с нами в монастырь, мы там тебя оставим, будешь им помогать строить. Поживешь по монастырскому уставу — приведешь себя в порядок.

К их столику подошла тощая собака с умоляющими глазами. Они молча протянули ей по кусочку пирожка. Собака аккуратно взяла подачку из руки Андрея и мигом проглотила. Гена привстал со своего стула и приблизил пирожок к собачьей морде, но она испуганно отскочила, утробно тявкнула и, озираясь на Гену, спряталась за углом кафе.

— В монастырь, говоришь? Да я не против...

— Боюсь, что у тебя просто выбора нет. Тебя уже развезло. Если Бугор тебя сейчас начнет гнать — а я в этом уже не сомневаюсь, — то можешь сказать ему, что я предложил тебе ехать с нами в монастырь. Это может спасти тебя от увольнения. А я подтверждаю. Хорошо?

— Прости, шеф, у меня в семье неприятности... — опустил он поседевшую голову.

— Гена, я тебе не шеф. У тебя есть Бугор, и я в его кадровые вопросы никогда не лез. А что касается семьи, то назови человека, у кого там нет неприятностей. Может, тебе напомнить мои, или Бугра? Или проблемы того же Алексея, у которого сын на игле сидит? А хочешь, поговори с напарником Лехи — Вадимом. Он тебе такой триллер выдаст — в кино ходить не надо. И никто из них своих проблем спиртным не решает. Ты человек православный, а потому прекрасно знаешь, кто нам эти оправдания подсовывает. Напомнить?

— Не надо, все понял, — с тихой злостью ответил тот. — Я думал, ты человек!...

— А тебя бы устроило, чтобы я с тобой тут напился, потом пошел в бригаду, побил Алексея, опозорил бы его перед всеми. А ты при этом — в белом фраке и с легким ароматом армянского коньяка из самодовольных уст...

— Ну, уж поговорить со мной можно было...

— Поговорили уже. А для пьяного бреда поищи другого. Мне пора.

Андрей быстрым шагом отправился к платформе, куда уже подходил зеленый поезд. Сел он снова в вагон с мотором, который гремел и сотрясал даже прокуренный воздух. Бросил взгляд за окно и увидел стоящего у двери кафе Геннадия, что-то кричавшего и махавшего рукой. «Все, пошел мужик вразнос» — провибрировало в голове.

На вокзале он нашел работающий телефон и позвонил на объект. Бугор уже имел беседу с Геннадием и не выгнал его сразу только из-за переданных ему слов Андрея.

— Пусть поработает в монастыре. Там ему пить не дадут, а пользу он принесет. А потом уже сам решишь: гнать или миловать.

— Ладно, разберусь сам, — жестко сказал Бугор и повесил трубку.

Федя

С вокзала Андрей сразу поехал домой.

Во дворе он столкнулся со знакомым прихожанином своего храма.

Федор иногда появлялся в храме, степенно раскланивался с Андреем и становился всегда только справа, на мужской половине, поближе к алтарю.

Его внешность всегда притягивала к себе взгляды прихожан, особенно старушек. Ходил он с изящной тростью черного дерева, слегка прихрамывая; одевался в бархатные сюртуки с блестками, под горло повязывал пестрый платок. Волосы носил длинные, иногда стягивал их красной резинкой, какие обычно используют кассиры для скрепления денежных пачек.

Лицу своему сообщал он выражение строгое, чему способствовали его орлиный нос и глубокие носогубные морщины. Взгляд его всегда подернут печалью. Но вот вне церкви при встрече с ним вдруг видишь озарение строгого лица детски-шаловливой улыбкой, обнажающей белоснежные ровные керамические протезы. В общем, внешность его вносила в отношение к нему — которое у каждого стремится к определенности — раздвоенность и сопутствующее этому смятение.

А тут еще оказалось, что Федор проживает в соседнем подъезде. Он сразу выразил радость и пригласил Андрея в гости, вручив свою визитную карточку с золотыми вензелями, из которой следовало, что Федор служит в арт-салоне художником-дизайнером. Андрей вручил ему свою карточку, бросил ни к чему не обязывающее «как-нибудь при случае» и продолжил свой путь.

Но вечером Федор позвонил по телефону и настойчиво пригласил Андрея к себе в гости на ужин. При этом огорошил, что «стол накрыт, и блюда стынут». Андрей поворчал, но пошел.

Вышел Федор к гостю в бархатном до пят халате с атласными лацканами, предназначенными для принятия и удобного сбрасывания толстым пальцем в золотом перстне сигарного пепла. Только хозяин не курил. Более того, в квартире его благоухало духами и цветами, в обилии стоявшими в расписных керамических горшках, как в комнатах, так и на лоджии.

Увидев в красном углу иконы в серебряных окладах, Андрей перекрестился и поклонился им. На бордовой скатерти с кистями в серебряных и хрустальных столовых емкостях томилась закуска. В хрустальных графинчиках разноцветно поблескивали напитки.

Федор указал гостю десницей на стул темного мореного дуба в изящной резьбе с мягким бархатным сиденьем, опустил глаза и нараспев прочитал молитвы. Андрей молчал и терпеливо ждал развития событий.

— Закусим, чем Бог послал, — произнес хозяин и стал накладывать на большую тарелку английского фарфора салатика, балычки, осетринку, огурчики с помидорчиками. Потом указал на графины и спросил:

— Водочки, наливочки, винца?

— Сока, пожалуйста. Любого.

— Я тоже почти не пью. Тогда вот своего, — он подхватил графин с оранжевой жидкостью и налил в бокалы. — Это смесь яблочного, морковного и апельсинового.

— Так по какому случаю торжество, Федор?

— Как же? За знакомство! Мы, люди артистические, художественного склада, к тому же прихожане одного храма — разве мы можем позволить себе жить отдельно?

— Мне очень жаль, но я не артист и не художник. Работаю снабженцем на стройке.

— Дело не в должности, а в призвании! — взметнул Федор к потолку перст. — Художника я чувствую, даже если он в рубище и в ретище. Верующего тоже... Ко мне ведь, Андрюшенька, люди ходят, — перешел он на шепот.

— Зачем?

— Я молюсь за них, а они мне помогают.

— Чем помогают?

— Ну, я много не беру... Там, за то, чтобы отомолить от болезни — сотенку, от армии — две, от тюрьмы — пять...

— Чего — пять сотенок?

— Долларов, Андрюшенька, долларов! Чего же еще?

— А разве можно?.. — Андрей осекся. — И что же — отмаливаешь?

— Ну, не всегда, конечно... Но тогда объясняешь, что, значит, на то воля Всевышнего — сидеть, болеть, служить...

— И верят?

— А что им остается? Вообще-то случается, иногда и до рукоприкладства доходит. Но это редко... Ты поел? Садись тогда на диван, а я к тебе присяду, чтобы, значит, не кричать через стол. Садись, садись.

Андрей со скрытым вздохом присел на диван, рядом устроился Федор. Он стал прерывисто говорить о своей инвалидности, убогости, что женщины его не понимают. А любви ему хочется, как и всем. Как же это без любви жить можно? Он достал и бросил на журнальный стол рядом с мощным биноклем пестрые журналы с фотографиями мужчин. Андрей решительно встал.

— Ты опять меня не понял. Вот к этому, — он указал на журналы, — я не имею никакого отношения.

— Подумаешь, у нас, художников, это нормально... Что тут такого?

— Интересно, а как это соотносится с верой?

— А в Библии об этом ни слова. Так что соотносится.

Андрей взял со стола Библию, быстро нашел Первое послание апостола Павла к Коринфянам и прочел в 6-й главе стих 10: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники (!), ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники Царства Божия не наследуют».

— Что теперь скажешь, Федор?

— Ничего, Бог милостив, он меня по моей убогости простит. А может, останешься?

— Извини, что не оправдал твоих надежд, но я бы посоветовал тебе исповедаться у своего батюшки и рассказать о твоих молитвах за деньги и о своей... страсти.

— Меня тогда из храма погонят. Из одного уже прогнали.

— Хочешь, вместе к батюшке сходим, я помогу все объяснить...

— Нет! Не пойду. Я еще не сошел с ума! И не упрашивай! И вообще, не хочешь — уходи. Мне еще тебе замену искать...

— Одумайся, это же грех! Ты не понял?

— Понял-понял... уходи к...

— Прости его, Господи, ибо не ведает, что творит! — почти с криком обернулся Андрей к иконам, размашисто перекрестился и стремительно вышел.

Алена

Вечером снова трещал без умолку телефон. Заглядывала Света и приглашала на очередное застолье, организованное ее щедрым пока еще горцем. Андрей уже было хотел выключить телефон и запереться в тишине, но решил последний раз поднять трубку — и услышал тихий жалобный голосок Алены:

— Андрюш, ты меня ждал у храма?

— Конечно... Что с тобой? Случилось чего?

— Случилось... — она боролась с приступом слез.

— Не волнуйся, ну-ну, — мягко стал он успокаивать девушку, — если хочешь, перезвони, когда успокоишься.

— Ничего. Я уже... — она глубоко вздохнула и уже сердито заговорила: — После разговора с тобой ко мне закатился мой школьный друг. После ресторана, пьяный, конечно. Я ему чаю, а он водку поставил и давай — пей с ним. Ему, видите ли, плохо: от него невеста ушла. Я ему сочувствую, выслушиваю его, утешаю, компанию его поддерживаю. А он, гад, как с цепи сорвался: набросился, с поцелуями лезет. Я хотела бежать, а он двери закрыл и сбил меня с ног, одежду рвет на куски. Сволочь! Вечернее новое платье от Версаче порвал! Я его для тебя надела. Ударил меня чем-то по голове... А когда я очнулась, он уже убежал. Вот такая история.

— Ты с ним после этого разговаривала?

— Он утром позвонил из автомата, извинялся, говорил, что любит меня, потому и набросился. А потом он сбежал куда-то.

— Ох, уж эта ваша «любовь»... — вздохнул Андрей. — Одна животная похоть.

— Ну, начал проповеди! Я ему первому это рассказала, от стыда сгораю, тошно мне... А он, исусик доморощенный, морали мне читать вздумал.

— Дружку твоему школьному тоже ведь утешение нужно было?..

— Что ты сравниваешь! — закричала она и швырнула трубку.

Андрей взял молитвослов и громким шепотом стал читать молитву. Через десять минут снова зазвонил телефон, и снова Алена тихим голосом:

— Прости, сорвалась. Ты не обиделся?

— Да нет, ничего страшного. Ты тоже меня прости...

— Как мне теперь жить? А?..

— Если ты позвонила мне, значит, после нашего последнего разговора ты ожидаешь от меня советов духовных. Ты готова выслушать?

— Готова, — со вздохом протянула она.

— Тогда прости его. А сама сходи в храм и закажи молебен о его здравии.

— Ты хочешь, чтобы я этого подонка простила?

— Он не больший подонок, чем мы с тобой. Причина его поведения в тебе. Я уже говорил тебе, что ты на меня все время действуешь, возбуждая во мне похоть. Твой блудный бес очень агрессивен, я постоянно чувствую его нападки. То, что с тобой произошло, — я думаю, это предупреждение, чтобы ты одумалась и стала защищаться.

— Как защищаться?

— Думаю, что ты душой приняла то, что я тебе говорил на даче. Подсознательно ты встала на путь веры, именно поэтому на тебя усилились нападки твоих внутренних врагов. Видишь, они для начала обрушились на меня, чтобы отомстить, а потом и на тебя, чтобы любыми средствами не пустить тебя в храм. Пока что они выиграли. Что будет дальше, зависит от тебя. От твоего свободного выбора. Я подсказал тебе, что сделать сначала. А вообще-то ты должна научиться защищаться от своих врагов. Твой щит — это молитва, крестное знамение, пост. Твоя крепость — это Церковь. Твои защитники — это Сам Господь, Пресвятая Богородица и все святые с ангелами. Если ты к ним обратишься за помощью и защитой — ты ее получишь. Особенно на первых порах сила твоей молитвы будет велика. Поначалу это всем дается. Так что начни с малого. Возьми молитвослов и начни читать молитвы. Добивайся полной сосредоточенности. В случае рассеивания вернись к началу и перечитай снова. Целью молитвы является смиренная любовь, которая устанавливается в сердце твоём. Старайся прийти к этому.

— Как? Поясни.

— Как?.. Сначала приходит желание полного подчинения воли Божией, доверие к этой святой воле. Потом наступает тишина в душе, покой, отсутствие мирских желаний. Затем — готовность и желание любить Господа всем сердцем. А в конце концов — и всех людей, которых Он любит не меньше, чем тебя. В молитве не надо просить ничего мирского, то есть денег, славы, мести, наказаний, плотской любви. Об этом сказано у апостола Иакова в его послании: «Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождлений». Просить же нужно прощения грехов, оправдывая ближних немощью и тем, что ты в какой-то мере повинен в соблазнении их во грех. Просить нужно дарования тебе любви, милости к ближним, терпения в общении с ними. А если есть хоть малейшее сомнение в своей правоте, скажи: «Впрочем, пусть все будет по воле Твоей, Господи!» Я понятно говорю?

— Продолжай, продолжай, я просто размышляю и применяю твои слова к себе.

— Хорошо. Если твоя молитва остается безответной, если по твоему прошению ничего тебе не дается... А такое случается... То проси еще и еще, с верой и настойчивостью, потому как «Просите, и дастся вам». А если и после твоих повторных усилий ничего по твоему прошению не дает тебе Господь, то знай, что это тебе и не

нужно. Понимаешь, иной раз нам только кажется, что просимое нами полезно, а на самом деле это может стать вредным или даже смертельным. Положись на волю и милость Божию — Ему всегда видней.

— А после такой неудачи у меня руки не опустятся?

— Уверен, что Господь сумеет каким-то образом объяснить тебе причину Своего отказа. Во всяком случае, утешение ты получишь обязательно. Со временем в твоём молитвенном труде появится опыт, будто Сам Господь будет подсказывать, о чем молиться. И если ты наедине с Богом будешь искренна и настойчива — молитва станет твоей насущной потребностью и любимым занятием. Подумай, сестричка: что может быть прекраснее общения с бесконечно любящим и всемогущим Творцом вселенной! — Андрей помолчал. — Приготовься к исповеди, исповедуйся. Приготовься к Причастию. И ты войдешь в мир, где ты и должна жить. Там твой дом, там твой Отец, там любовь настоящая. То сокровище, которое ты так настойчиво ищешь в миру. Я чувствую, что это твое! Ты живая, ты способна все это принять. А я тебе помогу.

— Что же это такое? Пока ты все это говоришь, я тебе верю и понимаю, а как только остаюсь одна, сразу все улечивается. И все остается по-прежнему.

— Мир видимый не хочет отпускать тебя из своих сетей. Он окутывает тебя ложью, он будет убеждать тебя в своей истинности. Вот так враг и действует. А уж сколько он тебе предложит разнообразных причин, чтобы не идти к Богу... Такие красивые аргументы тебе подсунет, что мало не покажется. Только ты должна помнить, что всегда на первом месте Бог, а потом все остальное. А чтобы различать козни бесовские и держать себя на духовной высоте, читай святых отцов. Я обещаю тебе удовольствие высочайшее. Несколько минут чтения — и ты уже между землей и небом. Там такая бездна любви и света, что все мирское тебе покажется пошло-стью и бякой.

— Ну, что мне с собой делать? Я тебя снова люблю...

— А там, в ее составе, много еще плотского осталось? — шутливо вроде спросил он.

— Этого нет, только желание видеть и говорить с тобой. Но так хорошо на душе стало...

— Слушай, а может, это и есть настоящее?

— Я очень-очень на это наде-е-е-юсь, — мелодично пропела Алена.

Отец Сергей

Перед поездкой в монастырь Андрей отправился на вечернюю службу. Ему нужно было получить благословение отца Сергия. Исповедь принимал только один молодой священник, отец Василий, со шрамом на лбу. Он сидел у аналая, рядом прислонил костыль.

Андрей искал у иконы святого Николая Чудотворца знакомую сутулую фигурку бабушки Веры. Вот она протирает стекло салфеткой.

— Матушка, где же отец Сергей?

— Андрей? А ты что, не знаешь? — старушка снизу вверх посмотрела ему в глаза. Из-под ее набрякших век сочились слезы, подрагивал пористый подбородок. — Погиб твой батюшка Сергей, Андрюша. Разбился на машине, чтоб они, железки эти, все пропали... Вместе с молодым отцом Василием ехали они. Отец Сергей — насмерть, а молодой — тот выжил. Ох, самых лучших Господь прибирает к Себе. Он ведь в день своего Ангела погиб. А это очень хорошо. Ангел-то его с собой и взял на небеса.

Она поглядела на оторопевшего Андрея, дернула его за рукав и посоветовала:

— Ты свечку за упокой его светлой души на канунник поставь. Не забудь.

Андрей на чужих ногах прошел к свечному ящику и купил самую толстую восковую красную свечу. Подошел к кануннику, положил поклон, одеревеневшими

пальцами зажег свечу и с третьей попытки поставил ее прямо, ровненько. Пламя высоко и горячо поднялось вверх, и по свече потекли густые кровавые капли.

«Господи! Прости и упокой душу верного раба Твоего, духовного отца моего иерея Сергия!»

Приложился к окровавленным ногам Спасителя на кресте Распятия. И тут его прорвало... Он стоял, привалившись к холодной стене, и рыдал. Громко рыдал, не замечая повернутых к нему лиц.

Он терял друзей и любимых женщин, его предавали самые близкие, но никогда еще он не испытывал такого острого, опустошающего сиротства. Андрей осиротел. Только сейчас понял он, кем был для него все это время духовный отец. В этом месте души, где так обильно и широко жил батюшка Сергей, «грешный иерей», как он себя сам смиренно называл, его духовник, наставник, друг, «батя», — в этом месте образовалась громадная кровотокающая рваная рана...

Каждое утро, вставая с постели и «прежде всех дел» вычитывая утреннее правило; каждую ночь, становясь на молитвы «на сон грядущим», и в течение дня — он сорок два раза за каждый год жизни духовного отца по черным шерстяным четкам, им подаренным, в течение сорока дней будет со слезами взывать: «Господи! Прости и упокой душу раба Твоего иерея Сергия!»

Все сорок дней он будет носить четки на груди под свитером. Правая рука часто будет прижимать вязаный крест к раненому сердцу. Ночью четки будут лежать рядом с его лицом, и мягкий шерстяной аромат, от них исходящий, будет успокаивать и создавать хоть малую призрачную иллюзию физического присутствия духовного отца.

Сначала гнетущая тоска будет давить его сердце... Потом с каждым днем он будет чувствовать облегчение, на сороковой день Андрей поймет, что чистая душа его духовного отца отлетела в место светлое, место горнее; и там у него появился еще один молитвенник перед Престолом Господним.

Заезжала Лида, и они ездили к семье отца Сергия.

Входная дверь была, видимо, постоянно приоткрыта. Встретил их самый маленький и, обняв ноги Лиды, весело объявил: «А у нас папа умел!» Лида взяла своего любимца на руки и прошла с ним на кухню. Матушка здесь пекла пироги. Помогали ей все дети, в основном, вылепливая из теста фигурки. Раскрасневшаяся от жара хозяйка встретила их мягкой улыбкой.

— Завтра девять дней нашему батюшке, вот к столу готовлю, — пояснила она, — присаживайтесь и пробуйте пирожки.

Нет, она не нуждалась ни в словах соболезнования, ни в утешении. Не было в этом доме рыданий и истерик. С той же улыбкой, ловко управляясь с тестом, матушка сообщила, что батюшка чувствовал приближение своей кончины, предупреждал об этом, со многими прощался. «Со мной тоже», — вспомнил Андрей. За день до аварии исповедался духовнику, причастился...

— А уж кроткий был в последние дни, добрый, как малое дитя! — снова с мягкой, задумчивой улыбкой говорила матушка. — Врачи сказали, что совсем не мучился... Улетел со своим Ангелом-хранителем прямо на небеса! А уж сколько народу сейчас за упокой его душеньки светлой молится!.. Вот и вы, мои хорошие, тоже помолитесь. Ты, Лидочка, ему очень понравилась. А уж Андрея он как сыночка своего старшего любил.

— Матушка, мы вам помочь хотим... — застенчиво начала Лида, взяв сумочку.

— Ой, милые, что вы! Нам сейчас такую помощь оказывают, что стыдно и брать столько... Мы ведь всю жизнь очень скромно жили. Если откуда деньги приходили — а батюшке даже из-за границы слали — так он все в храм относил. Вот и мы так будем жить. Словно он здесь рядом. За одежонку малышам, что ты, Лидочка, привозила, спаси тебя Господи, а больше ничего не надо. Все есть, слава Богу.

Родители

Поездка в монастырь откладывалась.

Сломалась машина Бугра. Потом заболел сам водитель. Заболела его жена, а потом и сын.

Шли день за днем. Зарядили обложные дожди.

Решили ехать на поезде. Как решили — заболел и Андрей. Два дня лежал он с простудой, обливаясь горячим липким потом, в состоянии полузабытья. Он не мог ни есть, ни читать, едва ходил. Заглядывала Света, пыталась накормить его бульоном, но от еды он отказывался. Что она говорила ему — он уже через пять минут забывал.

Ко всему прочему ночью ему приснился странный сон. Он записал, что запомнил, в дневник.

«Последняя судорога, рывок — и душа оставила свое временное пристанище. Непривычно. У меня сейчас будто два тела.

Новое — такое легкое и стремительно быстрое. Я только подумал — и вот уже беспрепятственно пролетел все этажи нашего дома, увидав всех жильцов, успев на лету уловить настроение каждого, чем кто занят, и даже о чем думает, но — остановился, вернулся назад и решил подумать.

Вот передо мной лежит мое старое тело. У, ненавистный мучитель, сколько ты терзал меня! Я хотел поститься, а ты требовал, просил, зудел: накорми, услади, побалууй. Я тебе: подожди, не время. Ты: давай сейчас же! И подпустишь для остротки боль в желудок, лому в виски, сосание под ложечкой.

Сколько находился в тебе, ты все требовал свое животное “дай”. Помнишь, как ты меня терзал, когда после детства пришла пора взрослеть? Ты меня искушал и днем, и ночью. Наяву и во сне. Мерзкие картинки ты мне совал, как старый растлитель малолетке. Ты наполнял меня дрожью похоти и нетерпения. Ты набрасывался на мою невинность, как коршун на обессиленную добычу. Ты заставлял видеть в девушках прежде всего самку. Ты меня жег изнутри, рвал на части и позорил, позорил...

Потом ты к моим мучениям добавил вино. Сначала ты услаждался, утешая меня и себя, а потом, когда стали нарастать мучения, ты требовал временного их ослабления новым отравлением. А после эйфории ты подсовывал мне картинки из преисподней с бушующим пламенем и горящими страшными глазами. И только когда твои мучения достигали апогея, ты позволял мне тебя спасти молитвами и слезами покаяния. Вот только когда ты слушал мой голос. Говорил я тебе, умолял, чтобы ты одумался и перестал меня мучить. Но ты начинал меня слушать только у последней черты, когда тебя уже душил животный страх.

Если этому твоему настоящему хозяину нужны были мои страдания, то он благодаря тебе получил эту плату полной мерой! Теперь ты лежишь тут, покинутый и своим лживым хозяином, и мною, в тебе нарастают процессы разрушения. Еще немного — и ты растворись в земле. А ведь у нас с тобой была совсем другая цель. Да, у нас! Ты вместе со мной должен был служить истинному Хозяину жизни, который сейчас освободил меня от твоего тиранства. Ты мог бы наполниться животворной энергией вечности — благодатью, и сейчас бы ты не тлел, а благоухал! Что же ты наделал...

Ну, ладно, как бы там ни было, а мы какое-то время жили вместе и делали одно дело. Пусть не так, как хотелось мне, а через мучения. Но... благодарю тебя, мой бывший тиран, и благословляю. Скоро мне отправляться на суд. Вот только прошусь со всеми своими — и вверх. Эх, достанется мне! Но что-то мне подсказывает, что буду прощен. Впрочем, это уже дело не мое, все, что мог, я сделал... с тобой вместе».

А в воскресенье Андрей встал совершенно здоровым. Никаких последствий болезни не осталось. Принял холодный душ и решил пойти на литургию.

После смерти отца Сергия Андрей не мог заставить себя ходить в его храм. Там все так же торжественно и умирительно служили, но бесконечное сиротство наваливалось на Андрея. Особенно усиливалось это рядом с аналоем, у которого раньше принимал исповедь любимый батюшка.

Поэтому в это воскресенье Андрей поехал на Афонское подворье. Там он купил несколько книжек про Афон, предчувствуя заранее сладостные минуты хотя бы мысленного прикосновения к афонским тысячелетним святыням. На прилавке лежал ладан в коробочке с надписями на греческом языке, взял он и ладан, подумав, что «дым святоотеческий нам сладок и приятен». Заказал он и молебен Преподобному, чтобы он помог вырваться в свою обитель.

Во время длинной службы, которая велась по полному неспешному уставу с некоторым восточным колоритом, ему иногда казалось, что где-то рядом под горой плещется не мутная Москва-река, а светлые голубые волны Эгейского моря. Напротив находились две иконы. Одна, в резном богатом киоте, — великомученика Пантелеимона, другая, с золотистым фоном и с мощевиком, — преподобного Силуана. Андрей чувствовал сильную благодать, исходящую от золотистой иконы. Об этом святом Андрей совсем ничего не знал, и после литургии он снова подошел к свечному ящичку и купил книгу «Преподобный Силуан Афонский».

Из подворья он вышел на тихую, залитую солнцем улочку с особняками и решил зайти в гости к родителям, проживавшим в одном из этих таганских переулков.

Дома застал он только мать, отец вышел пройтись по магазинам. Она холодно ткнулась в его щеку:

— Опять от тебя церковью пахнет.

— Это афонский ладан. Разве неприятный запах? — с улыбкой спросил он.

— Ты же знаешь: все, что связано с церковью, мне всегда было неприятно, — ответила она с учительской диктаторской жесткостью в скрипучем голосе.

Андрей с детства наблюдал громадную разницу между двумя учителями: бабушкой и матерью. Насколько бабушка отличалась мягкостью и тактичностью, настолько мать всегда стремилась к жесткому диктату. Бабушка детей любила и делилась с ними своими обширными знаниями. Мать насильно вдавливала в «дубин стоеросовых» науки согласно школьной программе, беспощадно пресекая всякое сопротивление методической косности и бездушию. Теперь только Андрей понимал, что это разница не между учителями, а пропасть между поколениями, между дореволюционной гимназией и советской школой. Пропасть между религиозным и атеистическим.

— Да что же за отвращение такое у тебя, мам? Что плохого в том, что сын твой стремится к добру и любви?

— Между моим сыном — моим! — и мной стоит вся эта мракобесная поповщина! Так за что мне ее любить? — громко и патетично, как на трибуне партхозактива, провозглашала она. — И кто только тебя таким сделал!

— Ты, мама, и сделала. Вы с папой и бабушкой с детства воспитывали во мне стремление к знаниям и честность, это и привело меня к Богу.

— И вот теперь твой Бог стоит между нами и отнимает у меня сына!

— Бог над всем и во всем. Он, как воздух, везде и, как воздух, все животворит, дает нам жизнь. Как Он может мешать любить, когда Он эту самую любовь нам дает? Если Он Сам и есть любовь?

— Слушать эту галиматью не хочу!

— Значит, все-таки не Бог, а что-то в нас мешает нам объединиться. Я пытаюсь восстановить тысячелетнюю российскую духовную традицию, благодаря которой Россия стала могучей и богатой империей. Неужели ты не видишь, что сделало предательство этой православной традиции с нашей страной? Неужели миллионы жертв, наша нынешняя нищета материальная и духовная не убеждают ни в чем?

— Какая нищета? Да мы жили всегда очень прилично, ты бесплатно получил образование, мы тебя на курорты каждый год возили!

— А ты попробуй все это сказать миллионам, погибшим в тюрьмах. Кого за веру расстреливали без суда и следствия. Деревенским, которые без паспортов жили от своего огородика, да и тот облагали жуткими налогами или вообще отбирали. Революция ни одной заявленной цели не добилась, кроме одного — разрушения Русской Церкви. Вот только с этой целью и заварили они жуткую кровавую кашу. И кому, если не нам, теперь восстанавливать порушенное? И если ваше поколение не желает раскаяться, то нам ваши грехи искупать и отмаливать.

В это время, неслышно ступая, бочком вошел отец. С каждым годом он все больше сдавал. Сейчас в комнате с пестреньким пакетом в слабых руках стоял совсем ветхий старичок. Андрей обнял его сгорбленную спину и усохшие плечи.

— Ты, сынок, зря все это говоришь. Мы с твоей матерью прожили честную трудовую жизнь. Мы с работы не таскали, хором каменных не построили. Нам с ней каяться не в чем.

— Каяться даже святым есть в чем. Мы без греха шага не ступаем, — совсем тихо произнес Андрей. Потом примирительно: — Ну, ладно-ладно. Давайте пообедаем чем-нибудь. Я принес еду, давайте посмотрим, что там.

— Не надо!.. — тихо скомандовала мать. — Мы не будем обедать. Тебе уже пора. Здесь ты уже все, что мог, высказал.

Когда Андрей понуро спустился и вышел из подъезда, рядом с ним с глухим грохотом упал принесенный им пакет с едой. Звякнуло разбитое стекло. Сверху на балконе стояла мать и надменно взирала на произведенный ею эффект.

«Пора. Пора мне в монастырь. Совсем запутался. Все сыплется».

Покров

Долгожданного третьего сына отец назвал в свою честь Владимиром, хотя звали его только Вовой. У него имелись еще два брата, но они были старше его настолько, что к Воле относились снисходительно, скорее по-отечески, чем как к брату. Мать его работала в милиции, где ее очень ценили за знания и покладистость, дома она в основном отдыхала, поэтому, чувствуя свою вину перед поздним ребенком, задаривала его игрушками, баловала его не как мать, а как бабушка.

Отец по субботам приходил с работы с бутылкой вина. Обив ножом сургуч и выдернув пробку, сразу выпивал стакан темной пахучей жидкости и только после этой торопливой операции приступал к разогреву котлет. Как-то из командировки по Грузии он привез множество воспоминаний, длинных тостов и привычку вместо водки пить вино с сыром и зеленью. Пока шипящие на плите котлеты с гречневой кашей наполняли кухню домашними томными ароматами, отец, напевая, резал брынзу, споласкивал кинзу и укроп, чистил маринованный чеснок и тонко, кольцами, нарезал бордовый краснодарский лук. Только после этого весело и громко звал сына к обеду.

Вова садился на табурет и принимал из отцовских рук брынзу с зеленью и кольцом лука. В эти редкие минуты Вова переставал бояться отца, и ему в который раз казалось, что вот теперь они подружатся и сблизятся. Отец опять рассказывал о своей звездной минуте, когда сам Сталин подошел к нему, охраннику Мавзолея, зоркому часовому на боевом посту номер один, и пожал ему руку. С каждым рассказом количество деталей росло, и Воле казалось, что событие это длилось по меньшей мере год.

Но вот уровень темной жидкости в бутылке снижался, так же снижалось и их настроение: у сына от наступающего страха, а у отца — от всплывающих в памяти воспоминаний. Жилистые кулаки отца сжимались, глаза стекленели, изо рта рвались злобные ругательства и проклятья врагам партии и народа. Иногда и Воле доставались в такие минуты звонкие оплеухи или жесткие подзатыльники, поэтому он сжимался в

комок, молчал и тупо смотрел в свою пустую тарелку с застывающими блестками желтого жира. Когда, по мнению отца, все враги до единого уничтожились под беспощадным огнем его классовой ненависти, он допивал последние капли вина, качаясь, вставал и, перебирая руками по стене, бормоча ругательства, брел в спальню. Там он всегда курил, лежа в постели, поэтому Вова обязан был проверить, не уснул ли он с горячей сигаретой в руке. Только после того как сын видел окурок погашенным в хрустальной пепельнице, а отца — протяжно храпящим, он мог расслабиться.

Тогда он наливал в бутылку из-под вина кипяченой воды, подрезал брынзу и подкладывал зелень, садился на табурет отца и, попивая из отцовского стакана розоватую воду, пахнущую вином, покуривая отцовскую пересушенную сигарету, своему воображаемому сыну рассказывал выдуманные истории о своих подвигах. Сейчас, в этом его мире мальчишеских мечтаний, которые для него были гораздо важнее жизни настоящей, он не был плаксой и хлюпиком, трусом и ябедой. В эти минуты своего триумфа он своему сопливному сыну хриплым басом рассказывал, как он героически бьет и пытается, режет, стреляет и насилует, как смачно вытирает кровь с ножа и стряхивает мозги врага со своего кителя. Иногда в его «воспитательную беседу» врываются воспоминания прошедшего дня, когда его лупили все, кому ни лень, даже девчонки, за его очередную гнусную подляночку, за его наущничество и фискальство... И чем более гадким он себе самому казался, тем более изощренные пытки и кровавые убийства смачно живописал он своему хилому недоростку.

Однажды Вова настолько увлекся своей кровавой выдумкой, что не заметил, как в проеме двери показался проснувшийся отец, который изумленно и трезво взирал на своего наследника. Отец тогда молча встретил затравленный взгляд юного душегуба, опустил свои налившиеся кровью глаза и молча ушел в спальню. Через полторы сотни громких раскатистых ударов собственного сердца Вова услышал храп отца и опомнился от страха, обнаружив свои брюки мокрыми. Суетливо простирал брюки, положил их в своей комнате на батарею и стал быстро убирать со стола. Отец ему вечером ничего не сказал, но ненависть между ними и отчуждение выросли еще больше, а субботние рассказы отца стали более гуманными и патриотичными.

Когда Вова повзрослел, и несколько его первых влюбленностей ничего, кроме тоски и боли, ему не принесли, он возненавидел своих одноклассниц и сокурсниц. Он не выносил их смеха и одежды, походки и кокетства, от их запаха его мучило. ▯

Только однажды в него, уже тогда дипломника, влюбилась только что приехавшая из деревни первокурсница и весь запас нерастраченной девичьей жалости, которую она приняла за первую любовь, пыталась излить на этого одинокого и никем не понятого прыщавого парня. Вова в первое их свидание пытался лезть с поцелуями, при этом сильно робел, потел, отчего сам себе становился противным. Девушка сначала со смехом отбивалась, потом уже без смеха и довольно сильно и болезненно для чахлого парня, а потом, оттолкнув его своими сильными руками, опрокинула его на спину, засмеялась и убежала. После они обходили друг друга стороной. А женщин Вова возненавидел окончательно.

Братья его жили собственной жизнью, куда Вову не допускали. Старший совсем уже спился и превратился в подзаборника. Работал грузчиком до первого запоя, потом его выгоняли, снова находил работу, снова выгоняли, так и жил он от запоя до запоя, от работы до работы. Мать его несколько раз спасала от ЛТП, но потом вышла на пенсию, заболела от тоски и безделья и умерла от рака крови. А тут и ЛТП отменили.

Средний брат занялся воровством, его кто-то там «подставил», и очень скоро очутился он на нарах. Характер имел он строптивый, неуживчивый, кроме того, закладывал всех, кого не лень, начальству, писал отцу из зоны злые обиженные письма, поэтому никто в семье, включая Вову, не удивился сообщению о его «самоубийстве через повешение».

Отец на пенсии от безделья занялся садоводством, вместо заброшенной халупы на своем участке отстроил двухэтажный дом, нагородил теплиц, стал было разводить цветы и помидоры на продажу, но как-то во время весенней посадочной компании после ночного застолья с бывшим коллегой по органам у него случился инсульт. С тех пор лежит на кровати, плачет, бредит и ругается.

Вова изредка подходит к нему сменить белье и накормить, но делает это небрежно, чтобы скорее уединиться в своей комнате, где можно спокойно читать детективы, смотреть триллеры по телевизору, а по ночам предаваться мстительным утонченным мечтаниям.

Вова не пил и не курил, на людях оставался тихим и молчаливым. Ничем не отличался от множества молодых мужчин, которых женщины считают неудачниками. Как-то после работы, когда запах от одной из сотрудниц его отдела довел Вову до тошноты, он решил пройтись домой пешком. Весенний вечер благоухал смолистой листвой и первыми цветами. Первое ошеломляющее майское тепло опьяняло и раздевало горожан чуть не до пляжного уровня. Он шел через парк, свернул на безлюдную аллею и в густых сиреневых кустах увидел девочку...

...Когда по телевизору в его любимой передаче криминальной хроники показали сюжет о зверском изнасиловании и убийстве девочки, он на это никак не отреагировал. А его сладострастные кровавые мечтания с детства услаждали воображение и были его привычной второй жизнью, которой он жил наряду с первой — серой, тошной и унылой...

В этот вечер Вова снова бездумно брел по аллее парка, с удовольствием дышал свежим воздухом.

Стройная молодая женщина сидела на лавочке, подставив улыбающееся лицо ласковому вечернему солнышку. Изредка она поглядывала на играющую невдалеке дочурку в ярко-красном платьице. К ней подсел стильно одетый брюнет и заговорил с ней бархатистым баритоном. Он был прямой противоположностью ее мужу, зато очень походил на тех красавцев, которыми она любит в заокеанских фильмах. Она мгновенно включилась в эту древнюю игру, отвечала веселым певучим голосом, наблюдая себя со стороны. Сейчас она себе очень нравилась: поза ее максимально подчеркивала стройность длинных ног, речь проявляла женственность и страстность, умело сдерживаемую приличным воспитанием. В уме она уже просчитывала, что у них с этим красавчиком может сложиться, как, где и на каких ее условиях. Сценки одна слаще другой проносились в голове, заставляя сердце биться часто и сильно.

Иришка выпросила, наконец, мороженое и уже было начала разворачивать блестящую обертку, но мама ее остановила. Она объяснила дочке, что воспитанные дети никогда не едят на ходу и что для этого нужно хотя бы присесть на лавочку. Лида поискала ее глазами, увидела невдалеке парк с уютными аллеями, на которых стояли деревянные резные лавочки. Туда они и отправились отдохнуть от магазинной толчеи и полакомиться мороженым.

Юра устало вышел из офиса, сел в машину и отправился домой. Можно было не торопиться, так как Лида с Иришкой собирались пробежаться по магазинам детской одежды. Лида час назад позвонила ему и сказала, что они пока ничего подходящего не нашли и поэтому задержатся. Юра вспомнил, что у него кончились лезвия. Последнее уже затупилось и дерет кожу, поэтому пора купить новые. Он медленно вел машину по второй полосе и высматривал подходящий магазин.

Вдруг сердце сжалось беспричинной тоской. Он стал вспоминать, не забыл ли чего на работе, но там все было нормально. Тоска нарастала, а причину ее Юра разгадать не мог. Вот из-за угла показалась церковь. Он неожиданно для себя направил машину к бордюру, отыскал свободное место и вклинился в шеренгу плотно стоявших машин.

В церкви он купил свечи и подошел к ближайшей иконе, жадно всмотрелся: Богородица в богатом храме стояла не среди людей, а над ними — на облаке среди святых с нимбами. В руках Она держала покрывало. Юра прочел название иконы: «Покров Пресвятыя Богородицы».

Вдруг в его сознании возникла картина: Иришка среди деревьев, в лесу вроде, идет навстречу какому-то черному жуткому существу, от которого веет звериной злобой.

Ноги Юры от слабости подкосились, он упал на колени, и его глаза оказались перед табличкой. Он читал, запинаясь о малознакомые буквы и слова, но все же упрямо дочитал и горячо повторял — снова и снова — спасительные слова мольбы о защите: «...и к Твоему взирающе пречистому образу, умильно глаголем: покрый нас честным Твоим покровом и избави нас от всякого зла...»

Сколько он там простоял, сколько раз прочел слова молитвы — он не знал, время растянулось и сгустилось одновременно. Остановился он только после того, как в душе ощутил явное облегчение и неожиданное спокойствие: невидимая рука отвела зло от его маленькой дочки. Только тогда он встал с колен, обыскал карманы, вынул все деньги и молча сунул в ящик пожертвований на реставрацию храма.

...Иришка доела свое мороженое, выбросила обертку в урну и подошла к девочке в красном платье. Та сразу похвасталась своей куклой Барби, длинноногой, как ее мама. Девочки стали обсуждать наряды куклы, каждая захлеб тараторила о том, какие платьица и брючки для Барби выпросила она у своей мамы. Потом вдруг девочка в красном платье предложила Иришке сбежать от взрослых в заросли густых кустов.

Лида сидела на краю лавки и невольно подслушивала щебетания парочки, что сидела рядом. Их диалог подозрительно напоминал те, которые она слышала по телевизору во время показа мексиканских мыльных опер. Когда-то Лида сама часами вникала в эту переслащенную тягомотину, но позже стала раздраженно выключать телевизор, когда напомаженные красавчики со стеклянными глазами снова заводили свою бессмысленную бесконечную муру. А эти двое, кажется, уже договорились о свидании и теперь увлеченно обсуждают детали.

Краем глаза Лида увидела, как Иришка вместе с девочкой в красном платье без спросу побежали в заросли кустов. Сначала она колебалась: идти за ними или пусть себе погуляют. Но вдруг сердце сжала тревога, она вскочила и побежала вдогонку. Настигла она беглянок уже на соседней аллее, где было безлюдно, сумрачно от наступающих сумерек и густой растительности. Она схватила Иришку за руку и шлепнула ее по мягкому месту. Та обиженно надула губки, но сразу обмякла и виновато затихла.

Подружка же ее в красном платье отбежала в сторону и стала корчить рожицы, обзывая Иришку маменькиной дочкой. Лида строго потребовала, чтобы и та вместе с ними вернулась к своей маме, но девочка показала язык и скрылась в кустах. Они вернулись на просторную светлую аллею, и Лида резко сказала маме беглянки, что надо бы следить за своим ребенком. Но мама девочки в красном только махнула красивой рукой, переложив длинные, стройные, как у Барби, ноги, оценила себя со стороны и, удовлетворенная своим неотразимым шармом, продолжила судьбоносную беседу с красавчиком-брюнетом.

Вова брел по безлюдной аллее, глубоко вдыхал напоенный томными вечерними ароматами воздух и чувствовал нарастающее волнение. Тропинка, по которой он неслышно ступал мягкими подошвами сандалий, сворачивала вглубь леса. За кустами послышались чьи-то торопливые шаги и смех. Вова остановился и осторожно отогнул несколько веток. Там, на тропке, бегали девочки и весело переговаривались. Он весь превратился в зрение и слух.

С сожалением наблюдал он, как одну девочку увела мать, от которой исходила необъяснимая опасность.

Зато другая, в красном платье, осталась и даже сама побежала вглубь зарослей, где уже никто не сможет ему помешать. Вот уж, действительно, на ловца и звереныш бежит! Он растворился в бурлящей сладости животного восторга и превратился в охотника за беззащитной жертвой.

Монастырь

Выручил всех Юрий. Он предложил свою «Ниву» и выразил готовность ехать с ними к отцу Алексию, знакомство с которым так его поразило.

В машине спереди сидели братья, а сзади Бугор с Геной. Последние не разговаривали. Наверное потому, что от Гены веяло густым перегаром и самодовольством. Он не проявлял ни малейшего желания раскаться, всем своим видом выражая упрямство: пил и буду пить, а вы мне не указ.

Юра рассказал брату о причине своего внезапного решения съездить в монастырь. Андрей внимательно выслушал, кое-что уточнил и, перебирая четки, углубился в молитву.

На остановках в Переславле и Ростове Гена озабоченно сбегал от всех и возвращался в машину повеселевшим, со свежим запахом спиртного. Бугор ничего не говорил, но в сторону Гены даже не смотрел. Юра для снятия напряжения включил радио. Оттуда неслась сплошная похабщина комментаторов-ди-джеев вперемежку с африканской музыкой, похожей на буханье сваезабивочного копра.

Переславль и Ростов произвели гнетущее впечатление своими храмовыми строениями, принадлежащими Министерству культуры, потому чужими и бездушными. Суета молодежь европейских пенсионеров только усиливала впечатление показухи. Нищета народных районов соседствовала с нагло демонстрируемым богатством особняков нуворишей и офисов банков. Да еще низкие серые облака и холодный ветер с косым дождем тоже совсем не улучшали настроение. На подъезде к Иванову Гену разморило, и он заснул, привалившись к боковому стеклу, но на поворотах его бросало в сторону Бугра, и тот, ворча, отталкивал его подальше от себя.

Справа сзади что-то мягко постукивало. Бугор предположил, что это брызговик бьет на ветру. Машина летела легко, двигатель звучал ровно, поэтому водитель ехал дальше и не обращал внимания на эти мягкие ритмичные удары.

Юра гнал машину от Ярославля без остановок.

После путанного и суетного Иванова, плотно накрытого темно-серыми облаками, стали появляться синие разрывы, из которых иногда ярко взблескивало летнее солнце.

Не доезжая до монастыря километров тридцать, обогнули сельцо с разрушенной церковью и решили остановиться в поле, чтобы у Гены не появилось соблазна еще раз «добавить».

Андрей с Геной сидели на обочине грунтовок в густой просохшей уже траве среди обширного поля люцерны и слушали тишину. Небо все чаще позволяло солнцу выглядывать из-за пелены многослойных причудливых облаков. Юра с Бугром поехали к избе на горизонте уточнить дорогу и купить молока. Метрах в трехстах работала косилка. Но вот она остановилась, и из стеклянной аквариумной кабины выбрался механизатор в светлой ковбойке и бегом направился к ним.

— Ты погляди, — указал на бегущего Гена, — спешит так, будто выпить хочет.

— Кто про что... — вздохнул Андрей.

— Ух, успел! — констатировал механизатор и сел на траву рядом. — Я чего бежал-то: спички есть? Мои отсырели.

Гена разочарованно протянул зажигалку.

— Тебя как зовут, бегун? — глядя в серое небо, издали начал Гена.

— Да имя у меня — один позор! Яврейское какое-то — Рафаил. Всю жизнь стыжусь его.

— А ты разве не знаешь, что Иван и Мария — тоже еврейские имена? — подал голос Андрей.

— А что, правда? Еврейские?

— Ну, да. А именем своим ты гордиться должен, оно у тебя не человеческое, а архангельское. Есть на небесах Архангел Рафаил. Вот какой у тебя Ангел-хранитель.

— Ну, ладно! Короче, Склихасофский, у тебя че есть? — вернул разговор в нужное ему русло Гена.

— Сейчас подвезут.

— Вот это другой разговор, — уже с улыбкой продолжил Гена. — Ты вообще-то крещеный, мужик?

— Не-а. Некому было...

— Ты же русский, значит, должен быть православным. Вон рядом в селе церковь какая красивая — и разрушена до сих пор, — Гена вскочил и зажестикнул руками. — По всей России храмы восстанавливают, веру народу возвращают, а ты здесь только самогон пьешь да имени своего архангельского срамишься. Не-хо-ро-шо!

— Так креститься, поди ж, денег надо? Кто за так-то чего делает? А у нас денег уже несколько лет не платят. Правда, мы тут с сыном две недели одному из Москвы лесины из самой чащи на лошади возили. Одну к одной подобрали. Лучшие — прямо, как струнки. И все одной толщины. Он нам целых тридцать рублей дал. Так мы сахару сразу купили. Ну и выгнали. На зиму теперь запаслись. Да у нас кроме сахару все свое. Одна проблема — сахар! А других нету. Вон сын с внучкой едут уже.

По дороге на велосипеде подъезжал белобрысый молодой мужчина с такой же светловолосой девочкой лет десяти. Оба в резиновых сапогах, синих брюках и голубых рубашках. Остановились, положили в траву велосипед, сын расстелил газетку и выложил на нее хлеб, луковицу и осторожно выставил бутылку, закупоренную свернутой газетой, и граненый стаканчик. Познакомились, пожалы крепкие мозолистые ладони. Сына звали Алексеем, девочку — Людой. Она стеснялась и жалась к широкой спине отца, выглядывая из-за нее на незнакомцев, как из-за щита. Рафаил сразу налил московскому гостю самогону. Андрей отказался и отсел подальше: напиток источал совершенно тошнотворный дух. Гена крикнул и хрустнул луковицей, пожевал ржаного хлеба:

— Вот это я понимаю — пикник на обочине. Ну, так что, братья и сестры, в воскресенье приедете креститься в монастырь?

— Опять же машина нужна. До монастыря целых тридцать километров, — снова засомневался Рафаил.

— А Витька собирается в район ехать — он нас и довезет, — предложил Алексей.

— Вот видите, как все устроивается! — воскликнул Гена. — Так, что еще нам мешает?

— Деньги, — подсказал Рафаил.

Андрей расстегнул карман и вынул пятидесятирублевую купюру, свернул ее вчетверо и протянул Рафаилу.

— Что это? — не понял тот и стал вертеть бумажку перед глазами.

— Деньги это, — пояснил Андрей. — Хотя для тебя это не деньги. Потому что потратить ни на что другое, как на крещение, ты их не можешь.

— Почему? — Рафаил все еще держал в левой руке стакан со зловонной жидкостью, а правой водил перед глазами купюрой.

— Потому что... в преисподнюю... сразу... провалишься, — с расстановкой предположил Гена.

— Нет, вы мне поясните, ребята, что это такое? — настаивал Рафаил.

— Это. Пятьдесят. Рублей. Ассигнацией, — терпеливо пояснил Гена, подхватил наполовину расплескавшуюся порцию самогона и выпил. — Все равно прольешь...

— Это что, вот так они сейчас выглядят? Пятьдесят рублей. Это сколько же сахара из них получится, — зашевелил он губами, подсчитывая.

— Э-э-э! Прекратить бухгалтерию! Я те дам сахара! — под шумок наливая себе еще стаканчик, зашумел Геннадий Иванович. — Я, может, пол-России проехал, чтобы вот тут сесть и дожждаться, пока ты про спички свои мокрые вспомнишь. Я, может, из-за тебя эту вот гадость уже неделю пью, чтобы меня сюда привезли. А я тебя крестил! Так, что еще мешает, товарищи нехристи?

— Приедем, не волнуйтесь, дядя Гена, — спокойно, но твердо произнес Алексей.

— Ну, вот так, — кивнул удовлетворенно Геннадий. — Не зря на свете прожил, если хоть троих на путь наставил. Это судьбоносное решение надо обмыть. А то вон уже сатрапы едут.

«Нива» на высокой скорости подъехала и затормозила в трех метрах от сидящих. Вышел Юра и сразу воскликнул:

— Ну, надо же! Средь чистого поля — и то сивуху нашел. А я молока ему привез, чтобы он перегар свой залил.

— Давай, одно другому не помешает. Мы тут с Андреем нехристей в истинную веру обращаем, пока вас носит неизвестно где.

— Ладно, горе луковое, пей молоко, и едем дальше.

Асфальтовое шоссе пролегалo по лесистым плавным холмам. Мелькали придорожные деревеньки и широкие хлебные поля. Высоко в небе парили коршуны, на проводах покачивали длинными хвостами сороки. Навстречу иногда попадались велосипедисты. Машина легко сбежала в низину, уверенно стала набирать высоту, въезжая на подъем. И вот из-за верхнего черно-зеленого среза леса сверкнул горящим золотом крест колокольни. А вот и сам монастырь появился, со следами многолетних разрушений, но по-прежнему величественный и могучий. Следы обновления радовали глаз серебристым блеском куполов и ровной белизной стен.

Машина через открытые монахом-привратником ворота въехала во двор, развернулась и встала. Паломники вышли из машины, и — тишина окутала их. Молодой привратник сбежал в одноэтажную постройку, откуда вышли двое в черных подрясниках: седой коренастый игумен Алексей и молодой эконоМ Михаил гренадерского роста.

Игумен радушно поприветствовал приезжих, каждого благословил. Предложил положить вещи и пообедать в трапезной, пока все горячее.

Дальше ими занялся энергичный Михаил. Он разместил всех четверых в новом братском корпусе в одной просторной келье с рядом застеленных уже кроватей. Пояснил, что скоро будет вечерняя служба, после которой батюшка сможет каждого принять и поговорить.

Братия уже пообедала, и они трапезничали вчетвером. Михаил подсел к ним за длинный стол и пил чай из большой кружки с отбитой эмалью. Бугор взялся накладывать в тарелки тушенную с овощами картошку. Андрей подвинул ближе блюдо с капустным салатом и наливал по кружкам жиденький чай.

Гена, несмотря на выпитый литр молока, ел с аппетитом и нахваливал простую монастырскую еду. Михаил рассказал, что каждый день к ним приходят деревенские ребята возрастом от десяти и до двадцати. Он им дает задание, следит за исполнением и каждый день расплачивается из расчета пять рублей на каждого. Для многих семей эти деньги чуть ли не единственный доход. Монастырь использовался при советской власти под механические мастерские, все тут трещало и рассыпалось. Снег через разрушенную кровлю падал прямо в помещения. Сейчас уже есть, где служить и где спать-есть, монастырские поля дают урожай, лес — грибы, а река — рыбу. Так что жить можно. Небогато и скромно — как жил основатель обители Преподобный. А впереди восстановление еще двух храмов.

— Так что работы много, — заключил Михаил.

На всенощную собрались в оштукатуренном храме с недостроенным иконостасом. Кроме четырех приезжих здесь стояли три женщины и шесть монахов. На клиросе двое

послушников читали и пели, четверо служили у иконостаса и в алтаре. Служба проходила неспешно и продолжалась четыре часа.

Когда вышли из храма, теплый тихий вечер опускался на обитель. Черные фигуры монахов безмолвно растворились в сумерках.

Теперь в ночном бдении, каждый в своей келье, они войдут в молитвенное общение с Богом и будут молить Его о спасении падшего мира, об оставшихся в миру друзьях и родственниках, помянут покойников... И те умершие, которые вопят в преисподней за грехи свои, получают послабление или прощение, а те, кто уже в блаженстве Царствия Небесного, у престола Господнего тоже восплают в молитве к сияющему во славе Вседержителю. И для нас незримо, а для Небес — яркими всполохами польются они к Милостивому и бесконечно Любящему всех людей. А к людям молитвы монахов вернутся какими-то успехами, нечаянными исцелениями, решенными «случайно» проблемами. А после смерти для многих людей эти молитвы, может быть, станут единственным спасением от ревущего пламени адского огня...

Михаил провел их в свою келью и включил электрочайник. Юрий сбегал за привезенными пакетами с чаем, кофе, печеньями и конфетами. Зашел игумен и присел на диван.

Андрей рассказал, с какими трудностями они сюда выбирались: про болезни и поломку машины Бугра, про резкие колебания погоды с проливными дождями. Отец Алексей сказал, что это у всех так: враг посылает искушения, чтобы отвратить людей от обители.

— Зато отсюда поедете спокойно и без каких-нибудь трудностей. Преподобный вам в дороге поможет. Мы, когда едем в Москву по делам, — батюшка слегка улыбнулся, — как увидим гаишника, молимся Преподобному — и тот нас будто не замечает. Даже если поднимает жезл, то останавливает не нас, а следующую машину. Вы тоже обращайтесь к святому с молитвой «Преподобный, помоги нам...» — и он вас не оставит.

Речь игумена напоминала спокойные воды могучей реки — неспешная и тихая. Но когда он говорил, все замолкали и ловили каждое слово.

— Отец Алексей, вот мы привезли к вам Геннадия, — заговорил Бугор. — Он уже второй раз срывается по пьяному делу. Можно ему тут поработать, чтобы и вам помочь, и с пьянкой покончить?

— Можно, конечно, руки умелые нам нужны.

— А то ведь лечиться он не хочет, а без работы совсем пропадет.

— А кто сейчас в миру лечит от пьянства? — отец Алексей поднял на Бугра глаза. — Жулики да колдуны. Лучше телом в страшных муках умереть, чем с ними душу свою загубить навечно. А пьянство тоже ведь неспроста. В житии Серафима Саровского говорится, что святой одному генералу предсказал, что будет ему попущено Господом пьянствовать три года, чтобы не погубить душу в гордыне. Так что пьянство иногда для смирения попускается. Только вот не дай Бог обращаться к колдунам-экстрасенсам и бабкам-ведьмам... Это на погибель души. Бабки эти сами уже в аду, и пациентов туда отправляют.

На своем стуле нетерпеливо заерзал Юрий:

— А у нас на работе несколько человек кодировались, так пить бросили. В семьях у них теперь полное спокойствие, стали в театры ходить, работают хорошо. Дети ими гордиться стали, а раньше стыдились друзей в гости приглашать. А один даже на воспитание двух сирот из детдома взял. Что же здесь плохого?

— Плохо то, что на душу свою печать сатанинскую поставили и для преисподней ее приготовили, — так же тихо произнес батюшка страшные слова. — И теперь подумайте, что для семей лучше: такой трезвый сатанист или пьяный, но Божий человек. Церковь ведь лечит пьянство — молитвой, постом, физическим трудом, покаянием. ▯

— А если вера слабая? Молишься-молишься, а по твоим хилым молитвам никакого трезвения не получается. Что же тогда, терять человеческий облик да

подзаборником становиться? Где тут правда? — возмущался Юрий. — Да и сколько верующих пьют горькую!

— Правда Божия и правда человеческая несколько различаются, — задумчиво произнес отец Алексей. Затем, помолчав, добавил: — А чаще всего они прямо противоположны. Искать мы должны прежде всего правду Божию. Что же касается верующих... То ведь и бесы в Бога верят. И сатана Бога боится, но сути своей при этом не меняет. Главное, чего нет у сатаны, — это смирения. Вот через смирение к Богу и приходят.

После разговора с батюшкой перед сном повел их Михаил за монастырскую стену, где в ста метрах протекала речка. Они разделись и забрались в теплую воду. Течение в этом месте было несильным, но со дна били холодные ключи, и там, на глубине, вода была намного холоднее. У берега в воде у самой поверхности колыхались и перекатывались длинные водоросли. По поверхности воды бегали на длинных лапках жуки-пловуны.

Когда они выбрались на берег, их тут же окружило облако мошкары, зазвенели комары, поэтому одевались они спешно, постоянно шлепая себя по укушенным местам. После купания сразу отправились спать, несмотря на раннее для горожан время. Здесь очень быстро менялись привычки.

Утром после службы и трапезы Юрий предложил посетить Плес. Его знакомые художники называли этот городок не иначе, как «Мекка для пейзажистов». Гену с собой не взяли, отдав его в подчинение Михаилу.

Снова неслись они на «Ниве» по довольно приличным дорогам среди полей и лесов. За окнами мелькали деревеньки и села с разрушенными церквями. В этот субботний день людей почти не видели. Только несколько грибников с полными корзинами шли по обочине или ехали на велосипедах.

— Ты, Андрей, объясни мне насчет правды Божией и человеческой. Что имел в виду игумен?

— А, это то, что они почти всегда различны? Ну ты вот сравни. Правда Божия: цель жизни — спасение души в покаянии для Царствия Небесного. Правда человеческая: цель жизни — получить все возможные удовольствия, используя все средства, — и в геенну огненную. Сравни: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» — и человеческое: бессильный человек хуже тряпки. Или вот: во время болезни необходимо усиленное питание — это у врачей; «род этот изгоняется постом и молитвой» — это слова Иисуса Христа. У людей богатство — благо, у Бога — легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Небесное. У людей человек, не имеющий гордости, — недочеловек, у Бога гордость — смертный грех. У людей — гений и злодейство несовместимы, а у Бога сверхчеловеческий гений — это воплощенное зло, а нищие духом — блаженны.

— А мне понравилось, как батюшка насчет веры сказал, — подал голос Бугор. — Что и бесы верят, и сатана Бога боится... Только смирения у этого отродья нету. Надо с батюшкой о смирении поговорить. Как в миру этому научиться? Иногда смирение может повредить делу, по-моему...

— Обязательно поговори, Бугор. Нас ведь тоже с детства воспитывали в гордости. А батюшка может так об этом сказать, что на всю жизнь запомнишь. Видишь, как западает в память то, что он сказал? Вот приедем домой, а слова его мало-помалу все будут всплывать в памяти и терзать душу.

— А давайте купим парного молочка, — предложил Юра, сворачивая с дороги в симпатичную деревеньку.

От других прочих эта деревня отличалась обильной зеленью, в которой утопали крепенькие избы с резными наличниками. За приусадебными участками протекала извилистая речка. Имелась тут и запруда с плотиной, вокруг которой на ровном, будто подстриженном, газоне стояли баньки. От каждой тянулись к пруду мостки. На одном из них молодая хозяйка полоскала белье. Путешественники подошли к самой красивой избе и вошли через распахнутую калитку во двор. Им навстречу с завалинки поднялся старик, отбивавший тонкое лезвие косы.

— А что, отец, не угостишь ли заезжих молочком? — громко спросил Юрий.

— А вы заходите в избу. Там хозяйка вам и нальет.

Они вошли в просторную горницу и увидели необычную картину. Старушка чистила картошку в стоящее перед ней блюдо и смотрела большой японский телевизор. Пульт управления лежал рядом на столе.

На вопрос о молоке она ответила утвердительно, но снова обернулась к телевизору и пояснила:

— Вот сын привез на днях этого бегемота, так оторваться не могу. Да вы присядьте. Гляди — это ж срам один, какие мужики пошли. Я полчаса разглядывала, прежде чем поняла, что мужик. Волосенки отрастил, как у нашей Зинки из сельпо. Крашенный весь, в помаде. Ну, ровно какая профурсетка! А, мамынька! И ручкой-то подрыгиват, и ножкой-то сучит, будто по нем блохи скачут. Это у вас там все такие?

— На телевидении, бабушка, таких много.

— А что, путевых не осталось? — она оглядела гостей, удостоверилась, что вид у них терпимый, и взялась за пульт. Ее корявый большой палец довольно резво бегал по кнопкам, переключая каналы.

— Гляди, кровящи скока, — у меня дед, когда поросенка режет, то меньше получается. Рожи зеленые пошли. Спортились совсем. А во — девка тоже дрыгается, эта наоборот, на мужика смахивает... тоща-то, тоща! Одни мослы под штанами. Скуластенка... Совсем муж до срама довел. Аль такие безмужни, а?

— Случается, что выходят. Но ненадолго.

— Так кому такая костлявая нужна? Я видела, там у вас и пухленькие бывают. Мягонькие-то все лучше. Нет, гляди-глядя — и доходяга эта в трясучку пошла. Если б не музыка — во грохоту было бы! Как от погремушки. А это кто такой справный? Сразу видно, зарплату домой носит. Этот самостоятельный. На механика нашего похож. Тот даже техникум кончил. Когда напьется — по улице не ходит, а скромно — все по гумнам, огородами винтует. Так кто этот солидный?

— Бандит. Всю страну ограбил.

— Ну, надо же! Как справный — сразу бандит. Нет у вас там порядку, ребята.

— Есть, бабушка, только по этому ящику его редко показывают. Этим «справным» не выгодно. Не все еще из страны вывезли.

Плес начался домами отдыха, уютно стоящими на густо поросших густыми зарослями холмах. По крутой дороге мимо лениво бредущих отдыхающих они спустились к набережной Волги.

Вышли из машины и неспешно побрели вдоль реки по березовой аллее. Старые вековые березы ровно посажены чьей-то заботливой рукой много лет назад. Вот уж человека давно нет, а березки стоят и радуют глаз. От воды потягивало прохладным тинистым душком. Многочисленные лодки уткнулись острыми носами в каменистый берег. По воде туда-сюда сновали катера, тяжело тащились баржи с песком.

Вдоль набережной теснились купеческие домики прошлого века. Рядом с их разноликими фасадами кучковались художники с этюдниками. Они продавали свои картины, отдаленно напоминающие пейзажи самого знаменитого посетителя этих мест — Исаака Левитана.

А вот и домик, где проживал художник. Путешественники вошли внутрь и оказались среди знакомых со школы пейзажей, на которых узнавалось только что виденное природное раздолье. Вот, например, только что они любовались вот этим пологим лесистым берегом под высоким синим небом в легких облаках. Но на полотне все это светится и пронзается лучами солнца, трепещет и летит ввысь, направляемое мощными мазками пейзажиста. А вот «Над вечным покоем»!.. Так бы оторваться от крутых холмистых берегов и взлететь в небесные просторы...

Поднялись они и на второй этаж, где жил художник. Потолки там были низкими, и Андрею пришлось несколько ссутулиться. А ведь на фотографиях художник не выглядит низкорослым. В комнатах все аскетично скромно: столик, узкая кровать, маленький шкафчик, полудетские стульчики; но совершенно роскошно при этом выглядят мольберт и вид из окна.

Городок уютно расположился на крутых зеленых холмах. Красочные домики или куплены уже, или сняты художниками. Всюду они: кто бредет, кто стоит с этюдником и мрачно стреляет острыми глазами из-под буйной волосяной растительности на досужих прохожих.

Забрались наши путешественники и на гору Свободы. И представилось, как отсюда, с этой высоты, гремел могучий бас Шаляпина, приехавшего сюда набраться мощи. И гудел его органнй голосище, наполняя ветреное пространство: «Э-ей, ухнем!»...

Храмы белыми свечами освещают беспредельную синеву небес. Прозрачные березы белеют среди сочной душистой зелени. Синие воды обширно разлились текучими блестящими зеркалами.

«Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас», — произнес под дверью кельи Андрей. «Аминь», — послышалось из-за двери. Андрей вошел и присел на предложенный ему стул. В маленькой келье, еле вмещавшей лишь столик и узкую кровать с двумя стульями, стены увешаны иконами и книжными полками.

Андрей рассказал о поездке в Плес, восторгаясь красотой природы и талантом пейзажиста. Батюшка никак на этот рассказ не отреагировал. Андрей поинтересовался, как тот отнесся к Геннадию.

— Ничего, человек он работающий, Бог даст — потихоньку исправится. Конечно, война его здорово покорежила. Но ведь и к Богу привела. Пусть поживет здесь, подальше от соблазнов.

— Посоветуйте, батюшка, как жить с людьми, которые не принимают веры.

— Любить их. Как болеющую руку мы больше жалеем и лечим, так и этих несчастных больше надо жалеть. И молиться за них. Отвержение Бога — это ведь духовная болезнь.

— А как относиться к их агрессивным поступкам?

— Терпеть и бесконечно прощать. За такое терпение Господь венцы в Царствии Небесном дает. И ни в коем случае не осуждать! — отец Алексей даже палец поднял, требуя внимания. — Если осудишь — сам подпадешь под тот грех, который осудил. Это уже многими святыми отцами замечено. И в моей практике неоднократно случалось.

— Но ведь осуждение — это ответная реакция моей возмущенной души. Как с этим справиться?

— Надо знать, что поругание верующих Господь попускает для духовного укрепления нашего. Никогда Он так не близок к нам, как во время искушений. Враг посылает в тебя стрелы осуждения — а ты их распознаешь и тут же просишь молитвенно Господа сил не впасть в осуждение, тут же проси Его простить поругателя. Господь услышит твою мольбу и сразу отразит стрелы лукавого. Научись радоваться посылаемым искушениям. Преодоление каждого из них — это восхождение еще на одну ступеньку к Богу.

— Вот недавно приезжал ко мне старый знакомый. Я от него за несколько часов получил такой заряд злобы и желчи, что не мог успокоиться недели две. Я молюсь за него — и молитва тормозится. Я ловлю себя на том, что постоянно с ним спорю, выдвигаю ему все новые и более сильные аргументы.

— Значит, ты уже пропустил стрелу осуждения и впадаешь в страсть. А через страсть и грех входит в душу и поселяется в ней. В таком случае остается только взывать всем сердцем ко Господу и плакать о своем прощении. Взять на себя подвиг поста и молитвы, благословясь у духовника. Но ни в коем случае не запускать страсть, не позволять ей овладеть душой. Враг наш только и ждет момента, когда мы впадем в это страстное обольщение.

— Но ведь жалко таких людей, люблю я их!

— Ты что же думаешь, Господь любит их меньше? Это от гордыни нашей.

— Но я же вижу, как от разговоров со мной, от моих писем они становятся лучше. Начинают задумываться о серьезных вопросах, о смысле жизни и воздаянии! В конце концов, приходят в храм, начинают бороться с грехами, становятся чище. Вот эта потребность делиться чем-то хорошим, своими открытиями — это разве плохо?

— Слава Богу, если так... Только вот о чем ты подумай, Андрей. Ты недавно вошел в храм, накопишь богатство нетленное. Накопляешь — и тут же расточаешь его. Вот возьми пример с Пушкиным. Сколько таланта ему было даровано Господом, и как он его рассыпал... как жемчуг из евангельской притчи. Постой, не шуми... Теперь подумай, если бы он сумел накопить богатства, окончательно прийти к истине, — каким бы светочем духовным он стал, представляешь? И тогда не было бы его стыда за богохульную «Гавриилиаду», этих его страшных светских долгов, мерзких сплетен и дуэлей. Вот и ты не торопись расточать, накапливай; а уж там — как Господь тебя направит. Ведь прежде чем выйти в общественное служение, святые имели затвор и выходили из него по велению Господа. Не поддавайся суете и беги страстей.

Утром на литургии среди пришедших стоял празднично одетый Рафаил с семейством. После службы молодой священник отец Федор повел их на пруд Преподобного. Пошли с ними и Андрей с Геннадием как восприемники.

В храме, недавно оштукатуренном, многие рамы не имели стекла, поэтому было довольно прохладно, и у Андрея начался насморк. Он даже пару раз громко чихнул. Отец Федор посоветовал умыться святой водой из пруда. Они подошли к небольшому пруду, заросшему по берегам осокой, с мостками на водной глади в виде креста. Андрей умылся и прополоскал носоглотку святой водой, произнося мысленную молитву Преподобному. Прохладная мягкая вода слегка обожгла носоглотку и лицо — и насморк сразу прошел. Зато появилось ощущение чистоты и радости.

Таинство крещения проходило в центре образованного мостками креста. Сначала в прохладную воду окунался Рафаил, потом его сын Алексей. Дочка сына Людочка испугалась, когда ее погружали в воду с головой, но мать ее быстро вытерла, одела и успокоила. Во время крещения в бирюзовом небе ярко сияло солнце, словно сусальным золотом горели стволы могучих сосен, обступившие пруд. Летали стрекозы и птички. Все вокруг радовалось и приветствовало новокрещенных.

Когда они пешком по высокой траве вернулись в монастырь, Рафаил вынул из кармана платок, развернул его и зажал в загорелых пальцах сложенную вчетверо полусотенную купюру.

— Андрей, кому платить?

— Пойдем к игумену. Сам отдашь ему в руки.

Игумен Алексей стоял в окружении семьи приезжего священника, который рассказывал об уникальных компрессорах двигателей суховских истребителей. Матушка подняла копошившегося в пыли годовалого мальчишку, молча отряхнула штанишки несколькими тренированными движениями и также молча поставила на асфальт. Он тут

же плюхнулся на попку и стал ловить растопыренными ладошками ползающую букашку. Матушка уже заплетала косичку розовошкой толстушке лет четырех.

— Чтобы уйти от ракеты, нацеленной на сопло двигателя, самолет задирает нос и продолжает лететь вертикально, — батюшка показывал на руках этот лихой маневр. — При этом, по идее, двигатель должен захлебнуться. Но он работает, нарушая все законы термодинамики.

...Руки Андрея коснулось что-то теплое и легкое. Он опустил глаза и увидел девочку. Она молча показала пальчиком на свои туфельки с развязанными шнурками. Он присел и ощутил на своей щеке ее пушистое дыхание и щекотку от пряди светлых волос. Завязал шнурки и подтянул повыше съехавшие белые носочки. Ножки девочки искусаны комарами и покрыты розовыми пятнами мази. Он поднял глаза — девочка улыбнулась, бросила: «Спасиса» и убежала по своим неотложным детским делам.

Игумен извинился перед гостем, кивнул подошедшим новокрещеным и поздравил их с главным в их жизни событием. Каждого благословил и помазал душистым миром из Иерусалима, только что подаренным ему приезжим священником.

Рафаил протянул игумену деньги:

— Это за крестины...

— Возьми себе, — улыбнулся батюшка, — только потрать не на водку, а на что-нибудь хорошее. Ведь у вас сегодня такой большой праздник — будто заново родились!

Они отошли от священников, Рафаил испуганно смотрел на деньги и бормотал:

— Дак, если не на водку, то куда ж такие деньжищи? Это ж надо — подарил... Вот новость так новость...

— Рафаил, ты зайди сейчас в магазин, — предложил Андрей, — купи конфет, пачку хорошего чаю и дома посидите за столом, отпразднуете свое второе рождение.

— Крестник! — обнял оторопевшего Рафаила Гена. — А ты не трать их вообще! В рамку — и на стену, чтоб на память.

— Нет, надо обязательно отпраздновать, чтобы запомнилось, — внес свое предложение в диспут Юрий и в широкую мозолистую ладонь Рафаилу положил сотенную бумажку. — А это от меня, чтобы еще веселей за столом было.

Глаза застывшего Рафаила выкатились из орбит, и он, онемевший от свалившегося богатства, стоял на полусогнутых ногах среди собравшихся приезжих и подошедших молодых монахов и переводил взгляд с улыбающихся лиц на деньги и обратно. Тут ему на помощь подоспела энергичная черноглазая невестка, взяла деньги, убрала в кошелек и уверила собрание:

— Не волнуйтесь, праздник без водки я им организую. Отец, хватит воздух ртом ловить, пошли в машину — домой пора.

Рафаил скованно улыбнулся, неловко всем поклонился и хрипло произнес:

— Спасибо, братцы!..

Когда старенький «жигуленок» увозил семейство Рафаилово во светлые загоризонтные дали, провожающие махали руками, скуфьями и негромко обменивались репликами:

— Вот это задачка для мужика!

— Ничего, пусть привыкает к новой жизни.

— Однако все равно после чаев выпьет самопалу.

— Это навряд ли...

— Точно говорю...

Братья вернулись на пруд Преподобного. На берегу в одиночестве сидел и наблюдал за порхающими стрекозами приехавший утренним поездом мужчина. Джинсовый костюм, длинные волосы с проседью — и изборожденное морщинами усталое

серое лицо. На пришельцев, степенно окунавшихся в святых водах пруда, он не обращал внимания. Юрий оделся и ушел отдохнуть в келью. Андрей присел рядом с приезжим.

— Из Москвы? — спросил он негромко.

— Да. Сын привез. Он сейчас с игуменом разговаривает.

— Меня зовут Андреем, а вас как именовать прикажете?

— Миша. И давай на «ты»... Я рок-музыкант. «Мы хиппи, не путайте с хэппи».

— А почему «сын привез», а не сам?

— Я как-то в это, — он кивнул в сторону монастырской колокольни, — не очень-то верю.

— Тогда зачем приехал?

— Так... — он тупо уставился на висящую над водой стрекозу. Потом дернулся, привстал, но снова приземлился. — Когда на душе тоска, надо что-то делать.

— Тоска — это не очень хорошо. Лучше без нее. А как она появляется?

— После творчества. Я ведь не только играю, но и пишу музыку. Когда творишь — все хорошо: подъем, летаешь!.. А как на землю спустишься — будто похмелье наступает. Тяжко и муторно.

— Скажи, а как рождается музыка?

— Рождается? — Михаил оживился. — Сначала в душе идет какое-то наполнение. Потом в голове появляются образы. Картинки такие красивые: небеса, горы, звезды, светила неземные, туманы синие, фиолетовые, красные; голоса как бы мимо проносятся... Потом вихрь застывает, и на какое-то время устанавливается тишина. А потом!.. Потом звучит музыка — и тут только успевай записывать. Она льется из космоса, это нечеловеческие звуки. О! Это божественно! Когда я их записываю, а потом воспроизвожу, музыка огрубляется, стирается, замыливается. Нечто приблизительное получается только во время концерта, когда я импровизирую. Но после этого полета приходит такое опустошение, что...

— Рука тянется к стакану или игле.

— Ну, да, конечно... — Михаил опустил глаза. Потух и сник. — А теперь уже и музыки нет. И водка не помогает. Только одна тоска. Ну, я-то — ладно. А сколько мы уже друзей похоронили...

— Как мухи в паутине, — прошептал Андрей.

— А что, похоже! — творческая личность оценила предло-женный яркий образ. — Только не совсем понятно, кто паук-то? —

— А тот, кто картинки с музыкой тебе навязывал.

— Нет. Ерунда! Просто мы еще не готовы принимать образы, чтобы не болеть. Мы слишком слабы для восприятия космических энергий. Но я верю в то, что сверхчеловек будущего сможет сотрудничать с космосом плодотворно.

— Другими словами, ты веришь, что муха когда-нибудь станет пауком. А паук — бабочкой?

— Я ему про космос, а он про мух каких-то... — Михаил с презрением посмотрел на собеседника. — Космос, молодой человек, не каждому дано понять.

— Ну, почему же? Надо только потерять совесть — только и всего.

— При чем здесь совесть?

— Ну, если отбросить образное иносказание и говорить прямо, по-мужски, то, несмотря на сложность темы, на самом деле, главное — просто. Совесть — это голос Бога в душе человека. А образы, картинки и прочие музыки — это паутина существа, противного Богу. То, что ты здесь, наличие тоски в твоей душе, неприятие паутины — это работа твоей пока еще живой совести. А вот если бы совесть твоя омертвела, то без всякой сверхчеловечины ты уже сегодня смог бы сам воспринимать и распространять всю эту заразу дальше. Думаю, если б твой сын за тебя не молился, этот извечный противник Бога уже и силенок тебе подбросил бы, и картинок поярче и ядовитее. Только сын подключил к

твоему спасению Самого Бога, против Которого нет у врага сил. Кроме твоей собственной гордыни. И теперь ты просто должен помочь самому себе.

— Вот, снова голоса пошли!.. — Михаил вслушался внутрь себя. — Ругаются теперь... О, ужас, какая похабщина лезет!

Андрей в своей обычной Иисусовой молитве слова «помилуй мя грешного» заменил на «помилуй нас грешных».

— А сейчас что ты слышишь? — не прерывая молитвы, спросил Андрей.

Михаил помолчал, потряс головой и удивленно признался:

— Ничего! Да, абсолютно ничего. Полная тишина!

— Учись Иисусовой молитве, и вся эта нечисть, что в твоей голове свила гнездо, разлетится, как стая испуганных ворон.

Подошел светловолосый юноша с ясными спокойными глазами и позвал отца в келью к игумену на отчитку.

— Что такое — отчитка?

— Молебн это для излечения твоей души, не бойся, пап... — пояснил сын.

На скамейке среди наступившей тишины в тени старой березы сидел молодой отец Федор и читал «из святых отцов». Увидев Андрея, вышедшего на прогулку, подозвал его и благословил сесть рядом.

— Вы из Москвы?

— Да, батюшка.

— Ну, и как там? Служат в храмах так же, как у нас, или хуже?

— По-разному. Все-таки около трехсот храмов...

— Слышал я, испортились там у вас священники. Почти все в прелести, говорят.

— Не дайте, батюшка, впасть в грех осуждения священства. Остерегаюсь я этого.

— А ты и не впадай.

— Тогда я лучше промолчу.

В наступившей тишине слышался далекий лай собак.

— Ох, что-то бесы расшумелись, — проворчал отец Федор.

— Это же собачки.

— А ты разве не знаешь, что собаки — это бесы?

— Мне отец рассказывал, как на войне его с передовой, тяжело раненного, собачка вытащила. Зачем же бесу человека спасать? Слепых они водят еще.

— Смотрю я, все вы, московские, в прелести пребываете. Святые отцы вам уже не указ.

— А как же преподобный Сергий Радонежский с медведем кусок хлеба делил пополам? Могилу святой Марии Египетской лев своими когтями копал? Дикие звери, которым бросали на растерзание христианских мучеников, ласкались к ним и боялись трогать. Конечно, с грехопадением и животный мир повредился, но, если к животным с любовью относиться, то они, как им и положено со времен сотворения мира, служат человеку и помогают. А бесы могут входить в любое живое существо, даже в растения, когда нет в нем любви.

— Какая там сейчас любовь? Последние времена наступили. В этом году, самое крайнее — в следующем конец света будет.

— Простите, батюшка, но разве мы вправе пытаться о времени конца мира? Это знает лишь Отец Небесный.

— Да по всему видно, что конец уже. Совсем одно зло вокруг. Нету любви ни в ком. Вы там ничего в своем помрачении не видите уже, а нам видно. Да мы каждый день у Бога отмаливаем.

— Рано еще, батюшка. Столько людей готовы к Богу прийти. Им только немного помочь надо.

— Зачем им помогать? Ты что, себя по любви выше Бога считаешь? Верующие спасутся, а грешники пусть себе в аду горят. Самое им там место.

— У меня родители неверующие, много друзей еще не пришли к вере. Если я буду в раю, а мои близкие будут гореть в аду, то я этого не вынесу!

— Сказано ведь, что меч Христов семьи рассечет и разделятся люди на верующих и неверующих. И сказано, что одни спасутся, а другие — в ад, за грехи свои гореть. Ну и пусть мертвые хоронят своих мертвых.

— Но ведь есть и молитвы даже за некрещеных и богоборцев, умерших вне Церкви, и Господу, и преподобному Паисию Великому, и святому Уару. И сказано, что если двое-трое что попросят во имя Господне, то получают по молитвам своим. Об этом и святой Иоанн Кронштадтский из своего опыта учил.

— Нельзя прилепляться к грешникам даже молитвой. Когда ты молишься за грешника, то хотя бы на время его грязную душу в свою принимаешь, и тогда вместе с ним погибнуть можно. Как слепой, ведущий слепого. Ты не праведный Иоанн, а грешник, в падшем мире живущий. Каждый человек должен свою меру знать.

— Ну, так эта самая мера и есть любовь, которая «все покрывает». Если имеешь любовь к человеку, которая требует молитвы за него, то, значит, и мера и силы даются на покрытие грехов в молитве. И не только в молитве, но и в деле милосердия, и в слове просвещения. Ведь это добродетели — предостеречь грешника, наставить заблудшего.

— Да вот это и есть та самая прелесть. Ты посмотри, Антоний Великий бежал от еретиков, считая их языки ядовитее змеиных; а столичный мирянин лезет со своими поучениями наставлять и предостерегать.

— Если бы я «лез» с поучениями, батюшка, сам ничего не понимая, по своему тщеславию и с гордым умом, тогда — конечно. Но, во-первых, делаю я это по благословию своего духовного отца; во-вторых, всегда говорю, как велел преподобный Серафим Саровский, не от своего ума, а из Писания и Предания Церкви. И не для самовосхваления, а только для спасения души ближнего.

— И много спас?

— Так не я спасаю, а Церковь Христова. А я только помогаю человеку туда прийти. Ведь и я сам долго не мог этого сделать: все заблуждения мешали, поэтому мне эти проблемы сомневающих людей близки и понятны. Опять же, не каждый так вот запросто к священнику пойдет, и не каждый священник найдет время поговорить и разъяснить все недоумения. — Андрей вздохнул. — А тщеславия и прелести я боюсь не меньше любого знающего, что это такое. Среди моих знакомых на этом фронте уже имеются жертвы.

— Пока сам не погиб, бежал бы ты от этих неверов да прелестников. Сказано, спасись сам — и вокруг тысячи спасутся. Вот сам и спасайся.

Андрей задумался. Отец Федор тоже молчал, перебирая четки. Перед ними в солнечном луче в вихревом танце бесшумно носились мошки. Тишина обволокла все вокруг.

— Мне кажется, отец Федор, что Господь гораздо более милостив к нам, чем мы к своим ближним. Мы осуждаем иконописца за использование в написании лика Богородицы черт лица любимой женщины. А Царица Небесная дарует этому образу благодать исцелять от пьянства тысячи людей. Мы с легкостью вешаем на человека ярлык прелестника, а потом оказывается, что это святой Иоанн Кронштадтский с нами рядом жил. Мы отвергаем падший разум и все, что через него идет, а Господь и здесь являет Свою милость: если можете, то получите веру и на этих путях. И вот исследование Библии, Туринской Плащаницы, археология — дают нам научные доказательства для принятия веры. И по этому пути многие сейчас приходят к Богу. Мы гоним пьяницу от себя, а оказывается, что ему надлежит три года пить, чтобы не впасть в более страшный грех тщеславия — и это спасает его душу. Мы шарахаемся от бандитов, а они храмы строят и в них спасаются. Мы брезгуем юродивым — а потом целые поколения христиан

наизусть заучивают видения Царства Небесного блаженного Андрея. Блудницу готовы убить — а она преподобной Марией Египетской становится. А молитвенник и аскет Арий впадает в ересь, и его ученики режут сотни тысяч христиан.

— Ты это о чем?

— Да вот подумал сейчас, что несмотря на все сложности... И возможность впасть в страшный грех... Погибнуть духовно в сетях сатаны... И все-таки нам дана главная истина — и она проста. И знание этой истины вполне достаточно, чтобы не погибнуть. Самим Господом нам дан образ спасения. Смиренная любовь. И тогда все споры наши — ничто. Если человек смиренен, если он любит — он спасет себя, и вокруг него тысячи спасутся. Помните, сатана сказал преподобному Макарию Великому, что его существование выше монашеских подвигов Макария, потому что Макарий бдит, а он не спит вовсе; Макарий постится, а он не ест совсем; но если Макарий научился смиряться перед человеком, то сатана не может смириться даже перед Богом, потому Макарий победил его.

Монахи позвали ехать в лес по грибы. Андрей с Юрой взяли пакеты и складные ножи и сели под пыльный брезентовый тент на откидные сиденья. «Джип» с бордово-золотистыми крестами на боках свернул с шоссе, вразвалку углубился по лесной колее в чащу. Прямо рядом с колесом Андрей нашел первый тонконогий подберезовик.

Они сразу разбрелись в разные стороны и потеряли друг друга из виду. Наклоняясь за очередным грибом, он срывал вынырнувшую из травы рубиновую земляничку. Попадались заросли черники. После душисто-железистой земляники вкус черники казался водянистым. На лицо то и дело липла паутина, руки сами собой раздвигали ветви, под ногами хрустел сушняк и пружинил густой мох. Вот парочка толстеньких боровиков один за другим тяжело и мягко упали в пакет. А вон за поваленной старой березой поманил красной шляпкой подосиновик. Снова кудри черничных кустов. Пальцы уже синие от сизоватых брызжущих соком ягод.

Из-за темной ели вышел мужчина в городской одежде и громко прошептал:

— Слышь, тут монахи ходят! Из монастыря, наверное. С бородами, в рясах.

— А я сам из этого монастыря.

— Ты что, тоже монах? — грибник осмотрел черный джинсовый костюм Андрея.

— Скорей послушник. Временный.

— Ой-ёй! Вот это да! — выпучил он глаза и поспешно скрылся в кустах.

Под ногами зачмокала болотистая тряска. Вокруг остро ощетинились сухие ломкие сучья облысевшего без солнца ельника. Под сомкнутыми над головой черными еловыми зонтами навечно поселилась мрачная тень. Вместо душистых благородных грибов нахально алели пятнистые мухоморы. Андрей оглянулся окрест — и холодная тоска закралась в его грудь. «Оказался в гиблом месте я...»

— Юра! Брат! — кричал он, отгоняя страх. Но в ответ — лишь давящая тишина и скрип трущихся сухой корой сваленных друг на друга еловых стволов.

«Стоп, стоп! Так дело не пойдет. Это что же я — впадаю в панику? Стыдно, стыдно, молодой человек. Что там говорили монахи? Проси Преподобного — и он поможет. Святой угодниче, моли Бога о мне, грешном... Нет, не так. Преподобный, прости меня, я увлекся, пожадничал и вот заблудился. Яви чудо, помоги мне найти моего брата и машину».

Над головой в разрывах черной хвои засверкало солнце. Ноги сами зашагали непонятно куда. Он с трудом, загораживаясь локтями от лезущих в глаза острых сучьев, проломился через лесную рвущую одежду злобу на просторную поляну. Обогнул стайку берез, высокие малиновые кусты с зелеными пока ягодами и вышел на дорожку. Прошел по ней сотню шагов, обогнул частокол осин — и вот он уже на развилке тенистой с примятой травой дороги.

Справа в сорока метрах он увидел кожаную куртку брата, а слева в тридцати метрах — «джип». «Спасибо тебе, Преподобный, ты меня выручил!»

В монастырской библиотеке имелись «Жития святых» Димитрия Ростовского не на все месяцы. Сегодня игумен благословил читать во время трапезы житие преподобного Марка Афинского.

Братия во главе с игуменом и приезжие сидели за длинными столами и степенно вкушали «от плодов Господних». Молодой монах с реденькой бородкой за складным аналоем медленно, нараспев читал житие:

«...— По прежнему ли обычаю стоит мир в законе Христовом?

— Ныне, — отвечал я ему, — по благодати Христовой, даже лучше прежних времен...

Услышав это, старец возрадовался великой радостью. Потом он снова спросил меня:

— Есть ли ныне среди мира некоторые святые, творящие чудеса, как сказал Господь в Евангелии Своем: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда сюда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17, 20).

В то время как святой произносил эти слова, гора сдвинулась с своего места приблизительно на пять тысяч локтей и приблизилась к морю. Святой Марк, приподнявшись и заметивши, что гора двигается, сказал, обратясь к ней:

— Я тебе не приказывал сдвинуться с места, но я беседовал с братом; посему встань на место свое!

Когда только он сказал это, гора действительно стала на своем месте. Увидевши сие, я упал ниц от страха. Святой, между тем, взяв меня за руку и поставивши на ноги, сказал мне:

— Разве ты не видывал таких чудес в течение дней жизни твоей?

— Нет, отче, — отвечал я.

Тогда святой, вздохнувши, горько заплакал и сказал:

— Горе земле, потому что христиане на ней таковыми только по имени нарицаются, а на деле не таковы!

И снова произнес он:

— Благословен Бог, приведший меня на сие святое место, дабы я не умер в своем отечестве и не был погребен в земле, оскверненной многими грехами!

Весь тот день провели мы, повествует Серапион, в пении псалмов и духовной беседе, а с наступлением вечера преподобный сказал мне:

— Брат Серапион! Не время ли нам после молитвы с благодарностию вкусить от трапезы?

На эти слова я не ответил ему ничего. После сего он, подняв руки к небу, стал произносить следующий псалом: “Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит” (Пс. 22, 1).

Окончив пение сего псалма, он, обратившись к пещере, сказал:

— Брат, предложи трапезу.

Потом он снова сказал мне:

— Пойдем вкусим от трапезы, которую Бог послал нам.

Я изумлялся сам в себе, недоумевая, кому это приказывал святой Марк приготовить трапезу, потому что в течение целого дня я никого из людей не видел у него в пещере.

Когда мы вошли в пещеру, я увидел два стоящих стола, на которых были положены два мягких и белых хлеба, сияющих наподобие снега. Были там также прекрасные для глаза овощи, две печеные рыбы, очищенные плоды маслины, финики, соль и полная кружка воды, более сладкой, нежели мед. Когда мы сели, святой Марк сказал мне:

— Чадо Серапион, благослови!
— Извини меня, отче, — отвечал я.
Тогда святой произнес:
— Господи, благослови!

И я заметил около трапезы простертую с неба руку, осенившую крестом предложенное. По окончании трапезы святой Марк сказал:

— Брат, возьми сие отсюда!

И тотчас трапеза была снята невидимую рукою. Я удивлялся всему происшедшему: и невидимому слуге (ибо находившемуся во плоти ангелу, преподобному Марку, по повелению Божию, служил бесплотный ангел Господень), и тому, что во всю мою жизнь я никогда не вкушал столь вкусной пищи и никогда не пил столь сладкой воды, какая была на той трапезе...» («Жития святых» святителя Димитрия Ростовского, апрель, день пятый).

Во время трапезы к Андрею подошел мальчик-послушник и передал просьбу дежурного подойти к телефону. В трубке шипело и трещало — и он с трудом узнал голос отца. Тот сообщил, что у матери после разговора с Андреем случился инсульт, поэтому он должен срочно выехать. На вопрос, как стал известен телефон, отец сказал, что Лида заказала этот разговор. Он попросил Лиду. Та сказала, что торопиться не следует, так как мать в реанимации и к ней все равно никого не пускают.

Андрей сокрушенно поделился этим с игуменом. Тот попросил подробнее рассказать об их взаимоотношениях. Андрей рассказал, сначала сбивчиво, потом спокойней и подробно.

— Никуда не торопись. Мы сейчас отслужим молебен о ее здравии, потом уж и поедете.

На молебен отец Алексей позвал Юрия и молодого отца Федора. Они попеременно читали молитвы Богородице, великомученику и целителю Пантелеимону, Преподобному. Больше двух часов продолжался молебен. Несколько раз Юрий зажигал свечи и заменял сгоревшие новыми. Закончили они уже после одиннадцати вечера. «Теперь, Бог даст, все у вашей родительницы наладится. Ложитесь спать, а завтра поутру и поезжайте с Богом», — сказал усталым надтреснутым голосом отец Алексей.

Возвращение из монастыря

Андрей передал игумену бригадные деньги, попрощался с Бугром, и после отеческого напутствия в дорогу они тронулись в сторону Москвы.

Ехали молча, каждый думал о своем. Впечатления от бесед с игуменом смешались с переживаниями о болезни матери.

Углядев справа от дороги приличное место, Юрий произнес «паркинг» и остановил машину. Андрей открыл свою дверь, и вдруг ему в нос ударил противный запах.

— Юр, здесь что, рядом свалка?

— Да ты что! Оглянись — какая красотища, — показал он рукой в сторону просторного березняка, освещенного солнцем, с низенькой травкой.

Но тут и Юрий почувствовал неприятный горелый запах, и взгляд его упал под правое заднее колесо. На асфальт капало черное горячее масло. Очень скоро собралась приличная лужица со стакан.

— Так, кажется, тормозная жидкость вытекла.

Он сел за руль и поехал взад-вперед, Андрей наблюдал за движением колеса. Нет, ни биения, ни дыма — все нормально!

— Да нет, ничего с нашей машиной не случится — мы едем под защитой Преподобного, не забывай, — напомнил Андрей. И его уверенность передалась водителю.

— Ладно, тогда поедем спокойно.

До самой Москвы машина катила легко и ровно, скорость держалась выше ста километров в час.

На следующий вечер Юрий сообщил Андрею, что он только что вернулся из техцентра, где осмотрели его машину. Мастер удивился, как вообще они ехали: полностью разбита ступица колеса с подшипником, то есть колесо в любую минуту могло просто вылететь — и тогда...

— Ну вот, теперь и я удостоился чуда, — заключил Юрий.

— Ходил я в больницу к матери, — Андрей грустно замолчал. — Говорил с врачом. Он сказал, что вчера около полуночи ее отпустило, и теперь она уже шевелит парализованными рукой и ногой и даже пытается встать.

— Я знаю, звонил туда из техцентра. Значит, это вчерашний молебен помог?

— Значит, помог. Врач сказал, что если этой ночью не будет осложнений, то можно завтра ее навестить. Поедешь?

— Давай съездим.

Мать

На следующий день братья робко зашли в палату, где лежала мать. Поставили в банку громадные бордовые пионы, срезанные Лидой на даче, расставили на тумбочке компоты и куриный бульон.

— Ну, что же вы думаете — меня здесь не кормят? — громко, совсем здоровым голосом вопрошала больная.

Она довольно уверенно двигалась, и прежняя сталь в голосе доказывала ее быстрое выздоровление.

— Рассказал мне отец, что теперь у нас в семье не один, а сразу двое мракобесов появилось! Ты что же, Юрий, тоже по монастырям зачастил?

— Ты не представляешь, мама, как там хорошо! Да я на лучших курортах мира так не отдыхал, пару дней всего — а будто месяц в санатории!.. — Начал было Юра, но мать его оборвала.

— Не хочу и слышать этого! Не хватало еще после одной кондрашки другую следом получить!

— Мама, успокойся, нельзя тебе волноваться, — тихо заговорил Андрей. — Там действительно прекрасные леса, чистая речка, мы отдыхали, собирали грибы, ездили в Плес, где творил Левитан...

— И слушали поповский бред про боженьку вашего прокля!..

Как только она выкрикнула эти слова, ее рука, гневно потрясавшая кулаком, рухнула вниз и плетью повисла на обмягшем плече, как пустой рукав на вешалке. Лицо ее исказилось и перекосилось. Она дернулась и застыла, беспомощно и испуганно глядя помутневшими глазами в белый потолок.

Юрий метнулся за врачом. Андрей встал на колени, прислонился лбом к ее руке и горячо зашептал молитву. Ему показалось, что он успел прочесть все известные ему молитвы за болящих и скорбящих, гневающихся и нераскаянных. Наконец, в палату въехала тележка с капельницей, со стеклянным звоном толкаемая врачом и сестрами.

Из больницы Юрий побежал на ближайшую почту звонить игумену Алексею с просьбой о молитвах за мать.

Андрей отправился в церковь. Куполок ее в темно-зеленоватой медной патине с ажурным золотым крестом высился над больничным забором. У церковных ворот Андрей оглянулся вокруг. И тогда он узнал это место. Здесь он впервые соборовался, приглашенный знакомым. Тогда стены храма были наскоро сколочены из теса. Сейчас под ладонью Андрея теплел терракотовой четкой гранью отделочный кирпич.

Два года назад сюда пришел молодой священник отец Алексей с бумагами от властей и с твердым намерением возродить попорченную святыню. Согласно бумагам на территории храма, окруженной кирпичной высокой оградой, работала фабрика. На самом деле здесь обосновалась частная фирма, судя по «Мерседесам» с затемненными стеклами — процветающая. Священника сразу выгнали, бумаги веером рассыпали ему вслед.

Тогда отец Алексей в субботу с помощью знакомых строителей пригнал сюда экскаватор, прямо на дороге у ворот оскверненного храма выкопал котлован и забетонировал фундамент. В воскресенье он освятил фундамент вновь заложенного храма и имел беседу с бандитом, присланным для разборки хозяевами фирмы.

Бандит сразу приказал рабочим сломать фундамент и засыпать дорогу. Рабочие боязливо спрятались за спину батюшки. Отец Алексей тихо произнес:

— Кто попробует разрушить — провалится в преисподнюю. Не советую шутить: храм заложен и освящен Господом.

Видя, что рабочие не собираются выполнять его приказ, бандит, рыча от злости, сам сел за рычаги экскаватора и угрожающе поднял зубастый ковш над фундаментом. Но опуститься ковшу суждено не было: сидящий за рычагами сначала замер с распахнутым ртом, а потом и рухнул на грязный пол кабины. Через полчаса машина реанимации увезла его в больницу с диагнозом «инфаркт», благо больница находилась рядом. В понедельник батюшке зам. директора сообщил, что в воскресенье тоже с инфарктом с дачи увезли директора, пославшего бандита.

Больше строительству храма никто не мешал, зато количество прихожан здесь стало таким, что они едва помещались в его невеликое внутреннее пространство: слух о решительном батюшке быстро разошелся по православным кругам Москвы. Через несколько месяцев фирма съехала с территории старинной церкви и началось возрождение этой святыни.

...Отец Алексей, как всегда, находился в храме. В глаза Андрею бросилась седина, в изобилии посеребрившая его густую темно-русую бороду, а ведь ему еще и тридцати нет. Он невозмутимо выслушал взволнованный рассказ Андрея о матери и встал на молебен перед иконой преподобного Серафима Саровского...

Своими звонками и посещениями братья замучили весь больничный персонал отделения, терпевший все это только из-за весомых Юриных чаевых. Но вот к вечеру врач со вздохом облегчения сообщил, что кризис прошел, мать пошла на поправку, и парализованные конечности снова потихоньку задвигались. На этот раз он запретил им появляться неделю, пробурчав что-то о ненормальной больной, которая ломает всю медицинскую науку, и таких же родичах.

Командировка на юг

— Решил при доме церковь построить, — пробасил Владимир Иванович. — И чтобы, как в соборе Парижской Богоматери, — панели стен были из самшита.

— Самшит так самшит, — ответил Андрей заказчику. Положил вещи в сумку и, пока по телефону обзванивал кого надо, под окна уже подкатил грузовик «Вольво» с фурой, крытой ярко-синим тентом. Он забрался в кабину, где сидел довольный предстоящим приключением Пал Трепалыч, и лег на спальное место. Дорога предстояла в две тысячи километров.

Вся операция с отгрузкой самшита заняла меньше половины дня. Документы, обеспеченные хозяином, имели действие парализующее: пограничники вытягивались в струнку и сразу беспрепятственно пропускали грузовик. До самой Пицунды их сопровождал эскорт с автоматчиками. Машины ехали пустынным приморским шоссе на предельной скорости. За все время навстречу им просвистело не больше десятка легковушек, в том числе пара «джипов» с символикой ООН.

Андрей видел величественные горы и ласковое море, но все это не радовало. За каждым кустом, за изгибами гор, за простреленными стенами пустующих домов таилась опасность.

Этот край — двухтысячелетний удел Богородицы. Первый удел по апостольскому жребию. Здесь появились первые христианские храмы и монастыри. Российская держава сдерживала агрессию со стороны диких язычников и мусульманских стран. И вот здесь нет «сени российских штыков». В этом красивейшем уголке Земли, устроенном Богом для того, чтобы люди радовались красоте Божиего мира, теперь хаос.

В Пицунде, в самшитовой роще недалеко от обочины шоссе увидел Андрей автокран, стоявший рядом с аккуратно перевязанными пачками самшитовых причудливо изогнутых стволов. Он просмотрел вместе с Пал Трепалычем пачки, не нашел ни единого бракованного или подозрительного ствола и дал команду грузить. Кран, поднимавший небольшие пачки, натужно пыхтел густым дымом: самшит — очень тяжелая древесина, по твердости почти равная стали. Решили свободное место в кузове догрузить тонкими изогнутыми ветвями для мелких деталей отделки. На земле оставались еще две пачки ветвей, но водитель «Вольво» замахал руками: перегруз. Пал Трепалыч расплатился, и они с Андреем запрыгнули в кабину.

Обратно ехали уже медленнее, но все-таки довольно стремительно. Снова пустынные вымершие, некогда курортные места: санатории, пляжи, малолюдные поселки и города. Снова граница, снова таможенная «зеленая улица». На территории России, в Адлере, ощутив явное облегчение от возвращения домой, они с Пал Трепалычем расстались.

Андрей сел в такси и поехал в Абрау-Дюрсо. Но какая же разница! Здесь бурлила жизнь. Сочи пестрел отдыхающими, сверкал новенькими фасадами гостиниц и санаториев, среди обильной густой листвы всюду мелькали яркие громадные цветы. Автомобили всех марок и модификаций заполнили дороги. Сюда, в Сочи, будто съехалось население всей или уж точно половины Москвы и разных других городов России. В этот вечерний час аллеи и парки, пляжи, кафе и шашлычные, рынки и магазинчики были переполнены обгоревшими отдыхающими. Такое Андрей видел в последний раз в середине восьмидесятых.

После Дагомыса пестрое многолюдье несколько поубавилось и вновь оживало в приморских поселках и городках: Лазаревском, Аше, Туапсе, Джубге. Таксист ему достался молчаливый, поэтому Андрей прикрыл глаза, положил пальцы на пульс и углубился в Иисусову молитву.

В сером, будто покрытом цементной пылью Новороссийске Андрей приоткрыл глаза, удивившись стремительному перенесению, и снова «сошел в сердце».

Но вот за горным перевалом сверкнула поверхность озера Абрау в чаше зелено-кудрявых горных холмов. У магазинчика шофер притормозил. Андрей заполнил несколько пакетов продуктами. Машина сделала еще несколько горных виражей среди густых зарослей кустов и деревьев и, подъехав к школе, остановилась у двухэтажного панельного дома. Этот дом Андрей помнил лет эдак с шести. Окно второго этажа распахнулось — и вот уже старенькая тетушка сквозь слезы улыбается ему и машет загорелой рукой.

Когда он расплатился с шофером и выгрузил сумку и пакеты на скамью, сзади его обняли тоненькие руки, за спиной слышался сдерживаемый смех. Ну, вот она и вынырнула из-за спины: рот до ушей, черные глаза рассыпают искры смеха, голенастые бронзовые ноги вытанцовывают огненную лезгинку.

— Племяшечка моя маленькая! Любимая девочка... Вот это маленькая! Да ты уже скоро с меня ростом будешь! Бери пакеты, егоза, и помогай домой нести.

Тетушка мокрыми от слез щеками прижималась к его груди, рыдания не давали ей говорить, она только гладила его плечи и кивала седой головой.

Аня скакала по комнатам, скороговоркой выдавая серию новостей, потом схватила кусок колбасы, положила на хлеб и унеслась во двор.

— Собак своих побежала кормить... — виновато улыбнулась тетушка, размещая продукты на полках старенького холодильника. — Можешь полюбоваться в окно.

Андрей с трудом оторвался от знаменитого тетушкиного борща со старым салом, молодым чесноком и болгарским перцем. Отвел занавеску и увидел, как во дворе стояла Аня и маленькими кусочками раздавала еду голодным собакам разных пород. Они тявкали, прыгали, визжали-подвывали от нетерпения. Племянница сама подпрыгивала в этой веселой кутерьме. Андрей окликнул ее и подбросил еще хлеба и колбасы. Кутерьма получила новый импульс. Аня завизжала от счастья и, громко смеясь, подпрыгивала, разбрасывая куски.

— Ну, как на нее обижаться! Ведь она, глупая, чуть не все со стола во двор собакам несет. Сама уже как скелет стала, вечно голодный ребенок... — ворчала тетушка, с улыбкой любуясь внучкой.

— Ничего, ничего, рука дающего не оскудевает. Купаться на озеро пойдем? А то скоро стемнеет.

— Ой, Андрюша, я-то с удовольствием, только ведь меня тащить придется: нога моя гнется не в ту сторону.

Андрей с племяншкой, крепко поддерживая под локотки тетушку, по крутым каменистым дорожкам спустились к озеру.

Здесь на горячей гальке, на привязанных цепями лодках сидели и барахтались в зеленовато-голубой воде семьи с детьми. Тетушка присела на край лодки, разбирала сумку и раскладывала по облупившемуся сиденью мыло, мочалку, полотенца, шампунь. Аня обежала детей, чем вызвала всеобщий бурный восторг.

От воды парило, искрило розовым светом заходящего солнца. В синем темнеющем небе плыли прозрачные розоватые облака. Когда умолкал детский смех, наступала гулкая тишина, нарушаемая едва слышными плесками мягких волн. Они сбросили одежду и втроем вошли в озерную зеркальную синеву.

Мягкая вода окутала их чуть не горячими слоями верховодья и донной илистой прохладой. Вокруг запузырились пенистые барашки, запрыгали яркие золотистые солнечные зайчики. Тетушка только охала от удовольствия, нежась в прибрежном мелководье, зато Аня в брызгах и волнах с подвизгиванием устремилась к центру водного зеркала. Андрей поплыл за ней вдогонку, но не тут-то было! Девочка, высунувшись на полкорпуса из воды, летела, как глиссер. По животу и ногам Андрея ласково скользили водоросли, вода полосами то обдавала теплом, то освежала холодком. В теле появилась бодрость, усталость растаяла, будто растворилась в этой мягкой жемчужной воде.

Чистые и свежие, они сидели на теплых досках лодочных сидений и наслаждались тишиной. Купальщики разошлись по домам «вечерять», и покой нарушался только вздохами чаек и плеском мелкой волны.

Аня прислонилась своей бронзовой худенькой спинкой к широкой мускулистой спине дяди и затихла, глядя на фиолетовое засыпающее небо. Тетушка рассказывала о житье-бытье.

Когда-то красивейший поселок, знаменитый на весь мир коллекционным шампанским, чистым морем и уникальным озером с мягкой водой в горной чаше, в последние годы разрушался и ветшал. Работники винзавода получали гроши, воровали и потихоньку спивались. Все реже здесь улыбки и смех, все злее и завистливее глаза людей.

Некогда роскошный парк с белыми статуями, парадной лестницей, розовыми клумбами и подстриженными кустарниками, зарослями жасмина, голубыми елями, мозаичным фонтаном и чистенькой набережной — сейчас производил удручающее впечатление разрухи и заброшенности. Зато по зеленым склонам гор появились шикарные виллы хозяев новой жизни. Раньше по берегу озера каждый день собирали мусор и тщательно подметали — теперь всюду валялись черно-зеленые стекла разбитых бутылок,

горы мусора и опавшей листвы. Тетушка с внучкой жили вдвоем на крошечную пенсию учительницы, питаюсь в основном за счет маленького огородика. Красавица-матушка у Анечки погибла в аварии, а отец уехал на заработки... Раньше хоть родственники летом приезжали — все веселей и сытней было, а теперь не особенно-то поездишь: дорого.

Перед сном Анечка повела дядю на прогулку. Южная черная ночь с громадными звездами на небе опустилась на поселок. Пряно благоухали цветы палисадников. Жители, высунувшись из открытых окон и заняв все лавочки, тихо обсуждали последние новости. Молодежь в деревянной беседке слушала магнитофон и изредка хохотала. Когда Андрей с Аней проходили мимо, все замолкали, чтобы уже за их спинами обсудить еще одну новость.

Они прошли в парк и в кромешной тьме увидели десятки светящихся зеленых траекторий — это светлячки резвились в ночном танце. Они вышли на бывшую танцплощадку, мягко освещенную лунным светом. Теперь здесь собираются любители пикников: под ногами хрустело бутылочное стекло и рваные пластмассовые стаканчики. Андрей вспомнил, как раньше здесь играл духовой оркестр, танцевали нарядные пары и вот эти поверженные треснутые каменные чаши стояли на вот этих каменных тумбах, покрытые белоснежной известковой краской.

Вот из-за расступившихся акаций и елей широкой лунной дорожкой блеснуло озеро. По его берегам черными пирамидами высились тополя. По озеру плавали рыбацкие лодки. Красота какая!

— А ты на родине предков бывала? Наша родина — село в центре России.

— Нет еще... А как там?

— Как? Слушай! — Андрей вспомнил один опус из своего дневника и стал его цитировать: «Накинул тулупчик овчиненькой да сыромятененькой на круто-плечико, вышел на крыльцо резное, гукнул “Эге-ге!” (а в ответ: из лесу — “гы-гы”, из будки — “гав-гав”, из овина — “ко-ко-ко”, из фермы — “му-му”, с телеграфных проводов — “кар-кар”); блескучим оком зыркнул во небушко звездное и попёхал в гумны озимые свеклы косить. И тишина!.. Потом с морозца зашел в сени, скинул кирзачи, глотнул морозной зуболомной водицы колодезной из кадки душистой, хрустнул огурцом из бочки, растер по нёбу шершавым языком пирожок с вязигой, налил кошке молока, попарился в баньке ветловым веничком и хряп — на табурет к дубовому грубосколоченному столу карябать огрызком химического карандаша записки мудрого свекловода-селектора во назидание грядущим поколениям селян. Вот сосед зашел пригласить на путину — сигов и шпроты неводом в омотах пошарить, а ты ему: “Конечно, только в другой раз, у меня такой день...”, а вот и присядатель заглянул на сельсовет позвать — нового агронома в комбайнеры избрать; вот ужю пастух стадо пуховых козлов на удой пригнал, в амбар к коновязи привязал и зашел на сеновал рассолу с хренком ковшик опрокинуть и про ометы погутарить. А вот солому вязать в стога время подоспело, с ружьцом на тягу за околицу глухарей из силков в туеса собрать, картошку белокочанную сохой жать, пряжу дратвой сучить, лапти онучные валять, грибы белого налива мочить, капусту семенную тушить... Распрямишься так, разомнешь взопревшую поясницу и подумаешь натруженно: “Да-а-а ить, ноне с яровыми нетоё!” А там уж и печь кизяком растапливать пора. Одно слово: страда!»

Последние его слова заглушил звонкий Анечкин смех.

— Это только от большой любви к моей больной родине я так смеюсь, Анечка. Над собой, горожанином недоделанным, смеюсь.

— Дядечка мой любименький, свози меня на родину, я тоже хочу в овине вязиху мочить и грибы на ветлах настаивать, — заплясала девочка вокруг дяди.

— А вот тебе, космополитка ты еще пока безродная, пока рановато про это шутить. Ты поплачь с мое, стариковское. Да стопчи пару кирзачей по проселкам. А уж потом и поплачем-посмеемся. Над собой.

— Вы чего такие веселые? — Улыбнулась тетушка, когда они с приплясывающей Аней вошли домой.

— Это я космополитку родину любить учил, — буркнул Андрей. — А она, фулюганка, плач мой надсадный за смех приняла.

Ночью после молитвы Андрей вспомнил, как впервые увидел свою племянницу. Удивительно красивым и чистым ребенком была она, с добрым, покладистым характером. Никогда не позволяла она себе что-то требовать. Никогда не капризничала. Рядом с ней всегда становилось как-то светло и весело. Так хотелось бы, чтобы этот природный талант она сумела сохранить!

Однажды он увидел икону «Введение Богородицы во храм». На ней маленькая празднично одетая Девочка Мария робко, по-детски угловато взбиралась на высокие ступени храма. Родители взволнованно протягивали к Ней руки, всем своим существом переживая и поддерживая Ее. Почему-то именно Анечку в тот миг вспомнил Андрей. Ему тогда тревожно стало. Он понял, что судьба у девочки будет непростая: очень много ей дано Творцом, очень много и спросится.

«Ну, что ж, да будет на все воля Божия!

Пресвятая Богородица, Ты тоже, как прекрасный цветок, многими поколениями выращивалась в недрах богоизбранного, Богом любимого народа. Ты была Лучшей из лучших, Чистейшей и Прекрасной! Как нам Тебя не любить, не почитать, не поклоняться!

Сколько радости даровал Тебе Господь! Твои ясные глаза видели Христа, Твои руки ласкали Богомладенца... Как Ты волновалась за каждое Его движение, каждый шаг Его нежных детских ножек...

Но сколько Тебе — Матери из матерей — пришлось перенести страданий! Невыносимых по человеческим понятиям. Ведь только Ты одна от первого до последнего Его шага по этой жестокой земле знала, Кто Он, и никогда не предавала, ни отказалась от Него, ни усомнилась в Нем. Сколько же слез источили Твои чудные кроткие глаза!

Никогда ни единому человеку на земле не испытать того, что пришлось перенести Тебе, Мать Господа! Мать наша — всех человеков и каждого из малых сих. Матери земные предают своих детей, отворачиваются от них, по своему помрачению калечат их, умножают в них зло. От Тебя же — только помощь, только заступничество, только благодатная всепобеждающая любовь материнская. Не остави нас, Царица Небесная! Не остави девочку эту, сиротинушку беспомощную, голубку нашу маленькую! Умоляю, защити ее от зла Своим Материнским покровом».

Утром тетушка ушла «поковыряться в огороде», а Андрей с Аней отправились на море. Они шли по асфальтовой разбитой дороге вдоль берега озера, то и дело останавливаясь, чтобы сорвать черную ежевику или желтую алычу. На берегу озера стояли рыбаки, дымили костры, скрипели ржавыми цепями лодки. В кустах желтели и краснели палатки приезжих, некоторые из них сидели за столами, покрытыми газетами, и завтракали с местным красным вином. Слышался ленивый южный говорок: «Та нэ хфатай ты помыдор хрянснэй рукой — вылка ж есь!»

Сзади заворчал автомобильный мотор, они прижались к обочине, и Андрей поднял руку. Как ни странно, микроавтобус остановился, и его дверца плавно откатилась. Внутри на ящиках полулежали веселые пьяные бандиты. Андрей залез сам, сел на ящик с пивом, посадил Аню на соседний и с трудом захлопнул дверь.

— Нам на «Лиманчик».

— А здесь больше некуда. Гы-гы-гы! Вы там помидоры в ящике не помните.

— Хорошо.

Автомобиль лихо петлял на виражах. В салоне гремела песня про мурок и малину. Анечка тихо улыбалась в ответ на успокаивающие взгляды Андрея. За сотню метров от въезда в лагерь машину остановил бандит постарше.

- Что, освежились? — спросил он выскочившего навстречу ему водителя.
— Как положено... — заискивающе улыбнулся тот, сверкнув золотой фиксой.
Когда Аня выскочила из машины, Андрей спросил:
— Сколько мы вам задолжали?
— Ну, ты че, братан? Отдыха-а-ай!
— Спасибо.

Микроавтобус отъехал и... на них обрушилась тишина и знойное благоухание. Андрей не мог вспомнить название этого хвойного дерева, затопившего густым ароматом здешние окрестности, спросил у Ани.

- Можжевельник, — подсказала девочка.
— Да-да, а еще акация, амброзия и розы.

Они брели по территории университетского лагеря отдыха. Небольшие щитовые домики почти незаметны в густых зарослях тропической растительности. Изредка навстречу вразвалку шли загорелые молодые люди в шортах. От столовой пахло все теми же давнишними пригорелыми котлетами. На асфальтированной площадке азартно играли в волейбол. Под крышей павильона смотрели видео и тут же играли в пинг-понг. Здесь, в этой тенистой зеленой чаще, царили приятная прохлада и вездесущий аромат можжевельника и цветов.

А вот и маленькое пресное озерцо в окружении высокой осоки. Здесь среди шиповниковых кустов из-под каменистой земли бьет хрустальной струей родник. Они сели на корточки и опустили в холодную воду пустые пластмассовые бутылки. Из горлышек забулькали пузыри воздуха, а внутрь потекла жидкая свежая прохлада. Хлебнув из бутылок по глотку ледяной водицы, они обогнули озерцо по узкой асфальтовой дорожке и вышли к морю.

Здесь от камней уже поднимался жар, прогоняемый порывами легкого бриза. Большинство отдыхающих пряталось от яркого солнца под тентом с лежаками и под мостиком, уходящим метров на двадцать в море. С этого мостика ныряли отчаянные и степенно спускались по ступенькам на подводные плиты мамы с детьми и люди постарше.

Аня предложила «упасть» прямо на камни, где никого не было. Они бросили вещи и сразу пошли купаться. По мостику мимо них прошел и подмигнул, как друзьям, один из бандитов, сидевших в машине. За ним семенила длинноногая девица с капризным лицом.

Они перелезли через металлическое ржавое ограждение, стали на ноздреватый край бетона и на счет «три» вместе прыгнули в бирюзовую прозрачную воду. Андрей открыл под водой глаза и увидел греющихся на донных камнях черных головастых бычков. Между яркими лучами солнца, пронзающими зеленоватую толщу воды, стайками носились серебристые сардинки. Иногда из-за густых голубых водорослей выглядывали крабы. Он протянул руку к одному из них, но тот сорвался с места и удрал в сторону. Здесь, на глубине, жили покой и тишина.

На поверхности он шумно вдохнул воздух. Со всех сторон обрушились крики, плеск, смех отдыхающих и всхлипы чаек. Аня стояла на подводной плите по горло в воде и, перебирая руками, беседовала со знакомой девочкой. Андрей помахал ей рукой и поплыл в сторону берега.

Вскарабкаться на берег по большим камням, скользким от водорослей, было не так-то и просто. Он доплыл до самого мелководья и, рискуя подвернуть ногу, по обросшим валунам выбрался на плоский сухой камень. Отсюда пришлось прыгать с камня на камень до брошенных вещей. Он достал тетушкину подстилку, очистил лежбище от колючих веток и сухих водорослей и расстелил на горячие мелкие камни старую плотную скатерть.

Горечь от морской соли во рту Андрей запил холодной родниковой водой. Водрузил на нос солнечные очки и залюбовался расплавленным мерцающим золотом поверхности моря. Затем оглянулся на окутанные голубоватой дымкой кудрявые горы,

шуршащую вокруг озера осоку, скользнул взором по накаленным камням и лег на спину. В высоком выцветшем небе висело несколько пушистых перистых облачков. Он прикрыл глаза и погрузился в молитву.

«Как велик и прекрасен Ты, Господи, когда творения Твои, поверженные грехом человека, остаются поныне такими величественными и прекрасными! Не охватить ни взором, ни сознанием, ни сердцем все эти сотворенные единым Твоим повелением горы и моря, реки и озера, равнины и леса, планеты, звезды, галактики... И как бы их ни отравлял, ни загаживал в своем помрачении человек, они по-прежнему услаждают взор и восхищают сердце к Создателю своему. Могуч и славен вовеки Повелитель стихий и бездн, Властитель неохватного, непостижимого величия неба и земли.»

Андрей вспомнил, как читал в журнале статью о научных теориях происхождения жизни. Печальный вывод одного из оксфордских светил гласил: «Сейчас, в 1991 году, мы впервые за последние десять лет остались без какой бы то ни было приемлемой теории, объясняющей космологию в целом». Но вот кто-то из ученых понял очевидное: открой Библию — там все уже есть! Но не эти споры о якобы истине тогда заинтересовали Андрея: цену горделивому помраченному рассудку он узнал давно. Его потрясли в статье описания допотопного мира.

В те далекие времена на всей земле под плотной атмосфeрой, состоявшей из перегретого водяного пара, в результате парникового эффекта был тропический климат с буйной растительностью, способной прокормить любое количество животных. В результате равномерного прогрева поверхности не было ни ветров, ни смены времен года, ни дождей. Это объясняет отсутствие годичных колец на громадных ископаемых деревьях и сильной корневой системы. Такая атмосфера защищала Землю от космического излучения и вызываемых им мутаций в организмах. Поэтому люди до потопа и жили по 800–900 лет.

Не потому ли буйная тропическая растительность, теплое море и густой, напоенный ароматами воздух юга так манят нас, так волнуют? А не оставшееся ли это в нас, в каких-то общечеловеческих глубинах памяти воспоминание об утраченном рае? Не в таких ли райских куцах в мире с животными и растениями проживал Адам? Не такими ли сладкими и сытными тропическими плодами питался наш общий предок?

Андрей вспомнил, как в детстве они с отцом гуляли по поселку и в первые дни алчно, а потом уже лениво срывали с ничьих деревьев в изобилии растущие повсюду алычу, абрикосы, персики, кизил, сливу, ежевику, виноград, мушмулу даже какую-то... В озере водилась рыба: голубой амур, щуки, лещи. В море местные мальчишки с помощью самодельных копий охотились на морскую стерлядку, кефаль, ставриду, пеленгаса. Ведрами за копейки в поселке продавали царскую ряпушку. В горных лесах стреляли кабанов и оленей, медведей и зайцев...

Это который уж раз своими грехами человек разрушает подаренное ему Богом изобилие! Ведь это все произошло на его невеликой памяти... Райский уголок превращен алчными и пьяными людьми в руины. А ведь даже то, что не успели разрушить, даже эти крохотные остатки прошлого — прекрасны, если не вязнуть в некоторых неприятных мелочах...

Иоанн Богослов на острове Патмос удостоился великой чести. Господь показал ему, вернее немного приоткрыл, тайну Божественного видения. Ведь у Бога нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Все это перед Его всевидящим взором, как единая панорама. Апокалипсис Иоанна — это и есть попытка усеченному человеческому разуму дать такую панораму. В некоторых иконах тоже дается символически временная панорама: святой стоит в дремучем лесу, в который пришел искать безмолвия, но на горизонте высятся храмы и стены основанного им монастыря и сложившегося вокруг него города; а сам святой, в нимбе славы, — уже в вечном будущем. И все это на плоскости иконы...

Андрей тоже сейчас ощутил себя перед приоткрытой ширмой времени вечного. За его спиной вздыбились тысячи лет назад недра земли и образовали эти замершие исполины гор. Под ним в расплавленном чреве земли все еще продолжались эти огненные процессы. Перед ним сейчас колыхалось изменчивое море, то ласковое сегодня, то завтра жестокое возмущением безмерной страшной пучины. А над его головой будущее сияло и манило вечной синевой. Вот оно — одновременное сосуществование времени во всей его божественной троичности. И сердце человека одновременно и в кратком миге — и в вечности. И в сердце человека — и падший смертный ветхий Адам прошлого, и воскресший Вечный Адам будущего Иисус Христос.

Воскресным утром тетушка с Андреем встали пораньше, чтобы посетить местный храм. Аня, обычно легкая на утренний подъем, вставать не собиралась. Андрей спросил, почему. Тетушка, опустив глаза, призналась, что жалеет внучку, пусть, мол, хоть в воскресенье отоспится. Андрей тогда решительно вошел в комнату, где спала Аня, тетушка сзади причитала что-то про то, что внучка уже девушка и ей стыдно будет вы-глядеть заспанной перед любимым дядей. «Ничего, перетопчется!»

— Анечка, племяшечка моя маленькая, ну-ка быстренько вставай!

Та села на кровати, стыдливо, по-женски, подняв край одеяла до подбородка и, часто мигая, сонно взглянула на взрослых.

— Вставай-вставай, мы сейчас пойдем на встречу с настоящим чудом! Я сейчас выйду, а ты быстренько вставай и одевайся.

Втроем вышли они из дома на залитый ярким солнцем уютный двор. После традиционной процедуры раздачи колбасы с хлебом собакам, поднявшим свою веселую кутерьму, они стали спускаться по широкой лестнице вниз на площадь.

Тетушка рассказала, что открыли церковь в прежнем помещении милиции. Прихожане сами за свои деньги сделали там ремонт, украсили ее как смогли, принесли из дому иконы, что нужно — купили в церковных лавках Новороссийска.

Андрей объяснил Ане, что идут они на утреннюю воскресную службу, на которой будет совершаться чудо из чудес: Литургия — Таинство, установленное Самим Иисусом Христом на Тайной вечере, когда Он преломил хлеб, раздал апостолам и сказал: «Ешьте — это Тело Мое!», затем налил в чашу вина и протянул апостолам со словами: «Пейте — это Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов!» С тех времен каждое воскресенье в каждом храме претворяются хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы.

Это чудо совершается сошествием Святого Духа во время общей молитвы. На Литургии Сам Иисус Христос незримо, но реально присутствует в каждом храме на престоле в алтаре. Нам по греховности наблюдать это не дано, а вот святые это видели: Серафим Саровский, Сергей Радонежский, блаженные, некоторые чистые и безгрешные дети. И все, кто это видел, говорили, что Христос с небес спускается в алтарь в сопровождении многих святых и ангелов, и зрелище это — совершенно прекрасное и благодатное. Нам же достаточно знать и сердцем чувствовать, как Господь любовью и миром приходит в наши души.

На Литургии они стояли вместе. Аня зачарованно наблюдала за действиями священника и диакона, на ее личике мягко сияла счастливая улыбка. Когда прихожане выстроились к Чаше, скрестив руки на груди, Аня тоже шагнула, чтобы встать с ними, но Андрей остановил ее:

— Извини, Анечка, я тебе не успел объяснить, что к Причастию надо очень серьезно готовиться: поститься не менее трех дней, обязательно исповедаться, каждый день читать молитвы и каноны. Вот ты получше приготовишься, а тогда и причистишься, в следующее воскресенье. Ты пойми: это очень ответственно — принять внутрь себя Тело и Кровь Христовы, надо к этому все внутри вычистить и вымыть, как дом перед приходом важного и дорогого гостя. Поняла?

— Поняла. Я приготавлиюсь, обязательно!..

— Вот и умница! А сейчас важно уже то, что ты при этом присутствуешь. Вот увидишь, как хорошо будет тебе сегодня целый день — будто внутри тебя солнышко светит.

— А что, сейчас там, — она показала рукой на алтарь, — Сам Бог?

— Да!

Аня побледнела, перекрестилась и замерла, забыв обо всем на свете, и, распахнув глаза, рассматривала алтарное пространство. Весь этот день девочка пребывала в задумчивости, а улыбка снова и снова вспыхивала на ее лице.

Снова дома

Света встретила Андрея, как обычно, новостью. На улице она столкнулась со своим горцем в обществе женщины с детьми — кавказской наружности. Горец так посмотрел на нее, что Света с испугу перебежала на другую сторону улицы.

— Представляешь, врал мне, что холостой, а сам с женой-детьми тут расхаживает!

— Света, ты сейчас от обиды наговоришь грубостей, а потом жалеть будешь. Ни его жена, ни тем более дети не виноваты, что ты вместе с ним их обманули. Успокойся, пожалуйста. Очень хорошо, что это обнаружилось сейчас, а не через годик, когда ты могла бы ему подарить за его щедрую плату «царевича». Или комнату... или еще чего...

— И ведь предупреждал ты меня, разомлевшую, а не послушала, — уже сквозь слезы подвывала она. — Так хочется верить в хорошее, а все так плохо выходит.

— Что там хорошего было? Обьедаловка, пьянки, тряпки — это хорошее, по-твоему? Он подловил тебя на самую дохлую наживку.

— Женщине всегда приятно, когда ее убаживают, исполняют желания, говорят приятные слова...

— Как видишь, брюнеты с югов это хорошо усвоили. Только за этой мишурой — одна ложь.

— Слушай, вот ты мне скажи, почему они такие сильные? Друг за дружку держатся, помогают, а мы, русские, сидим по своим норам в одиночку и друг друга пожираем?

— А что их объединяет? Жажда денег и власти; еще страх. А как они любят хвалиться! До чего у них развито честолюбие! Им проще соврать, чем сознаться, что они ничего особенного из себя не представляют. И ты посмотри, как они агрессивны и жестоки в войне, да и в мирной жизни. И твой «роман» тому свидетельство. Так что мое предложение остается в силе: верни мужа, излечи его от пьянства и люби его — больше, чем себя. А если вы со временем обвенчаетесь, то ваша совместная жизнь приобретет новое качество: вы будете друг друга спасать для жизни вечной.

— Ладно, посмотрим...

Пьянству — бой!

Поздно ночью позвонил Захар. Охрипшим дрожащим голосом сообщил:

— Андрюха, спасай меня, брат... Допился до зеленых бесенят. Во! Прыгают по мне, как блохи.

Он продиктовал свой адрес и со стоном опустил трубку. Андрей взял с собой святую воду, молитвослов, остановил такси и поехал через весь город в Выхино. Открыл ему дверь опухший измятый незнакомец со свалывшейся до войлочного состояния буйной растительностью. Некогда пышущий здоровьем богатырь превратился в обрюзгшего старика с бегавшим пугливым взглядом. В комнате по грязному полу катались пустые водочные бутылки. Ряды икон с потухшими лампадами имели несколько зияющих прогалов. Хозяин заметил недоумение Андрея и пояснил:

— Да заложил я их, когда гонорар кончился... Опохмелиться не на что было. Ой, что тут со мной происходит! Не сплю уже больше недели. Лягу, а глаза даже не закрываются. Бесята по мне бегают, верещат, пищат. Ну, это еще ладно — мелочь. А тут ночью сам являлся... сытырашный! Я ему хотел в морду козлиную дать — так попал в Николу-чудотворца, в икону, значит... Доску пополам кулаком расколел. То песни пионерские пою, то матом часами ругаюсь, то отбиваюсь от приказов покончить жизнь. Вот так прямо и приказывают, сволочи, взять нож и воткнуть себе в глаз или сигануть с балкона. Я все ножи уже в мусоропровод сбросил, а окна и двери гвоздями заколотил. Ну, ты че — принес? А?

— Принес. Ложись на кровать.

Андрей сполоснул большую пиалу, налил святой воды и двенадцать раз окропил все иконы, стены, кровать вместе с замершим на ней больным. Потом зажег все лампы и церковные свечи и по молитвослову стал читать молитвы на изгнание бесов, от пьянства, от страстей, гордыни, нераскаянности... Захар сначала возмутился и требовал «стакан», потом затих и глубоко заснул.

Ночью Андрей вспомнил, как недавно у Свято-Данилова монастыря он подавал милостыню монаху с коробом для сбора денег из подмосковного монастыря и тот рассказывал мужчине с дымящейся сигаретой в руке про Высоцкий монастырь в Серпухове. Сказал, что там у чудотворной иконы «Неупиваемая Чаша» исцеляют от пьянства, наркотиков и курения. Тысячи людей исцелила эта икона. Монах рассказал мужчине, как туда доехать, тот аккуратно записал.

Утром больной проснулся и снова затребовал «стакан», ссылаясь на «дрожь плоти и жжение утробы». Андрей налил воды из чайника, капнул туда святой воды, произнес молитву и дал ему выпить.

— Все, хватит стонать и умирать, одевайся.

— Ты что? Убить меня хочешь?

— Наоборот, оживить. Одевайся.

С помощью Андрея Захар с трудом оделся, и они вышли на улицу. На Рязанке Захар увидел ларек с выставкой разнокалиберных бутылок на витрине и попытался выклянчить денег для «поправки пошатнувшегося здоровья», но был водворен крепкой рукой Андрея в тормознувшее такси. Когда шофер услышал, что ехать нужно в Серпухов, он затребовал оплатить дорогу туда сразу, а потом в конечном пункте — столько же за холостой пробег назад: «Я оттуда клиентов не найду!» Андрей вручил деньги, и они помчались вон из Москвы.

Всю дорогу Захар ныл, после Подольска стал требовать, чтобы его высадили, но получил крепкий удар в бок и какое-то время мрачно скрипел зубами. Таксист гнал машину на предельной скорости. В Серпухове Захар впал в бешенство, извивался всем телом и ругался матом. Андрей взмок, удерживая его, но все же разок досталось и шоферу по затылку. Тот сразу объявил о повышении тарифа. Андрей сунул ему еще денег. Когда машина затормозила у белых стен Высоцкого монастыря, и Андрей расплатился с шофером, тот вытер пот со лба:

— Ну, вы даете, мужики! Знал бы, что вы такие буйные клиенты, — объехал бы вас за километр.

— Запомни, шеф, в этом монастыре лечат от пьянства, наркомании и курения. Может быть, и тебе понадобится.

— Да уж запомню на всю жизнь...

Андрей проводил взглядом удаляющуюся машину, обернулся к качающемуся Захару — и получил сильный удар в лицо. Перед глазами поплыли светящиеся точки, но Андрей сумел устоять и руками крепко обхватил драчуна.

— Андрюха, прости — это не я, меня заставили! — сипел пленник, — я опять слышу голоса. Они требуют, чтобы я тебя убил.

— Это уж дудки-с! Быстро! Идем! — рывкнул он.

Они подошли к черной металлической двери и остановились.

— Перекрестись три раза сам, — потребовал Андрей, державший пленника за плечи.

Захар несколько раз рванулся, но Андрей его удержал. Потом перекрестился дрожащей рукой — и обмяк. Андрей и на себя наложил крестное знамение, и они шагнули на землю монастыря.

Андрей обратился к проходившему мимо монаху и узнал, в каком храме находится знаменитая чудотворная икона «Неупиваемая Чаша». Храм Покрова стоял рядом, и они сразу направились туда. По лестнице на второй этаж Захара пришлось тащить чуть ни на себе. Он жаловался, что ноги не идут, словно ватные. На площадке, куда они поднялись, три двери. «Куда?» — спросил Андрей у женщин. Одна из них быстренько открыла тяжелую дубовую дверь — и сразу напротив Андрей увидел добрые материнские очи Пресвятой Богородицы. Подошли они к иконе в богатом резном киоте и оба встали на колени.

Нижняя лампада красного стекла мягко освещает лик и воздетые руки Богородицы и чашу с Младенцем Иисусом. От теплого трепетного пламени создается впечатление легкого движения, и писанные лики словно оживают и следят за тобой. Две лампадки синего стекла повыше центральной рассыпают по серебристому ажурному окладу синеватые искры, как от молнии.

Захар вжался лбом в коврик, постеленный перед киотом, и затрясся в рыданиях: «Мать родная, Царица Небесная, спаси меня грешного от гибели!» — повторял он снова и снова. Сзади подошла женщина, открывшая им дверь, и протянула Андрею стаканчик:

— Пусть попьет святой водички от молебна.

Захар жадно сделал несколько глотков, затих. Андрей помог ему встать и приложиться к иконе. Когда губы Захара коснулись стекла, он резко отпрянул, закрыв рот рукой, и со страхом глядел на икону:

— Как током ударило! Я уж думал, что стекло треснуло. О, Господи, ну и шарахнуло меня...

— Если бы чуть раньше приехали, то успели б на молебен. Он только вот кончился, — услышали он за спинами голос сердобольной женщины. — Ты, сынок, сам приехал, молодец! А я мужа своего привезти не смогла. Из самого Владивостока приехала к иконе чудотворной. А вы идите в трапезную, найдите отца Иоанна. Он селит в гостиницу. Поживешь здесь пару-тройку дней и, даст Бог, излечишься.

Отец Иоанн отобрал паспорт у Захара и поручил его труднику, убиравшему со столов посуду. Тот проводил их в небольшую двухэтажную гостиницу, прочитав молитву, впустил в комнату с десятком кроватей. Захар снял туфли, лег на кровать и сразу заснул. Андрей с парнем вышли из гостиницы и присели на скамейку. На вид ему было лет тридцать, белокурый, с редкой бородкой. Глаз своих он не поднимал. Постоянно перебирал длинные шерстяные четки. Старенькие черные джинсы и серая ковбойка потерты и мяты, что хозяина совершенно не волновало. Голос негромкий, мягкий, высокий. Речь неторопливая.

— Ты за него не волнуйся. Здесь болящих сейчас человек двадцать. Тут иногда привозят таких, что жутко смотреть. А через день-два смотришь — уже другой человек. Он верующий?

— Вроде, да.

— Тогда проще. Но, знаешь, даже неверующих понимает. Многие здесь даже крестятся сначала, а уж потом лечатся. Ты видел, сколько перстней, колец и цепочек золотых под стеклом киота висит?

— Да, припоминаю...

— Это исцеленные в благодарность оставляют.

— А ты здесь по какому делу?

— От курева избавляюсь. Вот уже три дня не курю — и никакой тяги. Решил пожить здесь еще неделю, чтобы уж навсегда от этой страсти разрешиться. Здесь хорошо, брат. Так благодатно, что и слов нет! Так же хорошо мне было только на Афоне.

— А ты и там уже побывал?

— Да вот сподобился... Продал мотоцикл — и спаломничал.

— А мотоцикл не жалко?

— Нет! Афон, брат мой, того стоит. Я две недели в нашем Пантелеимоновом монастыре прожил, и если бы можно было, то остался б навсегда.

— А что остановило?

— Мир не отпускает. Я его пока не научился ненавидеть.

— А, может, тогда и не стоит?

— Да нет, стоит. С ним все понятно. Тухлый он... Это во мне страсти никак не утихнут. Вот поживу в церкви подольше и все равно уйду на Афон. Пешком. С котомкой сухарей и с Библией. Дух Святой меня туда зовет. И любимый святой, преподобный Силуан. — Он встал. — Прости, брат, надо идти в трапезную. А за своего друга не волнуйся. Присмотрю за ним.

«Снова Афон. Снова преподобный Силуан.» Андрей оставил труднику свой телефон и немного денег для Захара на обратную дорогу. Поблагодарил за заботу.

Перед отъездом Андрей зашел в Покровский храм попрощаться с чудотворным образом. И снова его обдало тихим светлым сиянием, исходящим от иконы «Неупиваемая Чаша». И уже растаяло удивление от многочисленных исцелений: такая сильная благодать исцелит кого угодно — только распахни этому душу, не ставь препятствий из своей гордыни. Вот оно — бери, сколько сможешь!.. Приложился Андрей и к другим иконам, сияющим с древних стен и колонн храма. Приложился он к золоченым ковчегам с множеством святых мощей.

А на выходе из храма на мощной колонне Андрей увидел вдруг знакомый образ на золотом фоне, афонского письма, с греческими буквами вокруг горящего в молитве лика... Да! Это он! Преподобный старец Силуан Афонский, на которого из верхнего угла иконы из Своих Небесных царственных высот смиренно взирает Сам Иисус Христос!

В электричке Андрей порылся в своей объемистой сумке и среди смет, договоров, графиков, писем, справочников нашел книгу в золотистой обложке (хорошо, что не выложил!) — «Преподобный Силуан Афонский». Он посмотрел оглавление, нашел писания старца Силуана, открыл — и перестал что-либо слышать...

«Господь милостив, знает это душа моя, но описать невозможно. Он зело кроток и смирен, и когда душа увидит Его, то вся изменяется в любовь к Богу и ближнему, и сама делается кроткою и смиренною, но если потеряет человек благодать, то будет плакать, как Адам по изгнании из рая. Он рыдал, и стоны его слышала вся пустыня; слезы его были горьки от скорби, и много лет проливал он их.

Так душа, познавшая благодать Божию, когда теряет ее, скучает о Боге и говорит: скучает душа моя о Боге, и слезно ищущу Его...

Я по себе сужу: если меня Господь так возлюбил, то, значит, всех грешных Он любит так же, как и меня. О, любовь Господня; нет сил ее описать, ибо она безмерно великая и чудная...

Душа долго живет на земле и любит земную красоту; любит она и небо и солнце, любит прекрасные сады, и море, и реки, леса и луга; любит душа и музыку, и все это земное услаждает душу. Но когда познает она Господа нашего Иисуса Христа, тогда не хочет уже видеть земное...

Великое чудо: душа вдруг познает своего Создателя и Его любовь.

Когда душа увидит Господа, как Он кроток и смирен, тогда она и сама смиряется до конца и ничего так не желает, как смирения Христова; и сколько бы ни жила душа на земле, она все будет желать и искать это непостижимое смирение, которое невозможно забыть.

Господи! Так много Ты любишь человека!..

Но кто не будет любить врагов, тот не может познать Господа и сладость Духа Святого.

Дух Святой учит любить врагов так, что будет жалеть их душа, как родных детей.

Ты говоришь, что он злодей и пусть горит в адском огне.

Но спрошу тебя: если Бог даст тебе хорошее место в раю, но ты будешь видеть в огне того, кому ты желал огня мучений, неужели и тогда тебе не будет жалко его, кто бы он ни был, хотя бы враг Церкви?

Или у тебя сердце железное? Но в раю железо не нужно. Там нужны смирение и любовь Христова, которой всех жалко.

Кто не любит врагов, в том нет благодати Божией...

О, Христово смирение, как оно сладко и приятно. Оно только в ангелах и святых душах обретается, а мы должны считать себя хуже всех, и тогда Господь даст и нам познать Христово смирение Духом Святым...

Я не могу Тебя забыть. Как забуду Тебя? Твой тихий, кроткий взор привлек мою душу, и радовался дух мой в раю, где я видел лице Твое. Как забуду я рай, где любовь Отца Небесного веселила меня?»

Снова женщины

Во дворе своего дома Андрей снова столкнулся с гуляющим при полном бархатном параде Федором. Тот убрал губы с белых ровных зубных протезов и театрально раскрыл объятая:

— Возлюбленный брат мой! Когда ты снова придешь ко мне в гости? Я все еще не оставляю надежд на взаимность нашей любви. Ведь мы обязаны любить друг друга, правда, Андрюшенька?

— Обязательно, Феденька! И я тебя люблю и молюсь о тебе. Вот только любить твой смертный грех, убивающий душу твою, я не имею права.

— Опять ты о мрачном... Жизнь так прекрасна, когда есть вкусная еда, денежки зелененькие и любовь! — Патетически вздернул он свой подбородок, закатив глазки.

В это время к нему молча подошел улыбающийся юноша в белоснежном костюме с пестрым платком на шее.

— Ах, извини, Андрюша, я сегодня... не один, — и они направились в сторону подъезда, где так «прекрасно» жил Федор.

В прихожей Андрея чуть не сбила Света с подносом в руках. Она, как всегда, округлила глаза и выдала очередную новость:

— У меня в гостях мой Серега и твоя бывшая! Нет, ну я просто диву даюсь, что творится!.. Быстренько иди мне на подмогу.

Андрей сразу зашел в ванную и по-быстрому принял бодрящий холодный душ. Бессонная ночь все же сказалась на его самочувствии. Но вот ледяная струя окатила его с головы до ног — и от вялой тяжести в теле не осталось и следа. Во время бритья он пристально осмотрел отражение своего лица: только легкое покраснение белков глаз выдавало усталость.

В комнате Светы за накрытым столом сидели Сергей и Лена. Они уже выпили, поэтому вели себя раскованно, курили и громко смеялись.

— А вот и мой бывшенький пожаловали! — взмахнула длинной сигаретой Лена.

— Здорово, Андрюха! — раскинул руки Серега. — Садись, выпьем за встречу.

— А я вот как раз из монастыря вернулся, где от пьянства лечат. Интересное совпадение, правда?

— Ты про это подробнее расскажи, особенно вот этому хулигану, — Света взъерошила волосы мужа.

— Нечего нам в монастырях делать. Нам туда еще рано! — Сергей пригладил волосы и восхищенно взглянул на Лену. — Когда такие красавицы к нам в гости ходят.

Разрумившаяся Лена блеснула на всех зелеными красивыми глазами, будто спрашивая: «А что, разве не так?» И действительно, в ее внешности имелось все, что делает женщину красивой. Ни единого изъяна ни на лице, ни в фигуре.

— Слушай, а ты-то что там делал? Ты же трезвенник, — удивилась Света, обращаясь к Андрею.

— Знакомого возил. Допился он до зеленых бесенят. Чуть с собой не покончил.

— Ой, вот только не надо о мрачном! Вечно ты, Ильин, всем настроение портишь! — возмутилась Лена, демонстративно поднимая бокал с вином. — Давайте выпьем, чтоб не в последний раз.

Андрей встал и вышел в свою комнату. В душе его зарождалось темное холодное раздражение. С этим надо что-то срочно сделать, а то оно поглотит его и выплеснется наружу. Рука в кармане нащупала четки отца Сергия — и сразу Иисусова молитва сама собой стала действовать в нем. Он сосредоточивал ум на каждом слове, будто впервые их узнал. Краткая, но мощная молитва неопалимым огнем пожигала раздражение и сумятицу в душе. Погружение в эту молитву отключило его от всего внешнего, он не слышал звуков, время вытянулось, изогнулось замысловатой спиралью... Теплое и светлое смирение поселилось в душе. В наступившей тишине и безмятежности он случайно взглянул на часы. Прошло не более трех-пяти минут, как он вышел из-за стола. Он переоделся и вернулся к гостям.

За столом произошла какая-то перемена: скучно подперев голову кулаком, сидел в одиночестве Сергей, зато женщины вели оживленную беседу.

— Ты извини, Андрей, но я кое-что ей высказала.

— А вы тут, я смотрю, спелись, соседочки! — Лена взглянула на поникшего Сергея. — Может, мы тут лишние, Серег?

— А вот за это ты и от меня можешь получить, красавица! — мотнул головой Сергей. — И не только словами. Я уж не знаю, сколько вы там с Андреем жили вместе... только надо абсолютно его не знать, чтобы такую ерунду сказать!

— Ребята, давайте жить дружно, — сумел-таки вклиниться Андрей в эту опасную перепалку. — Тут я должен защитить свою жену и кое-что объяснить. Дело в том, что, когда мы с ней жили, я был совсем другим. Поэтому Лена никак еще не осознает и не привыкнет к тому, что в этой телесной оболочке, — он похлопал себя по груди, — проживает другой человек. Я другой, Лена! А чтобы отсечь лишние темы нашего разговора, я при свидетелях заявляю тебе, что после развода с тобой я взял на себя обеты безбрачия и трезвости.

— Да он у тебя святой! — вдруг завопила Света. — Да если бы мой Серега хоть немного стал таким же, как Андрей, я за ним хоть в Сибирь! Вот...

— Ты что, правда, Свет? За мной в Сибирь, как эти... жены декабристов? — заулыбался Сергей, с восторгом любуясь своей женой.

— Да ты хоть пить брось... я и так куда хочешь с тобой...

— Андрей! — завопил уже Сергей. — Вези меня в свой вытрезвитель монастырский. Ты видал? Это же Жанна д'Арк! Это же Пенелопа! Ух, как же я тебя... — он щелкнул зубами в сторону Светы, — так бы и съел...

— Имей совесть, Серега... — приструнила она мужа, но потом тихо улыбнулась и взъерошила ему шевелюру, — людоедушка ты мой...

— Андрей, пойдем к тебе, поговорим, — Лена встала и потянула Андрея за руку к двери.

— Давай кофе на кухне приготовим, — предложил он, когда они вышли из Светиной комнаты и остановились за закрытой дверью.

— Давай, — тихо выдохнула Лена, опустив голову.

Пока Лена нервно курила, присев на табуретку, Андрей жужжал кофемолкой, ставил турку на огонь, перебирая непрестанно четки.

— Ты правду сказал, насчет обета?

— Если я говорю что-то, то это правда.

— А что за Алена вокруг тебя кругами ходит?

— Она мне как сестра. У нее проблемы, и я пытаюсь помочь с ними справиться.

— Теперь ты всем помогаешь? Или только молодым и красивым женщинам?

— Помогаю всем, кто ко мне обращается. Это мой долг. А кроме тебя для меня женщин нет. Представительницы противоположного пола могут быть для меня или сестрами, или матушками.

— Говорят, что ты мать до инсульта довел. Это так?

— Конечно, есть в этом и моя вина... Даже самая большая. Мне кажется, если я пришел к Богу, то и все обязаны тут же бежать в храм. А люди — они такие разные. Одним для спасения нужен пожизненный монашеский подвиг, другим — достаточно монетку нищему дать. Так что не мне учить — сам неуч.

— И все-таки помогаешь, советуешь, учишь...

— За что и получаю...

— Андрюш... — Лена запнулась, — а... можно... я останусь у тебя?

— Мне этого очень бы хотелось...

— Действительно?!

— ...очень бы хотелось... Но теперь уже не могу. Только после венчания.

— Снова! Теперь ты и меня до инсульта хочешь довести?

— Что ты, ни в коем случае, Лена. Ты понимаешь, супружеские отношения без венчания — это блуд. А блуд — это такой же смертный грех, как убийство!

— Да что ты говоришь! Сколько людей живут без твоего венчания — и ничего! Что же все — убийцы?

— Если не знают этого, то, наверное, нет. Но если знаешь, четко это себе представляешь и осознаешь, то, безусловно, — грех, равный убийству!

— Ох, как с тобой тяжело!

— Если грешить — то невозможно тяжело. Просто невыносимо...

— Ладно, пошла я... проводи до двери.

— Лена, если хочешь, мы можем с тобой поговорить об этом еще раз. Столько, сколько хочешь. Я тебе всегда буду рад, правда!

— Пошел ты...

Андрей закрыл за Леной дверь и вернулся в свою комнату. Он перебирал в памяти разговор и перебирал в молитве четки.

От тюрьмы не зарекайся

Перед Андреем на эскалаторе стоял мужчина в светлом мятом костюме и по мере подъема раскачивался все сильнее. Сумка через плечо болталась в такт его движениям и задевала обгоняющих горластых парней, бегущих вверх.

Когда подъем завершился, и надо было ступать через порожек на твердую гранитную почву, мужчина запнулся о гребенку и с утробным ворчанием растянулся прямо перед Андреем. Тот перешагнул через беспомощное тело и, стремительно изогнувшись, рывком отбросил его из-под десятков надвигающихся безжалостных ног. Мужчина бессмысленно глянул одним глазом на Андрея, буркнул что-то и прислонился обмякшей спиной к полированному камню стены. Кто-то подошел сзади и успокоенно констатировал: «Пьяный!». Шаги его удалились.

Андрей тряхнул мужчину, поднял на ноги, подхватил под мышки и потащил к выходу. Мужчина то шагал своими неверными ногами, то повисал на Андрее. Толпа вокруг расступалась и сыпала упреками в их адрес: «Нализались уже! Куда только милиция смотрит!»

У выхода из метро их встретила милицейская машина и, несмотря на попытки Андрея что-то им объяснить, грубые руки втолкнули в зарешеченный салон обоих и грохнули запираемой дверцей.

В ближайшем отделении милиции их освободили от вещей и шнурков и втолкнули в камеру предварительного заключения, снова грохнув металлической дверью.

— Во, еще парочка! Точно — у них сегодня облава! — весело раздалось из глубины помещения.

Андрей пристроил мужчину на дощатом настиле, сам присел рядом и оглянулся. На настиле в разных позах сидели и лежали четверо потных узников. В углу свистел и булькал в ржавых потеках унитаз. В камере висел кислый прокуренный перегар. По рукам ходил сырой захватанный окурочок. Двое из присутствующих, похожие на студентов, были такими же случайными; зато остальные двое, судя по обилию синих рисунков на коже, — по всей видимости, завсегда и подобных мест.

Попутчик Андрея уже мирно спал, ворча на кого-то во сне. Андрей приблизился к соседям и назвал свое имя. Руки ему никто не пожал, а имена свои назвали только двое: «студент» Витек и «зэк» Валера. Остальные только криво усмехнулись и развалились на крашенном охрой грязном настиле.

— Курить есть? — поинтересовался Валера.

— Я не курю.

— Маленький сынок?

— Конечно. А тебе что, при рождении удалось обойтись без мамы?

— Хамишь?

— Ни в коем случае! Уточняю.

— За что тебя-то загребли, умник?

— Помогал вот ему выйти из метро. Его на эскалаторе как-то сразу развезло.

— А кто он? Костюмчик у него долларов на триста тянет.

— Не знаю. Он случайно передо мной на эскалаторе оказался.

— Сыч, оцени прикид.

Из угла поднялся второй зэк и нагнулся над спящим.

— Не трогай, — сказал Андрей.

— Это еще почему? — прохрипел Сыч.

— Неприлично...

— Чего? — Сыч подскочил к Андрею и дохнул ему в лицо гнилью.

— Сядь на место. Пожалуйста. — Андрей положил ему руку на плечо и развернул в сторону угла.

Сыч застыл, озираясь на Валеру. Остальные напряженно наблюдали сцену.

— Тебе же сказали: сядь, — кивнул Валера. И, взглянув Андрею в глаза: — Командую здесь я, понял?

— Я просил, а не командовал.

— Вежливый, значит? — Валера плавно поднялся и вплотную приблизился к Андрею.

Ироничный колючий взгляд Валеры уперся в полуприкрытые веками глаза Андрея. Но вот веки медленно поднялись, взгляды встретились — и Валера сначала замер, потом обмяк и вяло присел на свое место.

— Сидел?

— Нет.

— Воевал?

— Это постоянно.

— Крутой?

— Не-а.

— Не хочешь — не говори.

Валера обиженно отвернулся. Из-под мокрой на спине рубашки выступили лопатки и цепочка позвонков. Суровый мужик лет эдак под пятьдесят стал похожим на хилого подростка. Андрей подсел к нему и шепотом произнес:

— Да ты не нервничай, власти твоей у тебя не возьму. Но и спящего, извини, раздевать не дам.

— Ты кто по жизни? Я тебя никак не пойму, — тоже шепотом отозвался Валера. — Может, казачок засланный? Из-под ментов?

— Э, нет, вот это никогда! Совсем ты, Валера, в людях не разбираешься.

— Прет от тебя... силищей какой-то. — Он снова жадно осмотрел собеседника от ботинок до глаз. Снова запнулся о взгляд Андрея и пожал плечами. — Был бы ты в законе — тогда понятно. Но ведь не наш ты...

— В законе я, Валера... Только не в твоём воровском.

— Тогда в каком?

— В законе Божьем.

— Это! — Валера сжал кулак и резко выдохнул: — Это... я уважаю.

— А я уже понял. Потому и подсел к тебе.

— Ты это... по-настоящему: ну, постишься, молишься?..

— Конечно.

— Уважаю. Я пробовал — слабо! — Валера придвинулся еще ближе и почему-то на ухо зашептал. — У нас в зоне церковь была. Нас туда гоняли. Некоторые потом ходили сами. Да только я не смог.

— Почему?

— Поп там был какой-то... злой. Я к нему по-человечески, а он — сразу ругать меня. Ни поп, а кум... ну, вертухай, в общем.

— Так ты к Богу приходил или к попу?

— Ну, как... к попу. А как это — к Богу?

— Церковь — это храм Божий. А уж священник — какого Бог послал, такого и терпи. Смиренно. А без смирения к Богу идти бесполезно, даже вредно.

— А вот этого твоего смирения никак не могу понять. И левую щеку после пощечины по правой — тоже.

— Так ведь Иисус Христос — всемогущий и великий Бог — образец смирения. Ты думаешь, Он не мог наказать тех, кто Его распинал? Да Он одним дуновением, одним Своим помыслом всю вселенную сжечь может, а не то что кучку ничтожных людишек.

— Так чего ж не сжег?

— Потому что Он воплотился на земле среди людей, чтобы Своей великой жертвой искупить все грехи человечества. Потому смиренно подчинялся всем законам людей. И обрезать Себя позволил, потому что по закону было положено. И до тридцати лет плотничал, потому что только с тридцати лет тогда в Израиле можно было начинать священническую деятельность. А когда после предательства Иуды Его пришли брать в плен в Гефсиманском саду, и Петр обнажил меч, чтобы защитить Его, сказал Он Петру: неужели ты думаешь, что если бы Я захотел, то здесь бы не появились двенадцать легионов ангелов? Но Мне надлежит выполнить волю Божию и все пророчества Писания. Потому убери свой меч, ибо кто вынет меч, тот от меча и погибнет! И смиренно позволил Себя распять. И до сих пор наш всемогущий Господь опять же смиренно ожидает, пока последний грешник не обратится к Нему с покаянием, чтобы Он этого грешника спас. А если ты не примешь душой смирения — то отдашь себя во власть силе совершенно противоположной, которая называется гордыней. Это именно то самое, что ангела превратило в сатану и человека из царя тварного мира превратило в то, что мы есть.

— А ты не думаешь, что если я смиренно стану жить, то об меня все, кому не лень, будут ноги вытирать?

— А вот это нет! Ты сейчас высказал самую лживую мысль, которую сатана долбил в головы людей. Как раз все наоборот. Вот ты сказал, что силу какую-то во мне

чувствуешь. Так вот, Валера, сила эта не моя. Я-то как раз готов подставить левую щеку после удара по правой. Только что-то с тех пор, как я стал смирения искать, никто не ударяет. Все, как ты, боятся. Потому что сила меня охраняет такая, которая вселенную одним дуновением сожжет, а другим дуновением новую создаст. В этом и состоит самая великая тайна христианства.

— А чего ж ты здесь-то оказался? Чего это Бог тебя не защитил?

— Я так думаю, что именно для того, чтобы ты, Валера, от меня вот эти слова выслушал и сделал вторую попытку прийти к Богу. Потому что, когда любой человек приходит с покаянием к Богу, то все вселенское зло получает такой мощный удар, что весь ад сотрясается. А небесные силы при этом радуются и празднуют величайшую победу. Иисус Христос после распятия спустился в ад и выпустил души всех праведников в Царство Небесное. Почему бы мне, недостойному рабу Божьему, не сойти в эту тюрьму, чтобы хотя бы одну душу привести к Богу на покаяние?

— Это что, я тоже праведник? — почему-то смущенно спросил Валера.

— Вряд ли. Только если ты сейчас меня слушаешь и позволяешь этому входить в свою душу, то, значит, ты еще живой. Значит, тебя Господь призывает к Себе. Значит, спасти тебя, грешного, хочет. Только на этот раз ты уж доведи дело до конца. Не посрамись. Считай, что это твой последний шанс. А цена вопроса, Валера, не малая: или блаженная жизнь вечная — или вечные мучения в огне адском. А там, поверь, так гнусно, что за секунду больше мучений примешь, чем за всю самую страшную жизнь на земле.

— Так ведь разве мне светит в рай попасть? Да на мне грехов, Андрей, как грязи! Да я на исповеди несколько лет их только перечислять буду! Прости, Господи, меня грешного!

— Вот видишь, как ты хорошо сказал! Да ты сам не знаешь, что ты сейчас сделал! Ты уже совершил целый переворот в своей душе, ты уже потряс вселенское зло!

— Да ладно, что я такого сказал? — снова смутился Валера.

— А вот что! Когда Иисус Христос умирал на Кресте, рядом с Ним висели двое разбойников. Один из них смеялся над Иисусом, говорил примерно, как и ты недавно: «Если Ты Христос, то почему Себя не спасешь?» Другой же разбойник на это сказал: «Мы осуждены справедливо, а Он ничего худого не сделал!» И потом этот благоразумный разбойник сказал примерно, что и ты сейчас: «Помяни меня, Господи, когда приидеши во Царствие Твое!» И знаешь, что ему ответил Иисус Христос? «Ныне же будешь со мною в раю!» Вот так! За одно только «Господи, помяни!» И не думай, что исповедь — это что-то позорное и стыдное. Позорно грешить, а исповедоваться — великое счастье. Это как в бане — жарко, пот льется, зато потом — такая легкость! Такая чистота в душе! Да ты себя впервые человеком почувствуешь, ты несколько дней как на крыльях летать будешь! Только имей в виду — сейчас нас не только твои сонарники подслушивают, но и враг твой, который внутри тебя сидит и заставляет грешить. Так что он сделает все возможное, чтобы тебя от этого великого дела отвратить. Будет предлагать тебе разные причины, чинить препятствия — да все что угодно, чтобы только ты не дошел до священника с епитрахилью и не стал перед аналоем. Так ты уж будь мужиком — прорвись!

— Это уж я сделаю, будь спокоен. Пусть только высунется! — Валера сжал кулак.

Со скрипом отворилась дверь в камеру, и вошел капитан. Раскачиваясь на каблуках скрипучих сапог, оглядел за-ключенных, упиваясь своей властью, и вдруг гаркнул во весь голос:

— Ильин, на выход. Остальным ждать!

Новости

Как из другой жизни, затрещал телефон.

— У меня столько новостей, что не знаю, с какой начать, — заговорил Юра.

— Начинай с начала.

— Я в прибольничную церквушку заходил, познакомился с отцом Алексием. Знаешь, что он мне сказал? Что заходила пожилая дама и имела с ним беседу. Сказала, что ей явился Ангел и повелел идти к нему на исповедь. Исповедалась эта дамочка. Соборовал ее батюшка... А по описанию дамочка эта очень напоминает нашу с тобой матушку. Вот так.

— Ты знаешь, Юр, я тебя умоляю, ничего ей об этом ни говори. Если нужно, она сама скажет. А может, и не скажет никогда. Если это случилось, значит, по молитвам отца игумена и по болезням ее она войдет в храм. Сама. Но нам с тобой нужно быть очень тактичными и... В общем, пока будем молчать.

— А я уж думал прямо сейчас к ней поехать.

— Ни в коем случае...

— Ладно, если ты настаиваешь. Вторая новость такая: генерал Егоров после моей беседы с ним перечислил со своего расчетного счета в монастырь крупную сумму. И что ты думаешь? Сразу ему позвонил его спонсор и сказал, что если это повторится, то денег у него больше не будет. Никогда.

— И что твой генерал?

— Ну, ты знаешь, что без больших денег в политике делать нечего. В общем, он решил, что насчет монархии и помощи Церкви он пока тормознет. Сначала, говорит, войду в большую политику, а уж потом буду гнуть свою линию. Вот так.

— Сначала за решетку устроюсь, а потом о свободе подумаю. Так, что ли?

— Ну, ты не надо так уж сурово!

— Не дадут ему гнуть свою линию, если местечко купят. Всегда напомнят, что кто платит, тот и музыку заказывает. Деньги ему дают на лоббирование определенных интересов спонсоров. Тут надо с шапкой по Руси — и не брать грязных денег вовсе.

— Так не бывает.

— А кто пробовал?

— Ладно, пока это замнем...

— Ты, брат, сам для себя реши: с кем ты? Главное — не дело любыми средствами сделать, а душу свою не загубить! Ибо, что для тебя толку «весь мир приобрести, а душу свою потерять»?

— Замнем, брат... на время...

— Дальше давай.

— А дальше я Лиде трубку передам — она остальное сама расскажет.

— Андрюша, здравствуй. Алена тут без тебя приезжала. Я ей рассказала, что ты болел, несчастья на тебя валяются, и уезжал, поэтому она боится тебя тревожить...

— Ох, какой же я эгоист! — хлопнул он себя по лбу. — Совсем в своих заботах о ней забыл!

— Ничего страшного, она все понимает. Ты же знаешь, она у нас девушка самостоятельная... Без комплексов. Так вот она рассказала, что походила по церквям, поговорила со священниками, выяснила, кто из них самый-самый и прорвалась к нему на разговор. Она ему вроде как интервью устроила. В общем, забросала батюшку сотней вопросов, и он ее послал в Оптину пустынь. Алена туда уже съездила. Приехала вся одухотворенная, счастливая, по горячим следам написала шикарный очерк. Я сама его читала. Знаешь, лучше она еще ничего не писала! Так вот, принесла очерк в свою газету, и тут началось...

— Что — неприятности? — у Андрея закололо в боку от гадкого предчувствия.

— Не то слово. Трагедия. Из газеты выгнали, квартиру отбирают. Короче, ты позвони ей и помоги хоть советом, что ли?

— Спасибо, Лидок. Сейчас позвоню...

Андрей набрал номер телефона Алены и сразу же услышал ее голос.

— Андрюш, как у тебя дела?

— Нормально, Ален. Лида сказала, что у тебя неприятности...

— Да. Я и сама не знала, в каком гадюшнике работала. Я им такой очерк написала — а они меня вышвырнули, будто я им бомбу принесла.

— Ну, в каком-то смысле это и есть бомба. Насколько я знаю направление этой газеты — они мусор по помойкам собирают, прихорашивают, золотят, добавляют жемчугов словесных и выдают многотысячными тиражами. А уж откровенной лжи сколько там! Система у них простая: пиши о чем хочешь, делай что хочешь, только в церковь не иди.

— Я, конечно, знала, что это так, но сама писала только правду...

— О тусовках и бомонде.

— Ну да, но правду же!

— Правду, насколько я понял, ты написала впервые. И сразу — выгнали.

— Если бы только это. Главный заставляет съехать с квартиры.

— Ты же говорила, что она твоя.

— И я так думала. Мне ее дали в рассрочку под контракт, чтобы я частями вносила ее полную стоимость. Осталось совсем немного. Когда они меня гнать стали, я заняла денег и внесла остаток суммы. Теперь я ее выкупила. Но они говорят, что контракт со мной расторгли до внесения мною последней суммы и теперь они ее мне продают по рыночной стоимости, то есть в три раза дороже.

— Мстят они тебе.

— Это точно. Где я теперь найду такие деньжищи? Главный сказал еще, что он мне даст такую рекомендацию, что я с ней только в заводскую многотиражку смогу устроиться. Короче, конец карьеры! Что мне делать?

— Ты же была в Оптиной пустыни, по церквям походила. Должна уж понимать, что нужно сделать. Закажи сорокоуст о здравии своего главного во всех храмах, где только можешь.

— У меня теперь и денег нет...

— Дам я тебе на это. Только закажешь ты сама, договорились?

— Хорошо... А еще?

— Все. Ищи работу. Сейчас есть православные газеты и издательства — обратись в первую очередь туда. А я подумаю, что еще можно сделать. Ты молитвослов купила?

— Купила. И еще много разных книг. Да, ты знаешь, — оживилась она, — я пробовала читать — это что-то необыкновенное! Если бы ты меня не подготовил, ни за что бы не поверила, что святые отцы действительно так жили. Представляешь — корочку хлеба в неделю! Сон по часу в сутки. И так десятки лет до глубокой старости в непрестанных трудах и молитвах. Я просто в них влюбилась! Какие же мы по сравнению с ними дохлые!

— Наверное, тебе пора начать молиться.

— А я уже начала. Мне в Оптиной батюшка посоветовал начать с ежедневного молитвенного правила. Я уже читаю. Слушай, не поверишь: поклоны отбиваю за каждый год, прожитый вне Церкви. Мне иногда кажется, что это не со мной происходит.

— Добавь молитву об обретении своего жилища благоверному Даниилу Московскому.

— Сейчас, секундочку... Вот взяла, открыла оглавление. Есть такая! Все, сегодня же начну. Как мне сразу спокойно с тобой стало! Ничего, если я буду тебе позванивать иногда? Теперь мне нужны будут твои советы.

— Конечно, звони! И прости меня, что я тебя не предостерег насчет очерка.

— Думаешь, ты бы меня остановил? Плохо ты меня знаешь, Андрюш. Я никогда в своей работе на начальство не оглядывалась.

— Но и не выгоняли же тебя вот так сразу?

— Да, это впервые. Здесь ты прав. Зато теперь знаю цену этой газетенке. Да и многое за эти дни пришлось переосмыслить. С одной стороны, страшно становится, что в таком мерзком мире жить приходится; а с другой стороны — как вспомню Оптину,

монахов таких спокойных и мудрых... Молодых, красивых — и мудрых. А как там было хорошо! Я исповедалась, окунулась в святой источник. Слушай, совершенно другой мир, другие ценности! Когда читаешь — это одно. А когда сама вот так лицом к лицу с этим столкнешься — как в другое измерение попадаешь. Там-то я и вспомнила твои слова, что на молитвах монахов весь мир, вся жизнь держится. Там я в это поверила. Удивляет меня другое: зачем они отмаливают этот трухлявый мир? Ведь им, как никому, видна его обреченность.

— А для того, милая сестрица, чтобы такие, как ты, смогли обратиться к Богу и покаянием спасти душу для вечной жизни.

— Вот-вот, вечность! Там, в Оптиной я это ощутила! Среди сосен, покоя, колокольного звона, черных монашеских одежд... Ну, как я могла об этом не написать! Да меня всю переполняло таким!.. Я исписала там несколько блокнотов. И чтобы какой-то главный этому во мне помешал!

— Я думаю, Аленушка, что пройдет какое-то время, и ты своего главного будешь почитать за своего спасителя. Никто тебе не сделал столько хорошего, как он. Благодаря ему ты приобрела очень хороший импульс в новую жизнь. Он тебя заставил порвать с тем миром, в котором ты могла плавать, как селедка в рассоле, всю жизнь. Он снял с твоих глаз розовые очки, и ты увидела все в реальном свете. Не все еще увидела, конечно, но уже очень многое.

— Ну почему! — закричала Алена так, что Андрей отодвинул трубку от уха. — Почему лучшие мужики или в монастыре, или женаты на других?!

— Так, стоп, девушка! Здесь разговор сделал нежелательный вираж. Хотя насчет монахов я свою точку зрения высказать могу. Потому и в монастырях — что лучшие.

Только он положил трубку — снова звонок. Андрей услышал тихий голос матери:

— Сынок... Прости меня, старую... Я так виновата перед тобой, что нет мне никакого прощения.

— Мам, ты успокойся. Ты же знаешь, что я тебя люблю и никогда на тебя не обижался.

— Нет мне прощения... — из трубки раздались всхлипывания. — Но теперь у нас все будет по-другому, слышишь, сынок? Теперь со мной повторилось все, что было с твоим дядей. Помнишь, как он умирал? Всю жизнь церкви рушил, а перед смертью ему ангелы явились, и он затребовал священника. Тогда мы все подумали, что он с ума сошел, но батюшку все-таки позвали. А теперь и я все это сама увидела. Огромные золотые ворота в драгоценных камнях открылись, и оттуда полились такие... красивые звуки. Там за воротами светило яркое солнце. Но потом ангелы сказали, что мне там не место, что я забыла Бога. И ворота закрылись. И я оказалась в страшной темноте. Стало холодно, страшно... Потом вокруг что-то завывало, закричало. Услышала какой-то дикий хохот и гнусные такие голоса: «Ты наша, наша!» Потом увидела какую-то маленькую церковь, и священника у ворот, как бы в ожидании. И тут я проснулась и сразу выглянула в окно, увидела за воротами больницы церковь, и батюшка в этот миг открывал ворота и смотрел в мою сторону. Ну, я и побежала туда. Меня пытались остановить, но, ты же знаешь: со мной этот номер не пройдет. Отец Алексей меня исповедовал... Он такой умница. Такой добрый... Потом соборовал, и вот мне уже лучше. Только вот перед тобой, сынок, вину чувствую. Это хорошо, что мы по телефону... Вот так с глазу на глаз я бы не решилась, стыдно.

— Не мучай себя. Я очень рад за тебя, мам. Теперь у тебя новая жизнь начнется. Радостная. Я теперь за тебя спокоен.

Захар

— Андрей, ты это... может, приедешь? Короче, «Люлек, забери меня отсюда. Я сегодня в тимирязевском...»

— Ты сам никак не можешь?

— Смог бы, если б было на что.

— Так я же оставил на дороге!

— Пал я, брат, демонской стрелой пронзенный. Пропил дорожные.

— Ладно, приеду.

В электричке шумно разговаривали рабочие, густо пересыпая свою речь руганью. По вагону то и дело сновали торговцы, крикливо и занудно навязывая свой товар.

...Из угла вагона донесся пьяный голос паренька, который с хвастливым наслаждением рассказывал о зачистке селения под Грозным, где ему пришлось вволю пострелять и побросать гранат.

Андрею показалось, что вся нечисть на него ополчилась: в душе нарастало смятение и тоска. Он стал горячо молиться, изнутри крестя свое сердце, как учил старец. Когда темнота отступила, и на душе восстановился покой, он открыл писания старца Силуана — и с первой же строчки перед ним открылся мир благодатной любви:

«Когда душа научится любви от Господа, то ей жалко всю вселенную, всякую тварь Божию, и она молится, чтобы все люди покаялись и приняли благодать Святого Духа. Но если душа теряет благодать, то отходит от нее любовь, ибо без благодати Божией невозможно любить врагов, и тогда от сердца исходят помышления злые, как говорит Господь (Мф. 15, 19; Мк. 7, 21–22)».

Захар лежал на кровати и разговаривал с молодым горцем. Увидев вошедшего Андрея, он сказал:

— Ты представляешь, пьет наш Суренчик коньяк из фляжки, кушает бастурму, курит сигаретки, читает детектив и каждый день ходит к Причастию.

— А ты нэ учи, сам алкаш, — вяло огрызнулся парень.

— Так я не иду пьяным к Причастию.

— Подумаешь! — бросил парень и отвернулся к стене с книжкой в руках. На обложке надпись золотом: «Я — вор».

— Ну, а ты как? После срыва на молебне был?

— Дважды. На меня уже и епитимейку наложили, так что все нормально. Поехали! Иконку мне дали, святой воды набрал, акафист тоже есть для ежедневного прочтения. Теперь и домой можно. Дел там накопилось! Читка, верстка, правка... Сейчас у отца Иоанна благословение на дорогу возьму — и поехали.

Пока Захар искал отца Иоанна, Андрей зашел в Покровский храм и приложился к иконам. У «Неупиваемой Чаши» стояли несколько человек и по очереди подходили на поклон. Когда Андрей прикладывался к иконам и ковчезцам с мощами, он явно ощущал благоухание, от них исходящее. Снова он вспомнил слова игумена Алексия, что так Господь укрепляет верующих перед грядущими испытаниями.

В электричке Захар рассказал, что в первую ночь он опять слышал голоса, стук в дверь. Он уже хотел было открыть, но сосед его остановил, сказал, что это бесы его искушают, что никакого стука не было. После молебна у чудотворной иконы голоса пропали. Пил святую воду, посещал все службы, говорил с монахами; и никакой тяги к спиртному не наблюдал. Но только вышел из монастыря с деньгами на дорогу, как сразу у первого ларька его как за руку повели, правда, молча, и он купил бутылку водки... Хотел зайцем домой уехать, но что-то остановило, и он вернулся в монастырь.

За окнами промелькнула эстакада кольцевой — поезд въехал в Москву. Громче зазвучали голоса пассажиров, особенно мат и ругань, споры и ссоры. Чаще залязгало под

ногами, резче захлопали двери. Гуще повалил в вагон табачный дым из тамбура. Глаза у Захара заблестели, забегали, руки нервно засуетились по карманам.

— Ладно, гуманист, дай на пиво.

— Это без меня...

— Тогда дай на хлеб.

— Я тебе сам куплю.

— Да не пропью, не бойся, вот те крест! — Захар перекрестился.

— Я тебе еду сам куплю...

— Ты что, гад, кресту не веришь?

— Тебе я не верю... Вернее тому гаденышу, который сейчас лезет в душу твою с командами.

— Урод непьющий, — прошипел Захар.

На столе, заставленном чашками, блюдцами, тарелками, королем высился натертый до матового блеска самовар. Электрический. Захар с полотенцем на шее, румяный и взопревший, наливал восьмую чашку крепкого чая:

— «А мы всегда с маманей после бани по восемь стаканов чаю выпиваем». Это из кино... Варенье кушай, а то пропадет...

— Некуда. Пожалей! — взмолился Андрей.

— А кому сейчас легко?..

Вышел Андрей от Захара уже поздней ночью. В этом рабочем районе почти все спали. Лишь редкие окна тускло светились в старых облезлых домах. Только редкий храбрец осмелится выйти в это время суток из дому.

Почти в полной темноте Андрей шел сквозь заросли высоких кустов к дороге и вспоминал беседу во время чаепития. Кажется, Захару этот вид питания понравился, во всяком случае, о спиртном он почти не вспоминал. Да и поездка в монастырь благотворно сказалась на нем.

За углом пятиэтажки на скамейках, обступивших с двух сторон узкую тропу, сидела шумная компания. Судя по громким матерным выкрикам — пьяная. Андрей нащупал в кармане куртки четки и стал по ним читать Иисусову молитву. Кольнувший холодком в затылок страх растворился, и уже спокойно, не снижая темпа, он зашагал через агрессивно-бритоголовое и безнаказанно изрыгающее злобу сборище. На секунду они замолкли, будто размышляя, как поступить с одинокой жертвой, но вот Андрей минул последнего и прошел дальше, чувствуя спиной взгляды десятка злых, залитых спиртом глаз.

«Голосуя» на Рязанке, Андрей краем глаза заметил троих. Преследователи стояли в кустах у обочины и молча наблюдали за ним. В одном из них Андрей узнал последнего, сидевшего на скамейке с пустой водочной бутылкой в руках. Они только стояли и молча следили за возможной жертвой.

Но вот и желтая «Волга» с шашками на светящемся на крыше табло. Андрей сел в машину и бросил взгляд на затаившуюся троицу. Встретился взглядом с одним из них и внутренне содрогнулся: так, наверное, волк смотрит на убегающую жертву.

— У тебя, Андрей, снова проблемы? — услышал он голос шофера.

— А, это ты! Нет, все нормально! Давай через кольцевую... Прости за хлопоты, которые мы с другом доставили тебе. А ты даже имя мое запомнил.

— Как не запомнить таких клиентов... Ну что, вылечил своего Захара?

— Вот только сейчас от него. Чай пили.

— Чай?! — вскинул голову таксист. — Это уже прогресс. А я вас недавно вспоминал, когда был на дне рождения сына. Заскочил на полчаса поздравить и подарок вручить, а насмотрелся... Все до одного пьяные или обкуренные! Там половине и

восемнадцати нет, а уж на физиономиях написано: алкоголик или наркоман. Как бы мне сына не пришлось везти в этот ваш монастырь.

— А ты съезди заранее. Постой на молебне и закажи поминовение на год. Тогда, может быть, и везти его не придется.

— А что, можно и так? Без него?

— Можно. На вот, возьми, раз такое дело, — Андрей вынул из сумки книжечку акафиста «Неупиваемой Чаше» и протянул таксисту. — Здесь и история иконы, и акафист для молитвы, и адрес, по которому молебен заказать можно.

— И что, вот так по почте можно?

— Да, конечно. И будь уверен, монахи весь год каждый день будут молиться за твоего сына. Но лучше съездить лично. Там хорошо! Одно слово — благодать.

Алена

— А у меня новости! — пропела Алена.

— Хорошие?

— Очень! Я заказала сорокоусты. Свечки поставила. Ну, помолилась, как смогла. И ты знаешь, в этот день ближе к вечеру появилась уверенность, что теперь все у меня будет как надо. Все будет хорошо! Ты представляешь, даже телевизор не стала включать, чтобы настроения не испортить. Батюшки мои! Беру молитвослов, представь! Читаю вечернее правило, как путевая, потом акафист благоверному князю Даниилу Московскому. Сама себя не узнаю. И вот такое состояние на душе — будто летаю. Словно ангелы меня крылышками обмахивают...

— Ангелы, говоришь?

— Да погоди ты, не все еще! Звонит мне одна женщина, с которой мы в Оптиной вместе ходили. Такая набожная дамочка. Она мне очень много интересного тогда говорила. Про ее жизнь роман писать можно. Мы с ней подружились и обменялись телефонами. Вот. Рассказала я ей про свою беду. А она мне и говорит, что она, оказывается, юристка по этим самым квартирным делам. Давай, говорит, я тебе, как православной, на добровольных началах помогу. Слышь, как православной! Мне это так понравилось, будто я в круг продвинутых вошла. Посмотрела она мой контракт с газетой, весь его проштудировала и говорит, что никакого права отнять у меня квартиру они не имеют. И не смогут. Вот так! Что я вступила в права собственности на мою родненькую квартирку, как только подписала контракт, даже еще и не заплатив за нее ни копейки. Вот. Сказала, что если они попробуют отнять у меня ее, то это только через суд. Но, во-первых, они суд проиграют, а во-вторых, она на суде будет представлять мои интересы и гарантирует разнести их в пух и прах. Ой, Андрюшечка, я так рада, так рада, что вся опять летаю!

— Я тоже рад за тебя, Ален. Только попробуй бывшего начальника не воспринимать как врага. Он сотворил тебе огромную пользу, так будь ему за это благодарна. И молись за его драгоценное здоровье каждый день.

— Ладно, так и быть, пускай себе живет...

— Не «ладно», а искренне, хорошо? И еще кое-что прослушай, как бы это ни было малопривно.

— Хорошее начало...

— Ничего, не помешает! Видишь ли, продвинутая, у таких, как мы с тобой, есть одна очень возможная неприятность. Мы приходим в Церковь очень испорченными, не прямым путем, как положено, если бы мы родились в семье верующих, а через атеизм, книжки, советы и знания. «Знания надмевают, а любовь назидает.» У таких, как мы, чаще всего встречается духовная болезнь, которая называется прелестью.

— Ой, какая прелесть!

— Полностью этот диагноз звучит так: прельщение сатанинское.

— Ну, вот...

— Это такая болезнь души, когда ты ищешь в Церкви не покаяния, а наслаждений, вроде этих твоих полетов во сне и наяву. Твой враг, чувствуя такую расположенность, будет тебе навязывать эти состояния. Ты увидишь свет внутри и снаружи, ты будешь «летать», слышать ангельское пение, можешь даже увидеть «святых» и даже «господа бога».

— И что тут плохого?

— Только то, что это все будет не от Бога, а от врага лукавого. Он по этим гадостям крупный специалист. Ты должна помнить, что только за великие молитвенные и постнические подвиги считанным единицам даются такие видения от Бога. Только после великого смирения! А вот эти лукавые видения всегда в себе несут тщеславие и гордость. Поэтому я тебя умоляю, остерегайся разных там «полетов» и «продвинутости». От этого можно с ума сойти. Путь христианина — путь слез и скорби, путь несения креста. Есть на этом пути и радость, и свет, и любовь — но только после мучительного очищения от грязи греховной. Ну, как в бане нужно попотеть и продраить тело, чтобы ощутить потом легкость и чистоту, так и в храме покаянными слезами нужно умыть душу, чтобы появилось чувство облегчения. А святые, которые летали в прямом смысле — возносились над землей в молитвах, как, например, известный тебе преподобный Амвросий или батюшка Серафим Саровский... Они всю жизнь почитали себя самыми грешными и достойными только преисподней. И надеялись на спасение только по величайшей милости Господней, а никак не за свои духовные подвиги. Ты меня поняла?

— Я это учту...

— Постарайся, пожалуйста. Я вот тут недавно в храме двух дамочек наблюдал. Одна вслух службу комментировала. Матом ругалась. Когда ее старушка одна дернула за рукав и сказала, что нельзя в церкви женщинам разговаривать, та ей ответила грубым мужским голосом: «И тебе, дура старая, нельзя!» Это была одержимая. Я перешел на другую сторону, но и там стояла дамочка — другая уже, поинтеллигентней — и тоже концерты давала. Сначала она минут на десять замерла в земном поклоне, выставив на всеобщее обозрение свою пятую точку... Потом, раздвигая локтями мужчин, протолкалась к иконостасу и стала там прямо перед священником. На ее лице было такое выражение, будто она близка к истерике: рот открыт в перекошенной эдакой оскальной улыбке, глаза вытаращены, изо рта слюна течет... Казалось, что если кто ей помешает сейчас получить ее очередную инъекцию духовного наркотика — любого разорвет на части! Вот так со стороны выглядит прелесть.

— Н-да, перспективка... Запомню теперь обязательно.

Крестный ход

В субботу Андрей пошел на крестный ход, посвященный годовщине убиения Государя-мученика Николая с семьей. По телевизору сообщали, что в городе будет день пива, а о крестном ходе сообщили только по одному из десяти каналов, да и то в издевательском тоне: вот, мол, когда все нормальные люди «отрываются на всю катушку» на празднике любимого народного напитка, эти ненормальные будут царя поминать. Андрей вспомнил, что на дне пива в Минске погибли в давке несколько человек, а на прошлогоднем крестном ходе замироточили иконы, — вот и выбирайте, русские люди. Андрей выбрал крестный ход.

Когда он поднялся по эскалатору метро на Старую площадь, его окружила толпа. Раздав милостыню нищим, в копилки монастырей и церквей, он оглянулся. Несколько сотен — священников, монахов, мирян. При определенных обстоятельствах, например, спровоцированного скандала, вполне возможны давки, столкновения, паника. Поэтому, наверное, две машины реанимации и сотня милиционеров находились поблизости в состоянии расслабленной бдительности.

Но нет, каждый занимался своим делом: верующие участвовали в молебне, сборщики пожертвований собирали деньги, торговцы продавали книги, календари, кассеты; кто-то общался со знакомыми на травке в тени деревьев. Андрей обошел всех по кругу и вернулся на жару, поближе к часовне героям Плевны. Здесь скученно стояли молящиеся в мокрых рубашках, укрываясь от палящего солнца зонтами, газетами, кепками — кто чем. За спиной шуршали, гудели, тархтели выхлопными трубами стада автомобилей. Слова канона, читаемые из часовни, различались с трудом, но рядом с ним стояла женщина с книжечкой. Она увидела, как Андрей тянет шею из-за ее плеча, и повернула книжку так, чтобы и ему были виден текст канона. После выступил духовник крестного хода. Он напомнил, что это не демонстрация, а соборный молебен, читаемый на ходу, поэтому всем нужно молиться, тогда крестному ходу будут сопутствовать силы небесные.

Некоторое время участники выстраивались в колонну, впереди — большие иконы Царственных мучеников, Богородицы, хоругви, потом — все остальные. Все вокруг несли иконы. Достал из сумки и понес впереди себя икону Государя в рамке и Андрей. Понемногу тронулись. Андрей оглянулся. Рядом шли бодрый старичок со старинным образом в серебряном окладе, мать с десятилетним сыном, две женщины из интеллигенток, юная девушка, высоко поднявшая свою икону тоненькими ручками, отец с сыном...

Когда они вышли из тени деревьев на Славянскую площадь, яркое солнце закрыло облако, которое так и сопровождало их до конца, осеняя своей тенью, как зонтиком. От реки тянуло прохладой. Шли они по тротуару, а по дороге их сопровождали машины милиции и грузовик с колоколами, которые переливались на разные голоса. Всю дорогу они пели молитвы: «Богородице Дево, радуйся...», «Царю Небесный...», тропарь Кресту и другие. Получалось дружно, напевно, ладно.

На душе появилась светлая мирная радость, которая временами волнами нарастала, будто порыв теплого ветра. «Благодать какая!» — радовалась женщина рядом. На глазах у многих появились слезы. Несколько раз подступали они и к глазам Андрея.

Во время крестного хода рядом с Андреем мироточили одна за другой шесть икон. К ним с разных сторон подходили прикладываться. Присутствие святых небесных сил ощущалось совершенно явно, рождая в душе то благодатную радость, то страх богоприсутствия, страх согрешить, струсить, предать Господа и святых Его.

На Кремлевской набережной Андрей оглянулся. Странное дело, на Старой площади вряд ли было больше тысячи человек. Сейчас же крестный ход растянулся вдоль всей кремлевской стены: голова с хоругвями подходила к Храму Христа Спасителя, а хвост все еще сворачивал на набережную. При этом шли плотными шеренгами человек по пять-семь. Тысяч десять, может быть, и больше!

У Храма Христа Спасителя уже начался завершающий молебен, но места здесь было маловато, поэтому подходящие теснили ранее пришедших в сторону станции метро. В общей толпе пошел к метро и Андрей.

Вот и все, теперь не растерять, не рассыпать то, что приобретено, что народилось и жило внутри, в области сердца, радуя и освещая изнутри и тебя самого, и все вокруг.

Вечером Андрей зашел к своим соседям. Света смотрела телевизор, а Сергей собирал очередную модель спортивной машины. Гостя посадили в кресло, отрезали кусок торта, налили чай — и забыли о нем.

По телевизору показывали старый черно-белый фильм, в котором честный и принципиальный юноша пытался устроить свою личную жизнь совместно с общественно-активной и политически грамотной девушкой. Андрей не помнил этого фильма, но итог этого романа очень явно просматривался в том, что у них имелось самое главное: общность социально-политической цели. Само собой разумелось, что основа будущей ячейки общества заложена процветающим строем, поэтому никаких сомнений в

будущности строящейся на экране семьи не возникало. Проблемы им создавали только отдельные, неизжитые еще проявления старой, обреченной на отмирание эпохи.

Странное дело, через десяток минут просмотра Андрей почувствовал симпатию к этим ребятам. Подкупала чистота их отношений и абсолютная искренность, с которой они служили общему делу. Еще через десять минут Андрей уже не удивлялся легким всхлипываниям Светы, утиравшей заранее приготовленным платочком взмоклие глаза. Во время рекламной паузы, которая напомнила о продолжении другой эпохи, с проявлениями которой так активно боролись киногерои, Света громко высморкалась и вслух произнесла:

— Господи, ну пусть у них все будет хорошо! Они такие чистые, прямо как дети!
— затем она обернулась к мужчинам. — Мне так жалко всех... Ведь страдают!

— Ну, началось мокрое дело, — проворчал Сергей.

— Это хорошо, Света! — кивнул ей Андрей. — Это очень хорошо. Сочувствуй людям, помогай по возможности. Помнишь из Евангелия: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много».

— Правда? Ты всегда меня утешаешь... Хочешь еще тортика?

— Как поживает твоя воспитанница?

— Сложная девочка. Ну, кажется, все у человека есть: квартира, загородный дом, одежда откутурная, еда лучшая, лошадь даже папа купил! За границу возят ее, в школу элитную дитя ходит... А одинокая! Общаться ни с кем нельзя: опасно, возможно это... «похищение с целью получения выкупа». Как прихожу, так ко мне аж прилипает, бедненькая.

— Чтоб я таким бедненьким был! — усмехнулся Серега.

— Ну и что? Да ты бы дня такой жизни не стерпел — под вечер сюда б сбежал. Ко мне!

— А зачем сбегать, если ты каждый день приходишь? Представляешь, одевался бы в Диоре, ездил бы на «мерсе», катался бы на лошадке, кушал бы устриц с шампанским, по парижам-ню-йоркам бы летал... Красота!

— И все время один... Ты эти барские замашки брось! Ладно, не сразу, но через месяц вернулся бы точно к щам да котлетам, к дивану вот этому и в спокойную жизнь. Вот, например, она меня Светочкой называет, а мать приходит, она ей: «Жратва пришла!» Та — в слезы, а потом и малая тоже в истерику. И так каждый день. Ужас! Папа с работы приходит, нарычит на всех, напьется своего «бурбону» — и давай храпеть на всю семикомнатную. Каторга, а не жизнь.

— И после земного временного ада — потом еще и в подземный, но уже вечный!.. — добавил Андрей. — Ну, как их после этого не пожалеть? Нет уж, Светик, жалея их таких. Может, по твоим молитвам они хоть какого-то послабления сподобятся...

— Мне бы хоть себя вот с этим любителем шампанского отмолить... Сами в грехах по уши сидим.

— А че меня отмаливать? Я ж сказал, что не пью. А уж если сорвусь, то поедем в Андрюшкин монастырь. Я ж сказал, Света! Или ты мне не веришь?

— Верю, верю... — вздохнула она протяжно и чмокнула его в макушку.

Андрей уединился в своей комнате. Раскрыл взятую когда-то у Захара книгу «Россия перед Вторым пришествием» и стал зачитывать заложенные бумажками и подчеркнутые Захаром места.

Бывший госсекретарь США З. Бжезинский заявляет в прессе, что после разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось Русское Православие.

Преподобные Иоанн Дамаскин и Ефрем Сирийский в восьмом веке подробно описывают этапы прихода антихриста, срок его деятельности — три с половиной года, возвращение на землю взятых на небо до времени пророков Илии и Еноха и проповедь их

о настоящем происхождении и планах антихриста, их убийство и славное вознесение на небеса. Их проповедь многих обманутых антихристом людей обратит к Богу истинному.

Преподобные Авель, Серафим Саровский, Нил Мироточивый и другие святые предрекали восстановление монархии в России на 15–20 лет. За эти годы Россия станет самой богатой и могучей страной в мире, а царя, потомка рода Романовых, будет бояться даже сам антихрист. В Россию будут бежать спасаться все честные люди из разных стран, где будут землетрясения, голод, хаос...

Странное впечатление производили пророчества. С одной стороны, тяжелое, с другой — обнадеживающее. В душе Андрея вместе с торжеством и верой в неизменную любовь Бога к созданиям Своим зарождалась невыразимая жалость к людям, породнившимся с грехом и потому обреченным на муки. Он знал источник этой двойственности. Смятение его души потребовало каких-то мер. И он, как за спасательный круг, схватился за писания преподобного старца Силуана Афонского. Книга открылась сама собой, и вот что он в ней прочел:

«Одни грехи принес я в монастырь, и не знаю, за что Господь даровал мне, когда я был еще молодым послушником, столь много благодати Святого Духа, что и душа и тело были полны благодатию, и благодать была, как у мучеников, и тело мое жаждало страдать за Христа» (с. 283).

Книга о преподобном Силуане опустилась на грудь Андрею, и он задумался. Потом легкая дрема стомила его...

...Андрей очутился на площади среди руин и пожарищ. Свинцовое низкое небо давило сверху, как пресс. Затравленно озираясь, пробежали мимо несколько человек в лохмотьях и скрылись в ближайших развалинах. Андрей побрел в ту же сторону, не представляя себе, зачем. На площадь выехал броневик, и из динамиков на его крыше разнеслось вокруг: «Раздача еды для четырнадцатого квартала начинается в шестом бункере!»

Под ногами хрустели и кружились, словно опавшие листья, денежные купюры: доллары, марки, рубли с большим количеством нолей.

В развалинах, словно тени, понуро передвигались пугливые люди. Маленькая девочка, устроившись в просторном салоне побитого кабриолета на прожженном кожаном сидении, играла желтыми брусками и камешками. Андрей подошел ближе и увидел, что это золотые слитки и драгоценные камни. На ее правой ручке и на чумазом лобике яркой краской написаны три шестерки. Девочка подняла глаза на Андрея, и он в ужасе вздрогнул — то были глаза куклы: пустые, холодные.

К девочке подошла женщина с такими же клеймами, буркнула: «Пошли кушать, крысенок» — и потащила ее в сторону площади. За ними побрел и Андрей.

У бункера выстроилась очередь. Все молчали. Когда Андрей дошел до двери, к нему подбежал охранник с автоматом и убрал с его лба волосы. Сильные руки схватили Андрея в клещи и подвели к здоровенному толстому охраннику, вероятно, главному здесь.

— У этого клейма нет.

— Почему нет? — ласково улыбнулся главный.

— Не буду я ставить себе вашего клейма, — услышал Андрей свой голос.

— Ну, и пошел вон отсюда. Нам таких кормить не велено.

Андрей вышел и отправился прочь. Очередь с ненавистью исподлобья провожала его голодными затравленными глазами.

Где-то рядом должна быть церковь. Он обогнул развалины и увидел странное: церковь стояла, только не было на ней ни креста, ни фресок с иконами... Под шорох опавших купюр он поднялся по ступеням и открыл дубовую дверь. В гулкой тишине сгорбленная старушка натирала подсвечник. По старинным сводчатым стенам сияли золотом и камнями незнакомые лица с нимбами. За распахнутыми царскими воротами алтаря блеснул престол с тронном, на котором восседал в царских облачениях с

коронай-нимбом на гордо поднятой голове великий потомок колена Данова с теми же тремя шестерками на лбу. «Мерзость запустения на святом месте», — вспомнил Андрей.

— Ты где находишься, выродок! Почему не кланяешься царю и господу нашему?

Андрей оглянулся и увидел священника в парчовом облачении. Взгляд его выражал свирепую ненависть.

— Я православный христианин и посланнику сатаны поклоняться не буду.

— Взять его! — хлопнул в ладоши священник.

Снова Андрея схватили крепкие охранники с автоматами, но уже в парчовых одеждах, и потащили его в придел, где стоял большой деревянный крест, укрепленный в бетонном полу. Рабы первосвященниковы сначала привязали Андрея к кресту, несколько раз ударили прикладами по голове и груди.

— У тебя есть еще шанс выжить, ублюдок! По великой милости царя и господя нашего, если ты отречешься от своего лжеучителя и самозванца, поклонись господу и поставишь на руку и лоб клеймо, то он дарует тебе жизнь, свободу и еду.

— Я верую в Господа моего Иисуса Христа, Сына Божиего во Святой Троице. А сатане, мужик, поклоняться не буду.

— Распятъ его.

Андрея сначала избили прикладами и сапогами, а потом подняли лебедкой и довольно умело вбили громадные кованые гвозди в ладони и ступни. Сразу обжегшая его боль позже несколько утихла, превратилась в тупую гудящую ломоту. Судороги прокатились по всему горящему в огне телу. Он в изнеможении обвис, но сразу же началось удушье. Снова тело его забилося в судорогах. Он собрал силы, приподнялся на вбитых в ступни гвоздях и, еле ворочая надкушенным распухшим языком, сдавленно прошептал:

— Господи Иисусе Христе, не вмени им во грех, ибо не ведают, что творят. Господи Иисусе, прими дух мой в руки Свои!

И треснули идольские изображения, и рассыпались в прах, и пала тьма кромешная...

И сонмища ангелов в ярком луче неземного света спустились с небес и подняли его, и стали поднимать вверх, откуда тысячей солнц сиял Тот, к Которому всем сердцем тянулся Андрей. И великая смиренная любовь Отца Небесного обняла его легкую, очищенную страданиями душу. «Слава Тебе, Господи!» — звучало всюду: и огнеподобные небожители пели славу, и вся душа Андрея светилась и ликовала...

Он снова осознал себя в комнате. Видение полностью осталось в памяти. Оцепенение проходило, в душе нарастал вопль.

— Господи милостивый! Я готов пойти ради Тебя на любые муки! Если нужно для искупления грехов моих и людей, которых Ты дал мне, чтобы любить и молиться за них, то пусть меня распнут, мучают самыми страшными истязаниями... Я выдержу все, потому что я верю, что Ты всегда рядом и не оставишь меня. Но, Господи, я не смогу вынести этих холодных детских глаз, вида этих обреченных тупых людей, поклоняющихся сыну погибели. Господи, я немощен, Ты знаешь это. Я всю жизнь свою положу молиться за них, за моих ближних. Но только не надо этих пустых детских глаз!

Он не обрел обычного успокоения после молитвы, наоборот, напряжение в нем росло. Не замечал он ни льющихся слез, ни автомобильных гудков за окнами, ни настойчивых звонков телефона. Икона перед ним сияла небесным золотым светом. Он жадно всматривался в любимый лик. Очи Спасителя пронзали его до самого сердца. Сколько тянулось это напряженное ожидание? Целую вечность. Но вот из самой глубины гулко бухающего сердца народилось и, заполнив все во-круг, ясно и громко, как набатный колокол, прозвучало: «Да будет по слову твоему, чадо».

...Андрей взял с собой книги, паспорт, деньги и самые необходимые вещи. Положил в рюкзак. Черкнул записку. И вышел из дома. На востоке червонным золотом плавился восход солнца. Туда он и направился.

Что осталось за спиной — трудно сказать. Зато будущее предстояло в полной ясности. Распятие на кресте заменялось распятием в молитве, в слезах, в посте и бдении. Не от мира он бежал в страхе и малодушии, но за мир положить душу свою. Нет больше той любви.

Эпилог

Юрий Ильин:

— Вот он и ушел. Сначала мы все находились в шоке. Иришка плакала целый день. Лида восприняла это спокойнее, но тоже как-то поникла. Я ругался, как извозчик, даже стыдно вспоминать... Звонил в наш монастырь, думал, что он туда ушел. Нет, там его не оказалось.

Но прошло три дня, и — мы все разом как-то успокоились. Теперь я все понял: он стал молиться за нас на новом месте. Уж не знаю, как все обернется у нас, но только появилась абсолютная уверенность, что ничего плохого с нами не произойдет. У нас теперь такой защитник появился! Да, ждем с Лидочкой ребенка. Решили назвать Андреем. Лида рассказала, что это он уговорил ее не идти на аборт, когда она в сомнениях терзалась. Это благодаря ему появится на свет наш сын.

Лена Ильина:

— Да что о нем говорить: сумасшедший он...

Света:

— Я знала, что Андрей уйдет в монастырь. Уже в первый его отъезд была уверена, что он не вернется. Только все одно — жаль... Это мы себя, эгоисты, жалеем. Мы будто осиротели. Хотя... он все равно будто здесь. Мой-то, Серега, не пьет. Задумчивый стал. А однажды даже сказал: «Знал бы, где он, — ушел бы за ним! С таким хоть куда — все только на пользу».

Владимир Иванович:

— Все правильно! Такие, как Андрюха, должны быть монахами. Весь смысл жизни таких людей — служение Богу, а где лучше служить, если не в монастыре? Да вот хоть наши с ним дела возьмите! Приходилось этому парню снабженцем работать у бывшего урки. Нет, вы понимаете? Самшит на виллу из района боевых действий поставлять. Кстати, церковь при доме я построил и самшитом ее отделал. Иконы древние повесил. Все теперь есть для молитвы. Только молиться еще не научился. Позвал священника из соседней церкви, он присоветовал, как начать. Обещал мне помочь на первых порах. А я ему помогу...

А молитва Андрея, может, тысячи, а может, миллионы от смерти спасает. Это ж мы не знаем... Об этом можно только догадываться.

Об одном жалею очень сильно: мне бы с ним побольше поговорить, поучиться у него было чему. Только знаю я точно, что парень он хоть и суровый на вид, а сердце у него доброе. Он по жизни не обижался на меня. Золотое сердце!

Маша:

— Мы его не понимали. Ему Господь дал столько, что не нам о нем судить. Он жил только для людей. Кем бы я сейчас была, если не он? Да и была бы ли жива?.. И сейчас он за нас молится. Никогда еще так по ночам меня не тянуло к иконам. Будто Андрей сам за руку меня на молитву ставит.

Мне еще нужно многое узнать: благодаря Андрею я вошла в новую жизнь, и пока в ней я, как ребенок. Но эта новая жизнь очень светлая! Иногда я по ночам плачу, но это не слезы обиды, нет! После них на душе появляется такой мир, такая любовь, что будто всех людей готова обнять, утешить. Сынок мой, Сережка, по воскресеньям сам нас будит, в храм торопит. Батюшка сказал, что тоже монахом, наверное, станет. Да я уже и не против.

Мать:

— Когда мне говорят, что я потеряла сына, мне становится жаль этих людей. Ничего они не понимают. Сейчас только я поняла, что такое молитва. В какой же непроглядной тьме мы жили! Когда я вспоминаю моего Андрея, в душе появляется такое спокойствие... нет, это трудно объяснить. Знаю одно: я могу быть спокойна за сына.

Алена:

— Когда Андрей ушел из мира, я поехала к нему домой. Света провела меня в его комнату. Книги, иконы, почти голые стены, жесткая кушетка. Да это не комната — келья монаха. На столе я нашла его тетради и блокноты. И тут меня озарило: я должна написать о нем повесть! Из его записей, из рассказов его друзей и знакомых получилось то, что вы сейчас читаете.

Не судите меня строго: очень трудно писать о православных. Приходится много читать, изучать и советоваться со священниками. Кстати, именно мой духовник настаивает в минуты сомнений не бросать, а наоборот — писать, и как можно подробнее, о нашей новой жизни в Церкви.

Как я отношусь к уходу Андрея? Сначала, признаться, я плакала. От его знакомых я узнала: Андрея было очень много! Его хватало на всех, он в судьбе каждого, кто с ним соприкоснулся, оставил не просто след, но заполнил ее смыслом, истиной, любовью. Сейчас физически его нет рядом, но он еще больше, еще насыщеннее заполняет наши жизни! Его молитвы за нас мы все ощущаем каждый день.

Простите, меня, глупую... Я все еще плачу о нем. О, жестокий и грязный мир, как же ты прогнул, если лучшие уходят от тебя!

Андрей часто снится мне. Теперь он носит бороду. Просветленный такой, кроткий... Только вот борода его почему-то с сильной проседью. Как у старца.

Да, среди его бумаг нашла старый билет и поняла, куда он ездил к старцу. Набралась смелости и тоже съездила к нему. Он — схииеримандрит. Знаменитым был еще во время войны. Живой святой! И вот что он сказал мне про Андрея: «У него очень высокое служение. Много жатвы собрал он в миру, но еще больше ему в обители предстоит!»